

КИТАЙ

CHINA

中国

2022 Vol 1 (1)

УЧРЕДИТЕЛИ

- Маслов А.А
- ООО «Эко-Вектор»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 — 79035 от 28.08.2020.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Эко-Вектор»

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, Аптекарский переулок, д. 3, литера А, помещение 1Н

E-mail: info@eco-vector.com

WEB: <https://eco-vector.com>

РЕКЛАМА

Отдел рекламы

Тел.: +7 495 308 83 89

E-mail: adv@eco-vector.com

РЕДАКЦИЯ

Зав. редакцией

Олег Кимович Вавилов

E-mail: china@eco-vector.com

Тел.: +7 (903) 570-91-99

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, Аптекарский переулок, д. 3, литера А, помещение 1Н

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию через Интернет:

www.journals.eco-vector.com

www.akc.ru

www.pressa-rf.ru

OPEN ACCESS

В электронном виде журнал распространяется бесплатно — в режиме немедленного открытого доступа

ИНДЕКСАЦИЯ

- РИНЦ
- Google Scholar
- Ulrich's International Periodicals Directory
- WorldCat

Оригинал-макет

подготовлен в издательстве «Эко-Вектор».

Литературный редактор: *О.И. Мальцева*

Корректор: *О.И. Мальцева*

Вёрстка: *Ф.А. Игнащенко*

Обложка: *Ф.А. Игнащенко*

ISSN 2782-3652 (Print)

КИТАЙ: ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Том 1 | Выпуск 1 | 2022
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Маслов Алексей Александрович, д.и.н., профессор (Москва, Россия)

ORCID: 0000-0001-7337-2874

Заместитель главного редактора

Целуйко Максим Сергеевич, Москва (Россия)

ORCID: 0000-0001-5396-3386

Редакционная коллегия

Войтишек Елена Эдмундовна, профессор, доктор исторических наук, Новосибирск (Россия)

ORCID: 0000-0001-8054-6369

Дин Ибин, Ph.D, Professor, Чанчунь,

Цзилинь (КНР)

ORCID: 0000-0003-2617-0270

Козырев Виталий, Ph.D., Беверли,

Массачусетс (США)

ORCID: 0000-0002-8160-8792

Малявин Владимир Вячеславович,

профессор, доктор исторических наук,

Москва (Россия)

ORCID: 0000-0001-9695-8026

Маргарян Ерванд Грантович, профессор,

доктор исторических наук, Ереван (Армения)

ORCID: 0000-0001-7396-2399

Панцов Александр Вадимович, профессор,

доктор исторических наук, Колумбус, Огайо

(США)

SCOPUS Author ID: 6507317394

Цзе Юй, Ph.D, Senior research fellow, Лондон

(Великобритания)

Balaban Milos, Ph.D, Прага (Чехия)

ORCID: 0000-0002-7288-4357

SCOPUS Author ID: 56047602900

Kim-kwong Chan, Ph.D., D.Th., J.P., Honorary Research Fellow, Гонконг (КНР)

Freitas de Cabral Ruben, Ph.D, Professor,

Toru-Orua (Нигерия)

ORCID: 0000-0001-8232-7098

Griffiths Richard T., Ph.D, Professor, Лейден

(Нидерланды)

SCOPUS Author ID: 56409338200

Humphrey Caroline, Ph.D, Professor,

Кембридж (Великобритания)

ORCID: 0000-0002-6705-4498

SCOPUS Author ID: 9336166500

Hunter Alan, Ph.D, Professor, Ковентри

(Великобритания)

ORCID: 0000-0002-6145-3156

SCOPUS Author ID: 57213707605

Palmer David A., Ph.D, Professor,

Гонконг (КНР)

ORCID: 0000-0001-5616-4635

SCOPUS Author ID: 26634245300

Van der Velde Paul, Ph.D, Professor, Лейден

(Нидерланды)

SCOPUS Author ID: 56059516800

Отпечатано в ООО «Типография Михаила Фурсова».
196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 69.
Тел.: (812) 646-33-77

16+

© ООО «Эко-Вектор», 2022

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов. Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции. К публикации принимаются только статьи, подготовленные в соответствии с правилами для авторов. Направляя статью в редакцию, авторы принимают условия договора публичной оферты. С правилами для авторов и договором публичной оферты можно ознакомиться на сайте: https://journals.eco-vector.com/China_SC/. Полное или частичное воспроизведение материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения издателя — издательства «Эко-Вектор».

FOUNDERS

- A.A. Maslov
- Eco-Vector

PUBLISHER

Eco-Vector

Address: 3 liter A, 1H, Aptekarsky pereulok,
191186, Saint Petersburg,
Russian Federation
E-mail: info@eco-vector.com
WEB: <https://eco-vector.com>

ADVERTISE

Adv. department

Phone: +7 (495) 308 83 89
E-mail: adv@eco-vector.com

EDITORIAL

Executive editor

Oleg K. Vavilov
Email: china@eco-vector.com
Phone: +7 (903) 570-91-99

SUBSCRIPTION

For print version:
https://journals.eco-vector.com/China_SC

PUBLICATION ETHICS

Journal's ethic policies are based on:

- ICMJE
- COPE
- ORE
- CSE
- EASE

OPEN ACCESS

Immediate Open Access is mandatory for
all published articles

INDEXATION

- Russian Science Citation Index
- Google Scholar
- Ulrich's International Periodicals
Directory
- WorldCat

TYPESET

complete in Eco-Vector
Copyeditor: *O.I. Maltseva*
Proofreader: *O.I. Maltseva*
Layout editor: *Ph. Ignashchenko*
Cover: *Ph. Ignashchenko*

© Eco-Vector, 2022

ISSN 2782-3652 (Print)

CHINA: SOCIETY AND CULTURE

Volume 1 | Issue 1 | 2022

QUARTERLY PEER-REVIEW ACADEMIC JOURNAL

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey A. Maslov, Dr.Sci. (Hyst.), Professor (Moscow, Russia)
ORCID: 0000-0001-7337-2874

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Maxim Tseluyko, (Moscow, Russia)
ORCID: 0000-0001-5396-3386

EDITORIAL COUNCIL

Elena Voytishek, Professor, Dr.Sci. (History)
(Novosibirsk, Russia)
ORCID: 0000-0001-8054-6369

Ding Yibing, Ph.D, Professor (Changchun,
Jilin, China)
ORCID: 0000-0003-2617-0270

Vitaly Kozyrev, Ph.D. (Beverly,
Massachusetts, USA)
ORCID: 0000-0002-8160-8792

Vladimir Maliavin, Professor, Dr.Sci. (History)
(Moscow, Russia)
ORCID: 0000-0001-9695-8026

Yervand Margaryan, Professor, Dr.Sci.
(History) (Yerevan, Armenia)
ORCID: 0000-0001-7396-2399

Alexander V. Pantsov, Professor, Dr.Sci.
(History) (Columbus, Ohio, USA)
SCOPUS Author ID: 6507317394

Yu Jie, Ph.D, Senior research fellow
(London, UK)

Milos Balaban, Ph.D. (Prague, Czech Republic)
ORCID: 0000-0002-7288-4357
SCOPUS Author ID: 56047602900

Chan Kim-kwong, Ph.D., D.Th., J.P., Honorary
Research Fellow (Hong Kong, China)

Ruben Freitas de Cabral, Ph.D, Professor
(Toru-Orua, Nigeria)
ORCID: 0000-0001-8232-7098

Richard T. Griffiths, Ph.D, Professor
(Leiden, Netherlands)
SCOPUS Author ID: 56409338200

Caroline Humphrey, Ph.D, Professor
(Cambridge, UK)
ORCID: 0000-0002-6705-4498
SCOPUS Author ID: 9336166500

Alan Hunter, Ph.D, Professor (Coventry, UK)
ORCID: 0000-0002-6145-3156
SCOPUS Author ID: 57213707605

David A. Palmer, Ph.D, Professor
(Hong Kong, China)
ORCID: 0000-0001-5616-4635
SCOPUS Author ID: 26634245300

Paul Van der Velde, Ph.D, Professor
(Leiden, Netherlands)
SCOPUS Author ID: 56059516800

The editors are not responsible for the content of advertising materials. The point of view of the authors may not coincide with the opinion of the editors. Only articles prepared in accordance with the guidelines are accepted for publication. By sending the article to the editor, the authors accept the terms of the public offer agreement. The guidelines for authors and the public offer agreement can be found on the website: https://journals.eco-vector.com/China_SC/. Full or partial reproduction of materials published in the journal is allowed only with the written permission of the publisher — the Eco-Vector publishing house.

СОДЕРЖАНИЕ

К выходу первого номера журнала «Китай: общество и культура»	6
<i>А.А. Маслов, М.С. Целуйко</i>	
Введение: новые методы количественно-структурного анализа китайской истории	9
<i>Д.В. Деопик, Б.К. Ганшин</i>	
Символы правления как источник при изучении истории Китая (Часть 1)	19
<i>М.С. Целуйко</i>	
Функции раннего слоя Шуцзина в социально-политической коммуникации.	37
<i>О.А. Бонч-Осмоловская</i>	
Кризис ханьского канонovedения и экзегетические тенденции в царстве Цао-Вэй.	53
<i>В.В. Башкеев</i>	
Документы Хань, сохранившиеся в первой главе <i>Хань шу</i> : структура распределения и отражение политического процесса	65
<i>В.В. Глазунова</i>	
Передача власти в удельных княжествах и динамика политического процесса Западной Хань.	79
<i>А.В. Андреева</i>	
Смена девизов и периодизация первой половины правления танского императора Гао-цзуна (649–683 гг. н.э.)	93
<i>А.Ю. Кожухов</i>	
Периодизация правления сунского императора Хуэй-цзуна (1100–1126)	103
<i>М.С. Целуйко</i>	
Рецензия на книгу Тэн Миньюй «Культура Цинь с археологической перспективы: от удельного государства до империи»	115
<i>В.В. Башкеев</i>	
Рецензия на книгу Марка Льюиса (M.E. Lewis) «The Early Chinese Empires Qin and Han»	123

CONTENTS

For the Publication of the First Issue of the Journal “China: Society and Culture”	6
<i>Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko</i>	
Introduction: The New Approaches to the Quantitative Structural Analysis of Chinese History	9
<i>Dega V. Deopik, Bogdan K. Ganshin</i>	
Reign Symbols as a Source on Chinese History (Part 1)	19
<i>Maxim S. Tseluyko</i>	
The Functions of Shujing’s Earliest Chapters in Socio-Political Communication	37
<i>Olga A. Bonch-Osmolovskaya</i>	
The Crisis of Han Classical Scholarship and Exegetical Trends in the Kingdom of Wei	53
<i>Viktor V. Bashkeev</i>	
Han Documents Preserved in the First Chapter of the <i>Han Shu</i> : Distribution Structure and Reflection of the Political Process	65
<i>Victoria V. Glazunova</i>	
The Transfer of Power in Kingdoms and the Dynamics of the Political Processes in Western Han	79
<i>Alla V. Andreeva</i>	
The Era Names Change and Periodization of the First Half of Tang Emperor Gao-zong (649–683 CE) Reign	93
<i>Alexander Yu. Kozhukhov</i>	
Periodization of the Northern Song Emperor Huizong’s Reign (1100–1126)	103
<i>Maxim S. Tseluyko</i>	
A review of Teng Mingyu’s book “The Qin Culture from an Archaeological Perspective: From Unitarian State to Empire”	115
<i>Viktor V. Bashkeev</i>	
A Review of the Book «The Early Chinese Empires Qin and Han» by Mark E. Lewis	123

目录

致 中国：社会与文化(“China: society and culture”) 杂志创刊号	6
<i>Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko</i>	
引言：中国历史定量结构分析的新方法	9
<i>Dega V. Deopik, Bogdan K. Ganshin</i>	
君主年号作为研究中国历史的来源（第一部分）	19
<i>Maxim S. Tseluyko</i>	
书经的早期层在政治社会交流中的作用	37
<i>Olga A. Bonch-Osmolovskaya</i>	
曹魏帝国汉学研究的转折及对趋势的解析.....	53
<i>Viktor V. Bashkeev</i>	
汉代的文献《汉书》所存的第一章：分配结构和政治进程的反映.....	65
<i>Victoria V. Glazunova</i>	
单独的藩属国的权利转交以及西汉政治进程的动态	79
<i>Alla V. Andreeva</i>	
唐高祖（公元649-683年）统治前期理念的变化及阶段分布	93
<i>Alexander Yu. Kozhukhov</i>	
宋徽宗时期（1100-1126）	103
<i>Maxim S. Tseluyko</i>	
书评腾铭予 “From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture”（从诸侯国到帝国。秦文化的考古学考察）.....	115
<i>Viktor V. Bashkeev</i>	
Mark Lewis的书评（M. E. Lewis） “The Early Chinese Empires Qin and Han”	123

К выходу первого номера журнала «Китай: общество и культура»

В потоке огромного числа международных научных публикаций о Китае и растущего числа журналов порою сложно ориентироваться. Но так сложилось, что в России в последние годы не возникло специализированных научных журналов именно по Китаю, хотя китаеведческая тематика, безусловно, активно освещается в комплексных журналах по востоковедению, истории и филологии, международным отношениям. А популярные журналы и статьи, даже написанные вполне профессиональными авторами, не могут заменить строго научного изучения Китая.

Представленный журнал строится вокруг нескольких основополагающих принципов, которых редакция собирается строго придерживаться и в дальнейшем. Прежде всего, каждый выпуск журнала построен вокруг основной научной темы номера, которая может быть посвящена не только конкретной проблеме, но и отдельно взятой научной школе, методологии, дискуссионным моментам. В связи с этим у каждого номера есть свой выпускающий редактор, что дает возможность дать площадку для китаеведов самых разных взглядов и направлений, связанных единой проблематикой. Благодаря этому каждый номер можно рассматривать как относительно законченную коллективную монографию, части которой связаны между собой тематически и логически, и дает представление не просто об узкой теме, но о целом научном направлении.

Но это отнюдь не значит, что авторы не спорят между собой, не предлагают альтернативные точки зрения — корректная научная дискуссия не только приветствуется, но и является важнейшей частью редакционной политики.

Другой ключевой редакционный принцип заключается в том, что журнал дает площадку как сложившимся и нередко выдающимся ученым, так и молодому поколению исследователей, работающих под руководством «мэтров» в своей области, которые, надеемся, станут однажды достойным лицом российского и международного китаеведения.

Конечно же, статьи журнала проходят, как и принято, двойное «слепое» рецензирование, а помимо этого мы опираемся на опыт и мнение международного редакционного совета.

Этот выпуск посвящен весьма сложной, но при этом активно развивающейся методологии: количественно-структурным методам исследования истории Китая. Формально статьи данного выпуска охватывают огромный

период с ранней древности до XII в., хотя сами методы количественных и структурных исследований вполне успешно применяются для изучения и современной политико-экономической жизни Китая.

Данный номер, таким образом, посвящен крайне интересной исследовательской методологии и тому, как ее можно применить для установления реальности и частотности тех или иных событий. Вопрос этот далеко не праздный, так как сама китайская историография, равно как и историографии других стран, часто сообщают о себе крайне субъективные сведения. Признаемся, это не самое легкое чтение, но оно позволяет дать ответы на многие вопросы, в том числе, например, и о том, в устной или письменной форме шла передача ранних китайских текстов.

Вопрос о точности методологии сегодня является одним из центральных в изучении как традиционного, так и современного Китая. Китаеведение, равно как и все востоковедение, родилось столетия назад из некоего «прикладного любопытства» западной культуры перед восточной и было представлено не только кабинетными учеными, но и дипломатами, путешественниками, переводчиками, торговцами. И самым интересным во взгляде Запада на Восток представлялись именно различия в культурах: в языке, религии, методах управления, организации повседневной жизни. В этом плане первые китаеведы были прежде всего «собираателями информации», и лишь затем — аналитическими исследователями. Однако постепенно китаеведение далеко вышло за пересказ событий, перечисление каких-то персонажей и цифр экономического развития (хотя, признаемся, и сегодня это можно встретить). Из чисто нарративного оно превратилось в системно- и методологически-обусловленную отрасль науки и экспертизы. И это можно считать оформлением китаеведения именно как профессионального научного направления. И здесь как раз четко сформулированная методология дает возможность перепроверить (а иногда и переформулировать) наши представления о китайской реальности.

Добро пожаловать в первый номер журнала «Китай: общество и культура»! И мы всегда открыты для интересных и перспективных научных статей.

Алексей Маслов
Главный редактор

For the Publication of the First Issue of the Journal “China: Society and Culture”

It is sometimes difficult to navigate in the flow of a huge number of international scientific publications about China and a growing number of journals. But it so happened that in Russia in recent years there have been no specialized scientific journals specifically on China, although Chinese studies are certainly actively covered in comprehensive journals on Oriental studies, history and philology, and international relations. And popular magazines and articles, even written by quite professional authors, can not replace the strictly scientific study of China.

The presented journal is built around several fundamental principles, which the editorial board is going to strictly adhere to in the future. First of all, each issue of the journal is built around the main scientific topic of the issue, which can be devoted not only to a specific problem, but also to a particular scientific school, methodology, and discussion points. In this regard, each issue has its own issuing editor, which makes it possible to provide a platform for Sinologists of various views and directions related to a single problem. Thanks to this, each issue can be considered as a relatively complete collective monograph, the parts of which are related thematically and logically, and gives an idea not just about a narrow topic, but about the whole scientific direction.

But this does not mean that the authors do not argue among themselves, do not offer alternative points of view — a correct scientific discussion is not only welcome, but is also an important part of the editorial policy.

Another key editorial principle is that the journal provides a platform for both established and often outstanding scientists and the younger generation of researchers working under the guidance of “masters” in their field, who, we hope, will one day become a worthy face of Russian and international Chinese studies

Of course, the articles of the journal are, as is customary, double-blind peer review, and in addition, we rely on the experience and opinion of the international editorial board.

This issue is devoted to a very complex, but at the same time actively developing methodology: quantitative and structural methods of studying the history of China. Formally, the articles in this issue cover a huge period from

early antiquity to the XII century, although the methods of quantitative and structural research themselves are quite successfully used to study the modern political and economic life of China.

This issue, therefore, is devoted to an extremely interesting research methodology and how it can be applied to establish the reality and frequency of certain events. This question is far from idle, since Chinese historiography itself, as well as historiographies of other countries, often report extremely subjective information about themselves. Admittedly, this is not the easiest reading, but it allows you to give answers to many questions, including, for example, whether the early Chinese texts were transmitted orally or in writing.

The question of the accuracy of the methodology today is one of the central ones in the study of both traditional and modern China. Sinology, as well as all Oriental studies, was born centuries ago out of a certain “applied curiosity” of Western culture in front of the east and was represented not only by armchair scientists, but also by diplomats, travelers, translators, merchants. And the most interesting thing in the West’s view of the East was precisely the differences in cultures: in language, religion, management methods, organization of everyday life. In this regard, the first Sinologists were primarily “information collectors”, and only then — analytical researchers. However, gradually Sinology has gone far beyond retelling events, listing some characters and figures of economic development (although, we admit, this can still be found today). From a purely narrative, it has turned into a systemically and methodologically determined branch of science and expertise. And this can be considered the design of Sinology as a professional scientific direction. And here it is precisely a clearly formulated methodology that makes it possible to double-check (and sometimes reformulate) our ideas about Chinese reality.

Welcome to the first issue of the magazine “China: Society and Culture”! And we are always open to interesting and promising scientific articles.

Alexey Maslov
Editor-in-Chief

致中国：社会与文化 (“China: society and culture”) 杂志创刊号

大量关于中国的国际科学出版物以及越来越多的期刊杂志让人难以判断。但是俄罗斯近年来没有专门针对中国的专业科学期刊，尽管关于中国的主題在东方研究、历史和语言学以及国际关系期刊中受到了广泛的报道。即使是由非常专业的作者撰写的热门期刊杂志和文章，也无法取代对中国严格的科学研究。

本杂志围绕几项基本原则展开，编委会将严格遵守这些原则。首先，该期刊的每一期都围绕着一个基本的科学主题展开，这个主题不仅可以针对特定的问题，还可以针对单独的科学流派、方法论和讨论要点。因此，每一期都有自己的发行编辑，这样可以为就同一个问题有不同观点和方向的汉学家提供一个平台。因此每一期都可以看成是一部比较完整的集体专著，各部分在主题上和逻辑上是相互关联的，不仅不仅展开专题研究，介绍整个科学领域。

但这并不意味着作者之间没有争议，也并非不提供不同的观点——正确的科学讨论不仅是受欢迎的，还是编辑策略的重要组成部分。

另一个重要的编辑原则是，该杂志为在其领域工作的杰出科学家和年轻一代的学者提供了一个平台，希望有一天能成为俄罗斯和国际汉学界的一个有价值的面孔。

当然，期刊的文章按照惯例会经过双盲同行评审，除此之外，我们还会参考国际编辑委员会的经验和意见。

本出版物致力于研究一种既复杂但同时也在积极发展的方法论：研究中国历史的定量结构方法。形式上，本期的文章涵盖了从远古时期到

12 世纪的巨大的一段时期，尽管量化和结构性研究本身的方法在研究中国现代政治和经济生活方面非常成功。

本期致力于讨论一种非常有趣的研究方法，以及如何应用它来确定这种或那种事件的真实性和频率。这个问题并非毫无疑问，因为中国以及其他国家的史料研究往往是高度主观的。诚然，这并非浅显易懂的作品，但它能回答许多问题，例如，早期的汉语文章是口头传播还是书面传播。

方法论的准确性问题是今天研究传统中国和现代中国的核心问题之一。汉学，以及所有东方学，诞生于几个世纪前西方文化对东方文化的“实用探索”，其代表不仅有理论学家，还有外交官、旅行家、翻译家和商人。在西方对东方的观点中，最有趣的恰恰是文化的差异：语言、宗教、管理方法、日常生活构成。在这方面，第一批汉学家主要是“信息收集者”，然后才有了分析研究学家。但渐渐地，汉学已经远远超出了复述事件的范畴，列举一些经济发展的人物和数字（尽管我们承认，今天也会遇到此类情况）。它已经从纯粹的叙事成为了一个系统方法为基础的科学研究领域。这可以被看作是汉学作为一门专业的科学方向的形成。就此，一种明确的方法论使我们有机会重新审视（有时甚至重新定义）我们对中国现实的想法。

欢迎阅读第一期“China: society and culture”！我们总是对有趣和有前途的科学文章持开放态度。

Alexey Maslov (马 斯洛夫 教授)

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Введение: новые методы количественно-структурного анализа китайской истории

А.А. Маслов, М.С. Целуйко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В данном эссе статьи публикуемого номера журнала описываются как имеющие общее проблемное и методическое поле, а также как принадлежащие, в основном, к одной школе изучения прошлого Восточной Азии. Вкратце описываются особенности данной школы и показывается, какие именно проблемы развиваются издаваемыми статьями. Статьи основателя школы Д.В. Деопика и его соавтора Б.К. Ганшина, а также специалистов по средневековому Китаю А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова посвящены единой проблеме символов девизов правлений, то есть субъективной периодизации истории ее деятелями, основанной на придании времени определенного имени. Функции этого имени, а также соотношение такой субъективной периодизации с реальным политическим процессом являются вопросами, исследуемыми в данном блоке статей. Второй блок статей — работы В.В. Башкеева и В.В. Глазуновой объединяются общим периодом — эпохой Западной Хань. Третий блок — работы М.С. Целуйко и О.А. Бонч-Осмоловской — сфокусирован на проблеме исследования канонов в частности и каноноведения вообще. Представленные статьи углубляют и расширяют проблемное поле научной школы. Расширение трактуется как постановка новой для школы проблемы и поиск метода ее решения. Углубление же, соответственно — это усложнение уже поставленной проблемы и коррекция существующих моделей. Статья О.А. Бонч-Осмоловской стоит отдельно от прочих, так как не принадлежит к общей для остальных научной школе, но является хорошей точкой опоры для сравнения и рефлексии.

Ключевые слова: научная школа; научная традиция; научные методы; проблемное поле; Китай.

Как цитировать

Маслов А.А., Целуйко М.С. Введение: новые методы количественно-структурного анализа китайской истории // *Китай: общество и культура*. 2022. Т. 1. № 1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Introduction: The New Approaches to the Quantitative Structural Analysis of Chinese History

Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This essay describes the papers published in this issue as (mostly) belonging to one problematic and methodological field, thus composing one scientific school or tradition. The main traits of this school are briefly outlined in the beginning. The papers written by the founder of the school, D. Deopik and his coauthor B. Ganshin comprise the first part of the issue, together with the papers of A. Andreeva and A. Kozhukhov. These papers are united by the problem of the era names, their functions, and correlation between them and real political process in the history of various empires, which existed on the territory of East Asia. The two papers comprising the second part of the issue, written by V. Bashkeev and V. Glazunova, have a common period of studies, that being the Western Han Empire. The last two papers of the issue are authored by O. Bonch-Osmolovskaya and M. Tseluyko. They deal with the problems of canon studies in China, researching exegetic tradition and the contents of ancient canonical text *Shujing*, respectively. Each paper presented in this issue either broadens or deepens the field of studies for their common scientific school, meaning that it either includes a new hitherto untouched (in this specific scientific school) problem and proposes a distinct approach to solving it or outlines a complication of the already existing problem, proposing an additional method for solving it. The only exception is the paper of O. Bonch-Osmolovskaya, which does not belong to the same scientific school as other papers on the issue but represents a good point for reflection and comparison.

Keywords: scientific school; scientific method; problematic field; scientific tradition; China.

To cite this article

Maslov AA, Tseluyko MS. Introduction: The New Approaches to the Quantitative Structural Analysis of Chinese History. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):9–17. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

Received: 04.03.2021

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

引言：中国历史定量结构分析的新方法

Alexey A. Maslov, Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

抽象的

杂志本期的出版的文章时评为现存的一个共同问题和方法领域，以及对旧东亚的一种研究学派。简要描述了该学派的特点，并通过出版的文章展现了该问题的发展。该学派创始人 D. V. Deopic、其合著者 B. K. Ganshin 以及中世纪中国专家 A. V. Andreeva 和 A. Yu. Kozhukhov 的文章专注于统一代号的符号问题，也就是说根据历史人物对历史的主观分期，给时间一个特定的名称。这个名称的功能以及这种主观周期与实际政治过程的关系是本文所研究的问题。文章第二部分——是 V. V. Bashkeev 和 V. V. Glazunova 统一了一段共同的时期——西汉时期。第三部分——M. S. Tseluyko 和 O. A. Bonch-Osmolovskaya 的著作——是对经史子集及其一般标准的研究。所发表的文章深化和扩展了科学学派的问题领域。此类扩展被视为对学派提出了一个新的问题并探索其解决方法。相应地，深化是对已经存在的问题的加深了解以及对现有模型的修正。O. A. Bonch-Osmolovskaya 的著作与众不同，因为它不属于一般科学流派，但它是一个很值得对比和反思的参考点。

关键词：科学学派；科学传统；科学方法；问题领域；中国。

如何引用文章

Maslov AA, Tseluyko MS. 引言：中国历史定量结构分析的新方法 *China: Society and Culture*. 2022;1(1):9–17.
DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81796>

收到: 04.03.2021

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

Статьи, опубликованные в предлагаемом вниманию читателя первом номере журнала «Китай: общество и культура», с одной стороны, заметно различаются по исследуемой проблематике, с другой стороны, схожи в том, что методы авторов (семи из восьми авторов) разработаны в рамках школы количественных, точных и структурных методов исследования истории традиционного общества Востока, создаваемой Д.В. Деопиком с 1960-х годов. В XXI в. эта школа развивалась на китаистическом направлении во многом благодаря системе проектов, налаженной М.Ю. Ульяновым в ИСАА и далее продолженной поколением их учеников, к числу которых относятся и некоторые авторы статей данного номера [1].

Эта научная школа объединена общностью метода и проблемного поля. В то время, как часть научных задач ставится в рамках школы, другая, большая часть, была сформулирована до нас в рамках мировой и отечественной традиций китаеведения. В каждом из исследований, представленных в данном номере, пересекаются несколько крупных проблем.

Наиболее фундаментальная из них, это, конечно, вопрос, исследуемый в статье основателя данной школы Д.В. Деопика, написанной в соавторстве с Б.К. Ганшиным. Эта статья представляет первую часть большого исследования почти непрерывной двухтысячелетней традиции символизации политической истории, обозначения времени власти в Восточной Азии посредством кратких (чаще всего состоящих из двух иероглифов) формулировок *няньхао* 年号, которые традиционно переводятся в российской синологии как «девизы правлений». Они выступают как имена, даваемые времени. Традиция давать определенное название некоему периоду правления императора начинается до нашей эры, в Западную Хань (202 г. до н.э. — 9 г. н.э.) и заканчивается только с концом монархии в 1911 году. Поэтому можно сказать, что она покрывает весь имперский период существования китайского традиционного государства и общества в Восточной Азии. Все *няньхао*, исследуемые в статье (в общей сложности 293), складываются в гипертекст, писавшийся две тысячи лет самой историей, а не каким-то конкретным человеком с его политическими, классовыми, религиозными предпочтениями, гипертекст, к которому применимы количественные методы исследования. Классификация их по основным группам позволяет выявить характер изменений приоритетов власти, показать, какие задачи она перед собой ставила, установить меру непрерывности самопрезентации китайской цивилизации, показать степень близости к власти разных религиозных традиций и мировоззренческих систем — и все это на разных поворотах ее истории за две тысячи лет. Таким образом, это исследование в будущем дает нам методику получения относительно точного ответа на вопрос о том, насколько та или иная династия была «китайской», сколько нового она привнесла в самосознание общества и власти, в сравнении с династиями предыдущими. Именно это исследование намечает новый, точный подход к решению старой и глубочайшей китаистической научной проблемы

исторической целостности и единства трехтысячелетней цивилизации китайцев (точнее *хуася*) в Восточной Азии.

Сравнение такой естественной периодизации политического процесса через *няньхао* с периодизацией, выполненной научными методами, позволит также ответить на вопрос о том, насколько четко политические деятели китайских империй понимали сущность происходящих с их государством процессов, насколько последние были осознаны современниками. Решению этой задачи в данном номере посвящены статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова, исследующих династийные истории: первая — *Цзю тан шу* (*Старая история Тан*), второй — *Сун шу* (*История Сун*).

В статье А.В. Андреевой составлена периодизация правления танского Гао-цзуна (649–653 г. н.э.) на основе количественного анализа упоминаний активности субъектов политического процесса в источнике. Показано, что количественно прослеживаемые пики активности проходят в окрестностях изменений девизов правлений, что означает соответствие между реальностью исторического процесса и осознанием его ключевыми деятелями эпохи, дополнительный анализ характера событий подтверждает закономерность сделанного вывода, так как эти события связаны с борьбой за наследование власти, в первую очередь, ведшейся императрицей У Цзэтянь.

В статье А.Ю. Кожухова похожее исследование проведено по отношению к правлению сунского императора Хуэй-цзуна (1100–1126). В этой работе анализ активности субъектов политического процесса дополнен построением графиков частотности разных типов действий. Соотнесением активности императора с частотностью ритуальных действий показывается, как монарх теряет власть и вытесняется в сферу сакрального в преддверии крушения государства Северная Сун в 1127 г.

Впервые в китаистике подобный количественный анализ частотности типов действий и активности субъектов политического процесса был проведен Д.В. Деопиком в 1977 г. при исследовании первого хорошо известного памятника летописной традиции в Восточной Азии — *Чуньцю* 春秋 («Весны и осени») [2]. Этот метод основывается на принципиальном преимуществе использования количественных инструментов при анализе текстов, который заключается в том, что исследователем анализируется то в тексте памятника, что автором памятника при создании (переписывании, редактировании, комментировании) не осознавалось — а раз не осознавалось, то и не могло быть сознательно изменено или искажено в соответствии с приоритетами автора. Причина этого в том, что, являясь достижением нашего времени, развитой статистики и научной философии, количественные методы не были доступны для древних авторов. Впрочем, не было у них и компьютеров для полноценного применения машинной обработки текста и создания баз данных, таблиц и графиков.

Итак, сравнивая периодизацию на основе девизов правления с периодизацией на основе анализа активности субъектов и частотности действий, мы сравниваем

не осознаваемой авторами памятника слой его информации с реальностью, осознанной политическими деятелями описываемой им эпохи (и часто данной им в неприятных ощущениях). И совпадение дат пиков графиков активности субъектов и частотности действий, с одной стороны, и дат смены девизов правлений, с другой стороны, — само по себе решает крайне важный источниковедческий вопрос. Оно показывает, что династийная история данной эпохи, написанная через десятки (иногда сотни) лет после ее завершения, тем не менее соответствует ее политической динамике на количественно прослеживаемом уровне. Что означает — источник адекватен эпохе. Это особенно важно, потому что часто династийную историю государства («династии») в Восточной Азии писали вовсе не доброжелатели, а наоборот, те, кто пришел им на смену после победы над ними в войне или заговоре. В таком случае победители пишут историю побежденных и, как следствие, можно ожидать сильных искажений в оценке событий и персоналий.

Здесь и проступает очевидная эффективность этого подхода. Во-первых, применение количественных методов в данном случае позволяет снять вопрос об искажении или фальсификации исторической информации по политическим мотивам. Во-вторых, он позволяет нам получить из источника информацию, которая не содержится там эксплицитно, прямо не высказана словами, потому что само ее наличие не осознано автором.

Так, например, на основе анализа корреляции субъектов политического процесса можно сделать количественно обоснованный вывод относительно их принадлежности к одной и той же политической группировке, либо, наоборот, о происходящей между ними политической борьбе, хотя прямо сформулированных указаний на это источник не оставляет. Этот метод может быть (с определенными модификациями, естественно) применен и к анализу источников по современным нам политическим процессам в Китае.

Другой важной методической особенностью этих статей является составление периодизаций. Необходимость и важность периодизирования исторического процесса на разных его уровнях и отрезках часто кажется неочевидной, пустой и бессмысленной формальностью тем, кто не сталкивался с источниками, имеющими большие массивы сообщений о событиях, не организованных в связные повествования — рассказы, где была бы очевидна причинно-следственная связь между событиями. Периодизация позволяет обобщить и объединить разрозненные события и представить их как фазу одного процесса, как фактически одно континуальное слитное действие. С другой стороны, периодизация сходных по типу процессов (например, правлений императоров) позволяет

понять их как разные варианты действия одной и той же системы, а следовательно, выделить истинные, системные различия между ними, показать эволюцию системы на большом количестве ограниченных по типу фаз. В этом смысле можно было бы уподобить политическое тело, государство, империю (или «династию») человеческому сердцу или четырехтактному двигателю внутреннего сгорания. Его неисправности и дисфункции отражаются на стабильности фаз в ритме работы клапанов и цилиндров. Изучая вопрос о крушении империи и смене династий (один из самых старых и сложных вопросов в китаистике), необходимо начинать с получения подробной периодизации, так же как при лечении сердца прежде всего делают электрокардиограмму, позволяющую понимать: на каком из повторяющихся этапов что-то идет не так, а следовательно, и какой общественно-политический институт (или, если продолжать сердечную метафору — то какое предсердие или желудочек) стал работать не так, как раньше.

В данной научной школе именно периоды — это те единицы исторического процесса, которые стабильно и количественно доказуемо позволяют проявлять системные изменения от одной эпохи истории Восточной Азии к другой. Критерии и методология периодизации описаны в соответствующих работах Д.В. Деопика, М.Ю. Ульянова, В.В. Башкеева, М.С. Целуйко и др.¹

Результатом этих исследований стала, помимо прочего, гипотеза стандарта четырех этапов монархического правления в Восточной Азии². Однако в естественной самопериодизации правлений по девизам часто случается, что количество девизов меньше, чем четыре, или, как в случае исследований А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова — больше, чем четыре.

Следовательно, появляется научная проблема уточнения и проверки гипотезы периодизации отдельного правления монарха на богатейшем эмпирическом материале реальных правлений. Естественно, ставится вопрос: что означает такое несовпадение количества периодов-девизов, осознаваемых современниками правления с гипотетической стандартной моделью? Модель неадекватна? Или, напротив, самопериодизация девизами не отражает действительности, а является лишь ритуальным (сакральным, мантическим, магическим) действием? Статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова дают этому иное объяснение: при интенсивной политической борьбе в условиях общей институциональной стабильности один и тот же этап борьбы (например, за передачу власти) может перезапускаться политическими деятелями в случае их неудовлетворенности исходом³. Для такой гипотетической модели правления это означает, что большое количество девизов в рамках одного правления есть симптом

¹ Подробнее о периодизации см.: [3].

² Первый этап — борьба за получение высшей власти, второй — борьба за удержание высшей власти, третий — борьба за реализацию высшей власти, четвертый — борьба за передачу высшей власти [3].

³ Под институциональной стабильностью имеется в виду, например, ситуация, когда монарха не убивают при интенсивном продолжительном конфликте, но и у монарха нет возможности лишиться власти или уничтожить своих противников.

жестокой внутренней борьбы, протекающей, однако, в рамках общегосударственной устойчивости, то есть по определенным институциональным правилам игры. Таким образом, данные исследования позволяют с помощью материала средневековых династийных историй уточнить и усложнить принятую в нашей научной школе модель отдельного монархического правления, созданную некогда на основе материала источников древности.

Этот методологический факт позволяет нам также поставить вопрос: что это — эффект от большей подробности средневековых источников (династийных историй), или же сама политическая реальность средних веков Восточной Азии изменилась по сравнению с древностью, и мы наблюдаем действие неизвестных социально-политических сдвигов в устройстве империи?

Подведем итог введения в проблематику первых трех статей нашего номера. Очевидно, что **расширяющая** проблемное поле данной научной школы статья Д.В. Деопика и Б.К. Ганшина фокусируется на малоизученной (и потому относительно новой) проблеме содержательной и **мировоззренческой** стороны девизов правления как гипертекста, показывающего приоритеты всей цивилизации, и как самопериодизации, показывающей осознанность исторического процесса. Статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова, рассматривая не содержание девизов, а их соотнесение со временем и событиями, решают проблемы, возникающие в рамках уже существующих у нас гипотетических моделей⁴. Эти исследования приводят к усложнению исторических моделей, поэтому они **углубляют** проблемное поле. Однако, если они будут взяты вне контекста и понимания задач данной научной школы, эти последние исследования кажутся узкими, формальными и скудными на сенсации или научную дискуссию.

Так же углубляют научное поле в сферах изучения источниковедения династийных историй и политического процесса империи Западная Хань две другие статьи из представленных в нашем номере — статьи В.В. Башкеева и В.В. Глазуновой.

Статья В.В. Глазуновой отчасти схожа с рассмотренными выше тем, что посвящена соотнесению периодизаций разных (но связанных) исторических процессов: политической борьбы за верховную власть при императорском дворе в столице империи, с одной стороны, и политического процесса в удельных княжествах. Последние управлялись родственниками императора и покрывали часть территории империи. Данная статья, таким образом, исследует территориальное измерение политических отношений в правящем императорском роду. Если статьи, рассмотренные выше, исследовали вопросы временного единства и различия организма цивилизации и империи в Восточной Азии, то данная статья затрагивает также и проблему его пространственного единства.

Или перефразируя: от вопроса «как империя проявляет себя во времени» мы частично переходим к вопросу «как империя проявляет себя в пространстве во время ее существования». Таким образом, рассматривается территориально-политический процесс.

Изначально в рамках данной научной школы проблема территориального единства и различия цивилизации *хуся* в Восточной Азии была поставлена Д.В. Деопиком и М.Ю. Ульяновым в их трудах, посвященных формированию двуединого региона Восточная Азия, выделению историко-культурных зон и аграрных очагов на основе археологического материала [4]. В работах М.С. Целуйко исследуется территориально-политический процесс складывания государства Цинь в эпоху Восточное Чжоу (VIII–III вв. до н.э.) [5–6]. Она непосредственно предшествует эпохе империи, исследуемой в статье В.В. Глазуновой. С другой стороны, в китаистике уже давно присутствует проблема так называемых «уделов» и «владений», существующих в Восточной Азии начиная с эпохи Западное Чжоу. Она, в свою очередь, входит в область проблем централизованного или полицентрического состояния государств в Восточной Азии. В данной научной школе результатом предшествующих исследований этой проблемы стало понимание роли земельного ресурса в рамках территориально-политического процесса как ресурса для достижения компромисса внутри рода правителя. Правителю, восходящему на трон, требовалось договориться с теми родственниками по отцовской линии, которым престол монарха не достается. В рамках договоренности им даруется возможность основать собственный род владетельной территориальной знати [5]. Такие удельные институты были уничтожены империей Цинь (221–207 гг. до н.э.), но восстановлены основателем империи Хань, Лю Баном (202–195 до н.э.). Естественно, возникает вопрос, отличались ли институты эпохи империи от соответствующих установлений эпохи предшествующей? То есть отличалась ли удельная система Западной Хань от удельной системы государств Восточного Чжоу? Исследование В.В. Глазуновой дает положительный ответ на этот вопрос и показывает, что отличие состояло в первую очередь в характере взаимодействия верховной власти в столице с ветвями своего рода в уделах. В отличие от монархов эпохи Восточное Чжоу, ханьские императоры в середине империи Западная Хань создали систему, благодаря которой могли легитимно переводить своих родственников с одного удела в другой удел, таким образом, организуя смену власти в уделах на законных основаниях, иерархизируя и подчиняя себе отношения между представителями императорского рода Лю. Так осуществлялся контроль верховной власти над боковыми ветвями правящего рода, с одной стороны, и контроль правящего рода над частью территории империи, с другой. Поэтому, когда в начале I в. н.э. контроль над центральной властью в столице захватил

⁴ Любая модель, которую надо проверять на трех тысячах лет эмпирического материала, должна называться гипотетической до окончания этой проверки, что отнюдь не уменьшает ее объяснительной силы.

род Ван (в лице Ван Мана), то созданное им государство Синь (9–23 гг. н.э.) продержалось совсем недолго и было уничтожено представителями рода Лю. Таким образом, с одной стороны, система уделов была системой постоянной борьбы центральной власти с боковыми ветвями правящего рода, что выражалось в обратной пропорциональной зависимости между стабильностью власти в уделах и стабильностью верховной власти, как наглядно (количественно) показала статья В.В. Глазуновой. С другой стороны, посредством новой, имперской системы уделов род Лю долгое время сохранял контроль над территорией Восточной Азии (в общей сложности около 400 лет). Естественно, такое разрешение проблемы уделов в Западной Хань ставит вопрос: почему же эта система не сработала в конце Восточной Хань (23–220 гг. н.э.), когда группировки военачальников разорвали некогда единую империю на части? Будем ожидать, что В.В. Глазунова продолжит работать над этой темой.

Статья В.В. Башкеева, который является главным специалистом данной научной школы по Западной Хань, объединяет исследование политического процесса Западной Хань с источниковедческим анализом основного источника — *Хань шу*. Этот памятник является первой, в полной мере династийной историей⁵.

Традицию такого рода объединения в нашей науке заложил Д.В. Деопик в своих работах над *Чуньцю* [2]. Методологическим основанием данных исследований является анализ подробности изложения в памятнике разных типов событий разных периодов, лежащий в основании понятия **приоритета** источника. Результатом исследований приоритетов памятника явилось представление о том, что как рост подробности, так и появление умолчания являются следствием политической борьбы. То есть динамика подробности изложения событий в источнике сама по себе предоставляет исследователям информацию о политическом процессе. Однако умолчание крайне сложно отличить от банального недостатка информации. К решению этой проблемы данная научная школа шла постепенно, через создание научного представления о разных типах сообщений и нарративов в источниках, на основе чего М.Ю. Ульяновым был введен термин «структурно-жанровая группа» для анализа разных типов текстов исторического нарративного памятника *Чуньцю Цзочжуань*⁶. Постепенно стало формироваться представление о том, что использование некоторых из структурно-жанровых групп, особенно содержащих развернутые диалоги и литературные элементы, может быть тождественно фигуре умолчания о важных политических событиях.

Данная в этом номере статья В.В. Башкеева показывает, что такие типы текстов применяются для того, чтобы изменить подробность источника с политическими

целями. Например, повысить ее в особо важные годы (такие, как годы смерти правителя) в условиях, когда дать информацию о реальных событиях источник по той или иной причине не может, но должен говорить о важном и говорить много. То есть широта придуманных редакторами династийной истории речей заполняет лауну, возникшую из-за политической невозможности дать подробную событийную информацию. Таким образом, исследование решает научную проблему функций разных типов текста в династийных историях и получает объективную, количественно проверяемую информацию по политическому процессу правления основателя империи Западной Хань Лю Бана.

С другой стороны, из неоднородности текстов больших нарративных источников (таких, как *Ши цзи* Сыма Цяня, *Чуньцю Цзочжуань* и все династийные истории), естественно, возникает вопрос: инкорпорируют ли они в свой состав те первоисточники, на основе которых писались? Цитируют ли они их? Содержат целиком? Содержат отредактированную версию? Поиск и реконструкция более ранних (перво)источников из текстов более поздних — это важнейшая задача историка, стремящегося датировать каждое сообщение памятника, чтобы отделить информацию, синхронную событиям, от более поздних конструкторов⁷. Статья В.В. Башкеева в этом смысле также решает данную научную проблему в применении к *Хань шу*. Автором выделяются в памятнике тексты эдиктов императора, доказывається их принципиальное отличие от текстов литературных историй. Оно состоит в том, что распределение эдиктов совпадает с распределением событийной информации о политическом процессе, в отличие от распределения тех типов текста, которые вставлены как раз для искажения подробности. Вследствие этого эдикты необходимо считать как события, то есть случаи реальной административной деятельности императора, а не как более поздние придуманные идеологические тексты. Посчитанные таким образом эдикты по своему распределению по времени показывают, что основатель Хань Лю Бан не был вытеснен в сакральную сферу в конце своего правления, имел реальные рычаги управления и активно им занимался. То, что это реальное активное управление было резко прервано безвременной кончиной монарха, заставляет подозревать здесь убийство, а не смерть по естественным причинам. В.В. Башкеев количественно обосновал в статье свою научную интуицию, которая давно содержалась (и иногда высказывалась при обсуждениях) в его исследованиях.

Таким образом, создан **количественный** метод отделения эдикта как типа текста, синхронного событиям, от литературных повествований (или, проще говоря,

⁵ «Исторические Записки» (*Ши цзи* 史记) Сыма Цяня посвящены не истории одного государства, а смене нескольких последовательных эпох и большому количеству самостоятельных государств.

⁶ Подробнее о структурно-жанровых группах [7].

⁷ Например, в исследовании М.Ю. Ульянова по *Чуньцю Цзочжуань* ставится вопрос о реконструкции первоисточника царства Лу, лежавшей в основании как *Чуньцю*, так и *Чуньцю Цзочжуань* [8].

сплетен, преданий и баек), созданных после событий⁸. Это повлияет не только на изучение политического процесса по династийным историям, но и на китаеведческие исследования других типов. Например, лингвисты получают возможность реконструкции официального языка более ранней эпохи из более поздних памятников, что будет особенно плодотворно при сравнении с синхронной эпохе эпиграфикой.

Последние две статьи, представленные в данном номере журнала, — статьи О.А. Бонч-Осмоловской и М.С. Целуйко, обе так или иначе затрагивают проблему формирования традиции китайских канон.

Статья М.С. Целуйко посвящена исследованию социальных функций древнекитайского канона *Шуцзин*. Эта статья полемически сфокусирована на дискуссии о «литургической гипотезе» функций раннего слоя памятника. Эта гипотеза состоит в том, что ранний слой канона является записью речей-восхвалений, устно исполнявшихся в рамках ритуала культа предков и посвященных первым царям государства Западные Чжоу. Таким образом, здесь продолжается дискуссия об устной либо же письменной передаче древнего культурного наследия. Эта дискуссия началась в советской синологии еще с конца 1950-х годов, когда Л.Д. Позднеева опубликовала исследования, в которых утверждался устный характер древних текстов философских трактатов. Их специфическая структура, основанная на параллелизмах, интерпретировалась как особенность древнекитайского ораторского искусства [9]. Ей возражали другие ученые, например, В.А. Рубин [10] и К.В. Васильев [11], считавшие, что в Китае в древности не возникло предпосылок для развития ораторского искусства по типу греческого ораторского искусства древности.

На эту дискуссию по своему типу похож и спор о литургических функциях раннего слоя *Шуцзина*, и также, как и вышеупомянутая дискуссия, он сводится к вопросу об устной или письменной передаче текстов в древности. Только теперь устный компонент сводится не к ораторскому искусству, а к «литургическому» — то есть культовому, жреческому и ритуальному.

Не будем останавливаться на аргументации сторон (она подробно изложена в статье), скажем только, что М.С. Целуйко в своей статье дает количественно обоснованную гипотезу социально-политических, а не культовых, функций раннего слоя памятника как в первую очередь санкции на коммуникацию между различными социальными группами. Таким образом, в основе данного исследования лежит мысль о реконструкции изначального социального интереса, стоявшего за письменным текстом, а следовательно, о реконструкции той социальной группы, которую составляла его аудитория в момент записи в той форме, в которой он до нас доходит. Эта социальная группа изначально была заинтересована в сохранении и передаче этого письменного памятника.

В отличие от статьи М.С. Целуйко, исследование О.А. Бонч-Осмоловской затрагивает древние каноны с точки зрения анализа собственной китайской традиции их восприятия, изучения и комментирования, то есть с точки зрения каноноведения, или конфуцианской экзегезы. Эта статья написана в рамках петербургской научной школы, которая рассматривает тексты памятников как факты духовной и философской культуры, не как исторические источники по политической или социальной истории, и напротив, политическую или социальную историю как контекст формирования культурной традиции канон. Эта исследовательская традиция частично идет от школы академика В.М. Алексеева и его учеников. Можно сказать, что каноноведение является религиоведением настолько, насколько конфуцианство является религией, а конфуцианские комментарии — теологической экзегезой. Очевидно то, что каноны являлись высокочтимыми текстами даже тогда, когда не являлись «священными» в западном понимании этого слова. И если и можно говорить о каком-то определенном конфуцианском «религиозном» служении, то эта деятельность вся формировалась вокруг канон и написания комментария к ним. Таким образом, исследование конфуцианской экзегезы — это исследование специального, характерного только для Восточной Азии типа культурного и квазирелигиозного творчества.

Автор статьи исследует малоизученный с точки зрения именно культурного творчества период Троецарствия (220–280 гг. н.э.), следующий непосредственно за крушением империи Хань, и анализирует закономерности того, как это крушение отразилось на эволюции специфических жанров комментария, которые на тот момент существовали в конфуцианстве. Особенно важными представляются тезисы автора статьи об универсализации каноноведческих школ, которая предшествовала, однако, не унификации, как можно было бы подумать, а напротив, разрастанию полемических жанров комментария. Здесь видится одна из особенностей не только исторического, но культурного и цивилизационного процессов в Восточной Азии: универсализация дискурса ведет к разрастанию конфликта и его дальнейшей сегментации, а также синтезу разных учений и текстологических традиций. Данное исследование показывает предпосылки образования того более позднего явления, которое можно условно называть китайским религиозным синкретизмом.

Подводя итоги нашему предварительному обзору, хочется подчеркнуть, что жанр и предельный размер статьи в научном журнале часто не позволяют поместить сколько-нибудь подробное описание более широкой исследовательской рамки в каждую из статей, поэтому мы делаем это здесь, в предисловии к номеру. Кроме того, жанр научных журнальных публикаций не позволяет опубликовать переводы глав династийных историй и полные базы данных действий и субъектов, на которых

⁸ Мы подчеркиваем, что метод — количественный, так как качественные методы для этого существовали раньше.

основаны некоторые из публикуемых исследований (в частности, статьи А.В. Андреевой и А.Ю. Кожухова). Такие приложения заняли бы многие десятки, а то и сотни страниц. К сожалению, несмотря на оживленные разговоры о «цифровизации» и т.п., в институциональном поле

современной российской гуманитарной науки отсутствует способ опубликовать большие базы данных и подробную статистику «цифровизации» политического процесса в рецензируемом журнале. И мы можем только надеяться, что когда-нибудь это состояние дел изменится к лучшему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. О нашем направлении в изучении истории традиционного Китая: теория и практика создания научного коллектива // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 3. С. 9–43.
2. Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». В кн.: Ковальченко И.Д. Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 143–187.
3. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
4. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 1. С. 39–62.
5. Целуйко М. С. Политические институты древней Восточной Азии эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.): между внутренней и внеш-

- ней политикой // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 3. С. 205–223.
6. Целуйко М.С. Формирование территории метрополии царства Цинь с VIII по IV в. до н.э. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 124–176.
7. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 43–59.
8. Чунь цю Цзо чжуань: Комментарий Цзо к «Чуньцю» / исследование, пер. с кит. М.Ю. Ульянова. М.: Восточная литература, 2011. 335 с.
9. Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. № 3. С. 22–43.
10. Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. М.: Восточная литература, 1999. С. 182–190.
11. Васильев К.В. «Планы сражающихся царств»: исследование и переводы. М.: Наука, 1968. 256 с.

REFERENCES

1. Deopik DV, Ulyanov MYu. On Our School Studying Ancient China History: Theory and Practice of Research Team Development. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(3):9–43. (In Russ).
2. Deopik DV. Opyt kolichestvennogo analiza drevnei vostochnoi letopisi "Chun Qiu". In: Kovalchenko ID. *Mathematic Methods in Historical, Economic and Cultural Studies*. Moscow; 1977. P:143–187. (In Russ).
3. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgososok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).
4. Deopik DV, Ulyanov MYu. Historical-archaeological description of the Region of Eastern Asia in X–I Millennia BC. *Society and State in China*. 2012;42(1):39–62. (In Russ).
5. Tseluyko MS. Political Institutions of the Ancient East Asia in the Chunqiu Period (VII–V B.C.): Between the Internal and External

- Politics). *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(3):204–222. (In Russ).
6. Tseluyko MS. Formation of the Qin State Territory in VIII – IV cc. BC. *Society and State in China*. 2019;49(1):124–176. (In Russ).
7. Ulyanov MYu. Textual Aspects of the Study of Chunqiu Zuo Zhuan: to Problem of Distinguishing and Characterizing Structural Genre Groups. *Society and State in China*. 2011;41(1):43–59. (In Russ).
8. Ulyanov MYu, transl., comment. *Chun Qiu Zuo Zhuan: The Commentary of Zuo on the Spring and Autumn Annals*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2011. 335 p. (In Russ).
9. Pozdneeva LD. Oratorskoe iskusstvo i pamyatniki drevnego Kitaya. *Journal of Ancient History*. 1959;(3):22–43. (In Russ).
10. Rubin VA. *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1999. P:182–190. (In Russ).
11. Vasil'ev KV. *"Plany srazhaiushchikhsia tsarstv": issledovanie i perevody*. Moscow: Nauka; 1968. 256 p. (In Russ).

ОБ АВТОРАХ

Маслов Алексей Александрович, д-р ист. наук, профессор; адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: amaslov@asianinstitute.org

* **Целуйко Максим Сергеевич**;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32; ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986; e-mail: atharvan@mail.ru

AUTHORS' INFO

Alexey A. Maslov, Dr. Sci. (Hist), Professor; address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: amaslov@asianinstitute.org

* **Maxim S. Tseluyko**;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia; ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986; e-mail: atharvan@mail.ru

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

Символы правления как источник при изучении истории Китая (Часть 1)

Д.В. Деопик, Б.К. Ганшин

Синологический центр Университета Дмитрия Пожарского, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию символов правлений китайских монархов как высших сакрализованных обобщений. Символом правления или части правления монарха является пара иероглифов, первый из которых является Определением к Объекту, второй — самим Объектом. Авторы ставят вопрос: отражает ли история символов правлений действительную динамику социально-политических исторических процессов? Для его решения используется количественный анализ генеральной совокупности символов правлений всех централизованных империй Восточной Азии. Методологически относясь к символам правлений как к системе, авторы выделили среди них основные смысловые (семантические) категории. В результате исследования динамики изменений групп этих категорий от династии к династии в статье сделан вывод, что с помощью символов правлений можно изучать изменения в «сакральной политике» империй и в их политике в целом. Поэтому символы правлений могут использоваться в качестве исторического источника.

Ключевые слова: Китай; Восточная Азия; символы правлений; сакральное; политическое; идеология; количественные методы.

Как цитировать

Деопик Д.В., Ганшин Б.К. Символы правления как источник при изучении истории Китая (Часть 1) // *Китай: общество и культура*. 2022. Т. 1. № 1. С. 19–36. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

Reign Symbols as a Source on Chinese History (Part 1)

Dega V. Deopik, Bogdan K. Ganshin

Synology Center of Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper focuses on exploring the symbolical side of the China's emperors' reign names as the highest sacral generalizations. Reign symbol is pair of characters, which defines a reign of a monarch (or a part of the reign). The first character is a so-called "Attribute", second is an "Object". This paper raises the question whether the historical dynamics of these symbols' change reflects the real changes of socio-political processes. This question is resolved through methods of quantitative analysis of the entire assembly of the reign names of all the centralized empires in the history of East Asia. Methodologically taking these symbols (reign names) as a system, as one hypertext, we categorized their meaning into groups (semantic categories). By studying the dynamics of these groups' proportional change through the epochs of various Chinese empires, we came to the conclusion, that the symbolic dynamic of reign names reflects the change the properties of political ideology, changes in the religious politics, and political institutions. Reign names' symbols can be used as a historical source on those topics.

Keywords: China; East Asia; Reign Names; Sacral; political; ideology; quantitative methods.

To cite this article

Deopik DV, Ganshin BK. Reign Symbols as a Source on Chinese History (Part 1). *China: Society and Culture*. 2022;1(1):19–36.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

Received: 18.11.2020

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

君主年号作为研究中国历史的来源（第一部分）

Dega V. Deopik, Bogdan K. Ganshin

Synology Center of Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russian Federation

抽象的

本文致力于研究中国君主统治年号作为最高级别神圣的总结。君主在位全期或者在位时间一段的年号是一对汉字汉字的上一个是宾语的定语，下一个是宾语本身。作者提出了一个问题：君主年号的历史是否反映了社会政治历史进程的真实动态？为了解决这个问题，对东亚所有中央集权帝国统治者的年号进行了定量分析。从方法上讲，作者将统治年号视为一种系统，把它们分为语义范畴。通过研究这些范畴的群体从一个朝代到另一个朝代变化的动态，这篇文章得出的结论是，君主年号可用以研究帝国神圣宗教和精神信仰的政策及其总体政策的变化。因此，学者可以把包括所有年号的全部系统看作一个超文本，可以看作一个历史文献

关键词： 中国；东亚；政权符号；神圣的；政治的；思想；定量方法。

如何引用文章

Deopik DV, Ganshin BK. 君主年号作为研究中国历史的来源（第一部分）. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):19–36.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81799>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

Символом¹ правления или части правления монарха является пара иероглифов, первый из которых является Определением к Объекту, второй — самим Объектом, например, *хуан-лун* 黄龙 «Желтый дракон» (49 г. до н.э.). В данном исследовании изучены 292 символа. Это генеральная совокупность символов всех центральных династий (Западная Хань, Синь, Восточная Хань, эпоха Троецарствия, Цзинь, Суй, Тан, Сун, Юань, Мин, Цин), а не выборка, т.е. полученные выводы окончательные, а не вероятностные, что неизбежно при выборке (табл. 4). Все символы — это сакрализованные обобщения очень высокого уровня. При этом они должны были быть понятны всем грамотным людям, поскольку являлись средством записи дат во всех официальных документах, с указанием года в периоде функционирования символа, например, «2-й год эры Великого Начала (*тай-ши* 太始)». Символ — массовое явление, т.е. пользовались им не только верхушка (знать, чиновники), а все слои общества. Символ — это то, с чего император начинал правление или какой-то его период. Это молитва общества, обращенная к высшим силам, с просьбой о помощи и защите. Таким образом, символы — это массовый выход в сферу самых высоких понятий (простых и ясных, как и в Европе времен античности и христианства). Это высшее обобщение, даваемое божествами, которые любят людей, помогают им и их защищают. О защите людей высшими силами символы (почти все) и говорят. И нам, не богословам, можно их исследовать, так как они намеренно сделаны простыми. Сложное богословие тоже было, как и везде, но это другая сфера.

Система датировки через символы правлений сформировалась при Западной Хань в середине II в. до н.э., до этого датировки основывались на имени правителя (например, «12-й год Му-Гуна», т.е. 647 г. до н.э.). Поскольку символ — это форма общения с высшими силами, было учреждено Астрологическое ведомство, или Министерство церемоний (*тайчансы* 太常司), которое ведало вопросами астрологии и помогало императору выработать окончательную формулировку символа. Его глава был одним из высших имперских сановников².

Мотивация выбора была разнообразной, но одна из главных задач при выборе конкретного символа — сделать его понятным народу. Очевидно, что для восприятия системы символов широкими слоями населения было необходимо некоторое, достаточно значительное, число грамотных людей, знакомых с культурной традицией. Крупнейшей по численности прослойкой грамотных людей в китайском обществе на низовом уровне в течение столетий оставалось мелкое чиновничество, представлявшее власть среди крестьянского населения. Расскажем о них подробнее.

Система территориального деления сложилась в Китае более чем 2000 лет назад и, хотя названия административных единиц порою менялись, принципиально система оставалась одной и той же. Империя была разделена на большие области, которые в свою очередь делились на округа *чжоу* 州, а округа — на уезды *сянь* 縣. Уезды также делились на территориальные единицы, но местного подчинения, во главе которых ставились не присланные центром чиновники, а назначаемые из местных жителей управленцы. Система местных территориальных единиц подробно описана в танских административных уставах *лин* 令: сто дворов составляли *ху* 戶, а из *ху* состояло село — *ли* 里.

В селах, а также в деревнях и кварталах, — везде назначались «исправники» (*чжэн* 正), чтобы осуществлять управление и надзор. Всех «сельских исправников» (*личжэн* 里正) уездные власти отбирали среди лично свободных простолюдинов (*байдин* 白丁), имевших наградные должности, как правило за военные заслуги, т.е. на деле доказавших верность монарху. Уездные власти собирали их в уездном центре для обучения грамоте, счету и законам, а после возвращали в родные места как представителей местной власти [2]. Именно эти мелкие управленцы составили самую массовую прослойку грамотных людей в китайской общине, которым при обучении разъясняли роль символа в системе власти.

Тем не менее таких людей часто не хватало, что отражено в документах того времени. Предписывалось, что если в данном селе нет подходящего человека, разрешалось вызывать «исправника» из соседнего села.

Еще одной прослойкой грамотных людей в китайской общине являлись главы общин. По утверждению известного американского социолога и религиоведа, уроженца Гуандуна Ян Цинкуня (1911–1999), религия на низовом уровне китайского традиционного общества была очень глубоко интегрирована в мирскую жизнь, разделить их практически невозможно [3]. Благодаря этому в традиционном Китае по большей части отсутствовало низшее духовенство в привычном нам понимании: многие религиозные действия совершались главами крупных семейств, если же сельская община состояла более чем из одной семьи — главами общин. Они выбирали благоприятное время для сельскохозяйственных работ и ритуалов, вели записи о рождениях и смертях, хранили ритуальные таблички с именами предков и т.д. [3].

Через символы передавалась информация о наступающем после объявления символа временном периоде, что было нужно и подданным, и государству (например, «Великое Начало», *тай-ши* 太始). Формулировались задачи общества, как их понимал монарх. Система символов глубоко связана с высшими силами, поскольку к ним обращались за защитой и помощью. А через символы это

¹ Авторы сознательно отказываются от общепринятого перевода термина *няньхао* 年號 как «девиз правления», так как слово «девиз» ассоциируется в первую очередь со светским, а не с сакральным аспектом государственной власти.

² Министр церемоний (*тайчан* 太常) [1].

обращение становилось достоянием, как уже говорилось, всех грамотных людей.

Символ реализовывал сакрализованную власть императора. Система была выработана ханьцами и не восходит к традициям древних австрических народов Средней и Нижней Янцзы. Она касается истории Китая от Западной Хань до Цин. Эта система символов существовала с середины II в. до н.э. до начала династии Мин (1368), когда от нее фактически отказались: символ стал даваться один раз в начале правления конкретного монарха и не отражал последующих событий в период его правления. Это изменение сохранилось и в Цин [4]. Смыслы символов в китайской традиции очевидны, в отличие от более размытых в европейской традиции, где тоже предлагаются символы наступающей эпохи, правда, гораздо более короткой (например, пятилетки).

Опыт изучения символов в мировой науке

Авторы относительно небольшого количества академических работ, посвященных тематике символов правлений китайских императоров, описывали систему символов схожим образом. Пионерами в деле исследования научной проблемы можно считать американских исследователей Эдварда Шафера [5] и Мэри Райт [6], в работе которой в середине 1950-х годов был описан феномен символа правления как важный элемент китайского мировидения и неотъемлемая часть политической культуры традиционного Китая.

Наиболее системной попыткой анализа символов правлений китайских императоров является вышедшая в 1977 г. работа известного русского востоковеда А.С. Мартынова «Девизы правлений китайских императоров» [7]. В ней он впервые применил количественные методы для анализа системы символов. Это позволило выделить некоторые закономерности внутри нее. Он также изучил сохранившиеся в династийных хрониках примеры обоснований выбора императором тех или иных символов правлений. В частности, были выделены группы символов на основании их смысла: «группа гармонии и покоя», «группа процветания и благополучия», «группа начала» и некоторые более частные, которые не получили подробного описания.

Итоговый вывод автора, который мы в целом разделяем, состоит в том, что выбор символов правлений относился к важным «мироустроительным функциям китайского монарха, что лишней раз подчеркивает существенность религиозного аспекта монархии в традиционных китайских политических представлениях» [7]. К сожалению, работа Мартынова небольшого объема, однако она содержит много ценных для нас выводов.

Начиная с 1980-х годов феномен символов правлений неоднократно упоминался в различных научных работах. К сожалению, большинство исследователей не изучали его как отдельное явление, описывая символ как составную часть ритуала традиционного Китая.

В истории изучения символов выделяется серьезный труд Г. Векслера «Дары из нефрита и шелка: ритуал

как часть оформления легитимности династии Тан» [8]. Расскажем о нем подробнее. По мнению автора, легитимность власти в Китае имеет отчетливо религиозный характер и во многом связана с ритуалом *ли* 禘, к тому же, вопреки расхожему мнению, китайский ритуал отличается необычайной гибкостью и непостоянством, меняясь от династии к династии [8] (см. с. 31). Танская эпоха — во многом переломная в истории Китая — имеет ключевое значение и для формирования теории ритуала. Ритуал — это одна из форм реализации «мандата Неба». Обращение к ритуалу — одна из форм сакрализации власти монарха. Важно, что эти формы сакрализации менялись от династии к династии.

При этом часть ритуалов новой династии оставалась неизменной, а другая часть представляла новые ритуалы, отличающие эту династию [8] (см. с. 84).

Г. Векслер выделяет следующие элементы ритуала периода Тан:

- 1) жертвоприношения *фэншань* (ритуал представления императора Небу и Земле);
- 2) знамения (природные явления, которым приписывалось сакральное значение);
- 3) церемония восшествия на престол (включала отдельные церемонии передачи светской власти и сакральных функций монарха);
- 4) «жертвоприношения в пригороде» (ежегодные жертвоприношения духам земли (почвы) и урожая);
- 5а) культ предков монарха (регулярные церемонии общения монарха с духами предков в храме основателя династии);
- 5б) культ предков, т.е. родственников монарха (монарх — главный священнослужитель на похоронной церемонии своих родственников);
- 6) объезд императором империи или ее частей и богослужения в храмах;
- 7) смена символа правления;
- 8) изменения в календаре. Новая династия, принимая от Неба мандат на правление, выбирает новый «первый месяц, начало времен», от которого идет исчисление календаря. Это ритуальное действие своеобразно «возвращает мир к началу времен», «золотому веку» первых совершенномудрых правителей, уподобляя основателя новой династии правителям древности.

В церемонию восшествия императора на престол входили следующие элементы: гадание о времени церемонии, ее месте, оглашение завещания предыдущего императора, принятие титула, передача печатей, сообщение Небу, выбор символа правления, выбор элемента из системы «пяти стихий» *у-син* для новой династии (например, для династии Сун это огонь), провозглашение амнистии, раздача вознаграждений, моления в храме предков. Общий смысл этих ритуалов — оповещение Неба и Земли о принятии «мандата Неба». Изменение календарной системы в этом контексте служило демонстрацией особой связи императора с Небом и его заботы о подданных. При этом нужно четко различать принятие нового символа и изменение календаря: принятие нового

символа означало своеобразное «обновление» времени, тогда как изменение календаря было значительно более важным ритуальным и политическим актом [8] (см. с. 89, 223–224).

После возникновения системы символов в Западной Хань значительное количество новых иероглифов в ней появилось в период Восточной Хань, самое большое число дополнений пришлось на эпоху Тан. Впоследствии система лишь незначительно дополнялась при Сун и Юань. Что существенно — символы могли, хотя и редко, повторяться в последующих династиях, причем все прекрасно знали, что это повторяющиеся символы. Символ мог повторяться в двух случаях:

- 1) внутри одного периода (правления династии);
- 2) при разных династиях.

Повторение внутри династии делится на два подтипа:

- 1) повторение символа у монархов, далеко отстоящих друг от друга во времени (существовало всегда);
- 2) повторение последнего по времени символа конкретного монарха в начале правления следующего монарха (позднее явление).

Норман Ротшильд также считает, что символ правления отнюдь не «декоративная величина» в Китае, он использовался во всех документах для записи хронологии и являлся зримым выражением сакрализованной власти [9].

Необходимо также упомянуть ряд китайских исследований, посвященных изучению символов правлений. В Китае за последние 20 лет опубликовано большое количество статей, посвященных данной проблеме, при этом большинство из них являются краткими компилятивными обзорами, научная новизна которых может быть поставлена под сомнение. Тем не менее работы китайских авторов представляют для нас интерес: многие из них описывают отдельные аспекты функционирования системы символов правлений в китайских государствах разных эпох и, что важно, мотивацию выбора символа, углубляя понимание принципов развития системы в целом.

К таким работам можно отнести следующие:

«Отсутствие символа правления и изменения в календаре: усилия императора Су Цзуна по восстановлению династии в период мятежа Ань Лушаня и проблема связи календаря и политики в древности» [10]. Автор подробно описывает отраженную в письменных источниках мотивацию выбора символа правления императором в период кризиса династии Тан на примере заимствования императором Су Цзуном символа правления своего предка — танского императора Гао Цзуна.

«Тенденции политики и культуры периода “Шестнадцати варварских государств” в контексте символов правлений» [11]. В данной статье автор описывает заимствование в 907–976 гг. кочевниками Великой Степи политической культуры традиционного Китая, в том числе ее сакральных элементов. После распада династии Тан север бывшей империи был захвачен кочевниками, которые стали основывать государства на землях с ханьским крестьянским населением. При создании своих государств с ханьским населением вожди кочевников были вынуждены набирать на службу чиновников из числа покоренных ханьцев, приобщаться к ханьскому ритуалу и править по ханьским же лекалам, в том числе выбирая себе символы правления.

«Комментарии к символам правлений китайских монархов периодов Северной и Южной Сун» [12]. Автор раскрывает особенности перевода на современный китайский, толкования и мотивации выбора отдельных символов в периоды стабильности и кризиса династии Сун.

«Изучение политических факторов выбора японского символа правления Рэйва» [13]. Данная работа не связана непосредственно с изучением китайской системы символов правлений, однако содержит ее описание. Автор описывает заимствование китайской системы символов японцами, а также изменения в японской системе символов правлений после коренного изменения роли символа в Китае периода Мин.

Приведем одну из ситуаций выбора символа, описанную в «Шицзи» Сыма Цяня: «Император принес жертвы *фэншань*³ на горе Тайшань, не было ветра, дождя, бедствий. Жрец сказал, что если удастся достигнуть [священных островов] Пэнлай, вступив на них, можно обрести [великое] счастье и, если пройти на Восток к морю и достигнуть Цзи (современный Хэбэй), можно увидеть [острова] Пэнлай. ... В пятом месяце [император] прибыл в Ганьцюань [одна из резиденций ханьского императора, пригород Чаньаня]. Министр⁴ сказал: [До того, когда был] обретен драгоценный трипод⁵, [потому пусть] будут годы трипода. А с этого года [пусть] будут годы [церемонии] фэн»⁶.

В данном случае период был назван не по принципу желаемого состояния, а по дарованию государству и этому монарху трипода. Согласно комментариям к «Цзычжи Тунцзянь» («Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало»), «Годы [церемонии] фэн» — первый из трех символов правлений, выбранных У-ди во время его правления (110 г. до н.э.), а символы трех его предшественников даны императором У-ди позже [9].

³ Церемония представления императора Небу и Земле. Проводилась на горе Тайшань (Шаньдун), включала жертвы Небу (на вершине горы) и Земле (у ее подножия). Совершивший церемонию император получал «мандат Неба» на правление. Церемония проводилась со времен династии Чжоу до династии Сун.

⁴ Имеется в виду ханьское Министерство церемоний (*тайчансы* 太常司).

⁵ Трипод — священный даосский сосуд-треножник.

⁶ Оригинальный текст из «Шицзи». Гл. «Первая насыпка холма»: “天子既已封禪泰山，無風雨菑，而方士更言蓬萊諸神山若將可得……五月，返至甘泉。有司言寶鼎出為元鼎，以今年為元封元年” [14].

Некоторые результаты наших исследований

Рассмотрим сходство и различия в периоды «стабильности» и «кризиса», а также специфику символов у иных этносов (юэ на Нижней Янцзы и *хмонги* (чусцы) на Средней Янцзы).

1. Периоды «стабильности» и «кризиса» на примере Объекта⁷ (до династий Мин и Цин)

В мировой синологии давно устоялось деление правления каждой крупной династии на период стабильности и кризиса. Кризис здесь имеется в виду именно династийный, то есть тот, что возникает в конце династии и не прекращается до ее завершения.

Наборы символов периодов «стабильности» и периодов «кризиса» заметно различаются. Но самый массовый Объект в символах на всем исследуемом отрезке времени — «Спокойствие» (平); он занимает первое место и в «стабильности», и в «кризисе» (табл. 1, 2). Это то, чего хотело китайское общество на протяжении всей своей истории. Но наборы других объектов в периоды «стабильности» и «кризиса» достаточно сильно различаются.

Примечательно, что наборы символов и частота их упоминания различны в периоды «стабильности» и «кризиса» той или иной династии: это система постановки приоритетов для страны. Различия весьма существенны, но если брать набор символов или отдельно Объектов во времени, то, хотя есть специфические иероглифы (только для «кризиса»), в целом списки сопоставимы, но существенно различие частоты упоминаний.

Достаточно заметны «заклинания от кризисов». Очень яркий пример — символ правления династии Южная Сун. Например, символ императора Нин-цзуна 宁宗 (1194–1224) *цзя-тай* 嘉泰 «Счастливое Благоденствие» (1201–1205). А также символы императора Ли-цзуна 理宗 (1224–1264): *шао-дин* 紹定 «Наследовать Устойчивость» (1228–1233), *дуань-пин* 端平 «Предельное Равновесие» (1234–1236), *цзин-дин* 景定 «Сияющая Устойчивость» (1260–1264).

Напомним, что в этот период ханьская по происхождению династия бежала за Янцзы, где этнических ханьцев уже не было. Это период предельного ослабления ханьской власти: ханьская династия правила на не-ханьских территориях и существовала лишь потому, что перестала быть серьезной политической и военной силой на Великой Равнине и в бассейне Средней Хуанхэ.

В периоды спокойствия и кризиса различия выбираемых для символов иероглифов существенны. Если взять только Объекты выделенной нами массовой категории символов⁸ «Желаемая ситуация в империи» (Диаграмма 1), то, помимо «спокойствия», обязательного и для стабильности, и для кризиса, на первом месте в период стабильности самые массовые — «мир», «процветание» и «начало», а в период кризиса — «равновесие» и «счастье». Третья группа по массовости в период стабильности: «изобилие», «счастье», «благодать» и «равновесие» (чего нет в период стабильности, так это «безопасности»). В период кризиса третья группа по массовости — «годы», «благодать» и «благоденствие». Подобные «заклинания от кризиса» особенно ярко проявляются в Южной Сун (см. примеры выше).

2. Специфика символов разных этносов

Она хорошо видна в Троецарствие: два ханьских государства (Вэй и Шу), с одной стороны, и одно юэское (У) государство, с другой (табл. 3), дают существенное различие списков. Примечательно, что *хмонги* (Царство Чу) никогда не пользовались символами.

В целом изучение символов позволило (кроме поздних периодов Мин и Цин) проследить смену желаний монархов в отношении своей страны, желаний, санкционированных свыше и ориентирующих подданных на восприятие действительности. Еще раз напомним, что знанием символов обладали все грамотные люди, так как символами пользовались для датирования (по годам внутри времени существования символа) всех событий и действий.

Во второй статье, продолжающей данную тему, мы рассмотрим специфику символов правления каждой конкретной династии, начиная с Западной Хань.

⁷ Напомним, что символ правления мы делим на Объект и Определение к нему.

⁸ Всего нами было выделено 10 категорий символов: годы; император; календарь; сакральное, «желаемая ситуация в империи» (включает подкатегории «равновесие» 平, «мир» 和 и «спокойствие» 宁); война; династия Хань; прочее.

Приложение

Таблица 1. Объекты категории «Стабильность», встречающиеся ≥ 2 раза в категории «Желаемая ситуация в империи» за все время существования символов

Объект	n	% от всего
Спокойствие	4	15
Мир	3	11
Процветание	3	11
Изобилие	2	7
Начало	3	11
Равновесие	2	7
Счастье	2	7
Благодать	2	7
Благополучие	1	4
Истина	1	4
Подъем	1	4
Порядок	1	4
Удача	1	4
Благоденствие	1	4
Безопасность	0	0
Великолепие*	0	0
Годы	0	0
Σ общее	27	

* Поскольку данная категория встречается только в период Троецарствия, где нами не выделены периоды стабильности и кризиса, то она не попадает ни в одну классификацию, кроме общей.

Таблица 2. Объекты категории «Кризис», встречающиеся ≥ 2 раза в категории «Желаемая ситуация в империи» за все время существования символов

Объект	n	% от всего
Спокойствие	4	15
Равновесие	3	12
Счастье	3	12
Годы	2	8
Благодать	2	8
Благоденствие	2	8
Благополучие	1	4
Истина	1	4
Подъем	1	4
Порядок	1	4
Удача	1	4
Безопасность	1	4
Изобилие	1	4
Процветание	1	4
Мир	1	4
Начало	1	4
Великолепие*	0	0
Σ общее	26	
Объекты, которые встречаются только в период кризиса		
Безопасность	1	4
Годы	2	8

*См. примеч. к табл. 1.

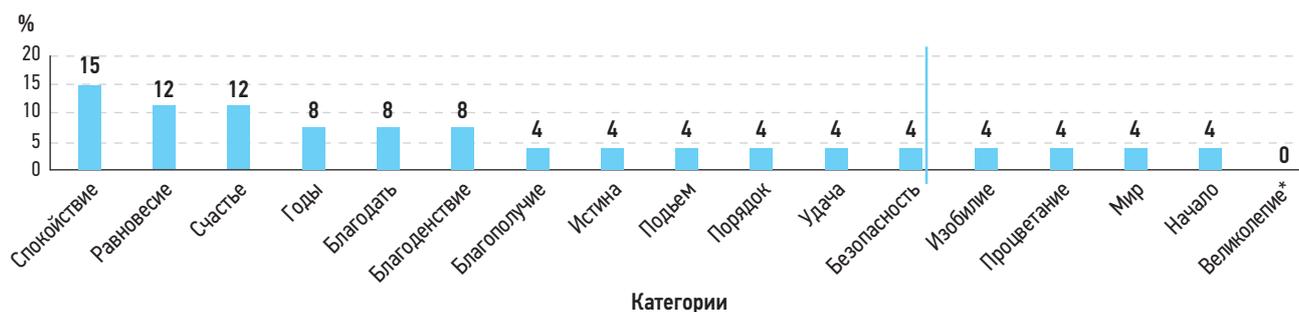
Рис. 1. Объекты «Стабильность», встречающиеся с частотой от двух раз в категории «Желаемая ситуация в империи» за все время существования символов (%)**Рис. 2.** Существительные категории «Кризис», встречающиеся от двух раз в категории «Желаемая ситуация в империи» за все время существования символов (%)

Таблица 3. Символы периода Троецарствия

<i>Троецарствие (Саньго) 三國 (220–280)</i>					
Посмертное имя	Личное имя	Период правления	Символ правления и годы	Перевод символа	Категория
Вэй (Цао Вэй) 曹魏 220–265					
<i>Исторически используется форма Вэй + посмертное имя, за исключением императора Цао Пэя, который определяется по личному имени</i>					
Вэнь-ди 文帝 Wéndì	Цао Пэй 曹丕 Cáo Pī	220–226	Хуанчу (黃初 Huánchū) 220–226	Желтое начало (т.е. начало как у Хуан-ди)	Ситуация в стране
Мин-ди	Цао Жуй		Тайхэ (太和 Tàihé) 227–233	Абсолютный мир	Ситуация в стране (мир)
Мин-ди 明帝 Míngdì	Цао Руй 曹叡 Cáo Ruì	226–239	Цинлун (青龍 Qīnglóng) 233–237	Бирюзовый дракон	Сакральное
			Цзинчу (景初 Jǐngchū) 237–239	Светлое начало	Ситуация в стране
Ци-ван	Цао Фан	239–254	Чжэнши (正始 Zhèngshǐ) 240–249	Истинное начало	Ситуация в стране
Ци-ван 齊王 Qí Wáng	Цао Фанг 曹芳 Cáo Fāng		Цзяпин (嘉平 Jiāpíng) 249–254	Счастливое равновесие	Ситуация в стране (равновесие)
или Шаолин Ли-гун 邵陵厲公 Shàolíng Lì Gōng					
Гаогуйсян-гун	Цао Мао	254–260	Чжэньюань (正元 Zhèngyuán) 254–256	Истинная эра	Хронология
Гаогуи-гун 高貴鄉公 Gāoguìxiāng Gōng	Цао Мао 曹髦 Cáo Máo		Ганьлу (甘露 Gānlù) 256–260	Изобилие	Ситуация в стране
Юань-ди	Цао Хуань	260–265	Цзиньюань (景元 Jǐngyuán) 260–264	Светлые годы	Ситуация в стране
Юань-ди 元帝 Yuándì	Цао Хуань 曹奂 Cáo Huàn		Сяньси (咸熙 Xiánxī) 264–265	Всеобщее великолепие	Ситуация в стране
Шу (Шу Хань) 蜀漢 221–263					
<i>Исторически используется личное имя</i>					
Чжао Ле-ди 昭烈帝 Zhāolièdì	Лю Бэй 劉備 Liú Bèi	221–223	Чжаньу (章武 Zhāngwǔ) 221–223	Сильная (четкая) война	Война
Хоу Чжу	Лю Шань		Цзяньсин (建興 Jiànxiīng) 223–237	Начало подъема	Ситуация в стране
Хуэй-ди 後主 Hòu Zhǔ	Лю Шань 劉禪 Liú Shàn	223–263	Яньси (延熙 Yánxī) 238–257	Продолжение великолепия	Ситуация в стране
или Сяо Хуай-ди			Цзиньсяо (景耀 Jǐngyào) 258–263	Светлое сияние	Сакральное
Хуэй-ди 孝懷帝 Xiàohuáidì			Яньсин (炎興 Yánxīng) 263	Янь-диский (т.е. такой как у мифического императора Янь-ди, огненный) подъем	Ситуация в стране
У 吳 222–280					
<i>Исторически используется личное имя</i>					
Да-ди	Сунь Цюань	222–252	Хуаньу (黃武 Huánwǔ) 222–229	Желтая война (т.е. война как у Хуан-ди)	Война

Таблица 3. Окончание

Посмертное имя	Личное имя	Период правления	Символ правления и годы	Перевод символа	Категория
大帝 Dàdì	孫權 Sūn Quán	222–252	Хуанлун (黃龍 Huánghóng) 229–231	Желтый дракон (т.е. дракон как у Хуан-ди)	Сакральное
			Цзяхэ (嘉禾 Jiāhé) 232–238	Славные хлеба	Ситуация в стране
			Чиу (赤鳥 Chìwū) 238–251	Пурпурная птица	Сакральное
			Тайюань (太元 Tàiyuán) 251–252	Абсолютная эра	Хронология
			Шеньфэн (神鳳 Shénfèng) 252	Божественный феникс	Сакральное
Куайци-ван	Сунь Лян	252–258	Цзяньсин (建興 Jiàn xīng) 252–253	Создание подъема	Ситуация в стране
會稽王 Kuàijī Wáng	孫亮 Sūn Liàng		Уфэн (五鳳 Wǔfèng) 254–256	Пять фениксов	Сакральное
или Хоугуань-хоу 候官侯 Hòuguān Hóu			Тайпин (太平 Tàipíng) 256–258	Абсолютное равновесие	Ситуация в стране (равновесие)
Цзин-ди	Сунь Сю	258–264	Юньань (永安 Yǒng'ān) 258–264	Вечная безопасность	Ситуация в стране
景帝 Jǐngdì	孫休 Sūn Xiū				
Учэн-хоу	Сунь Хао	264–280	Юаньсин (元興 Yuán xīng) 264–265	Годы подъема	Ситуация в стране
烏程侯 Wūchéng Hóu	孫皓 Sūn Hào		Ганьлу (甘露 Gānlù) 265–266	Изобилие	Ситуация в стране
или Гуймин-хоу			Баодин (寶鼎 Bǎodǐng) 266–269	Драгоценный треножник	Сакральное
歸命侯 Gūimìng Hóu			Цзяньхэн (建衡 Jiàn héng) 269–271	Создавая баланс (т.е. равновесие)	Ситуация в стране (равновесие)
			Фэнхуан (鳳凰 Fèng huáng) 272–274	Пара фениксов	Сакральное
			Тяньцэ (天冊 Tiāncè) 275–276	Небесные установления	Сакральное
			Тяньси (天璽 Tiānxì) 276	Небесные печати	Сакральное
Тяньци (天紀 Tiānji) 277–280	Небесные записи	Сакральное			
Не уникальные по иероглифам значения					60
Уникальные по иероглифам значения					10
Уникальные наполовину					30

Таблица 4. Наборы Определений и Объектов по династиям

Династия		Определения по династиям (%)										
		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Σ % уп.		100	100	100			100	100	100	100	100	100
Годы	元	28	11	0	0	6	1	8	0	11	0	0
Строительство	建	10	22	0	20	11	1	5	5	0	6	0
Поздний	后	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Начало	初	5	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Великий	太	5	0	10	0	11	3	3	0	0	0	0
Вечный	永	5	27	0	0	6	8	0	0	0	6	0
Середина	中	3	3	0	0	0	1	5	0	5	0	0
Пять	五	3	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Земля	地	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Небо	天	3	0	0	0	17	8	5	0	11	12	15
Начинать	始	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Жить	居	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Идти походом, собирать	征	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Корень	本	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Река	河	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сладкий	甘	3	0	10	0	6	0	0	0	0	0	0
Божество	神	3	0	0	0	6	3	0	0	0	0	0
Завершать	竟	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Умиротворять	绥	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Солнце, ян	阳	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Великий	鸿	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Желтый	黄	3	0	10	0	11	0	0	0	0	0	0
Продолжать	延	0	11	0	20	0	3	0	0	5	0	0
Свет	光	0	3	0	0	0	4	0	0	0	0	8
Возрождение	興	0	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Мир	和	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Война	武	0	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Хань	汉	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Радостный	熹	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Устав, указ	章	0	3	0	20	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 4. Продолжение

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Светлый	景	0	0	20	20	0	4	5	9	0	6	0
Истинный	正	0	0	20	0	0	0	0	0	0	12	0
Всюду	咸	0	0	10	0	0	3	3	5	0	0	8
Счастливый	嘉	0	0	10	0	6	0	3	14	0	6	8
Бирюзовый	青	0	0	10	0	0	0	0	0	0	0	0
Янь-ди	炎	0	0	0	20	0	0	0	0	0	0	0
Драгоценность	宝	0	0	0	0	6	3	3	9	0	0	0
Пурпурный	赤	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Феникс	凤	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Государь-небо	乾	0	0	0	0	0	5	5	5	0	0	8
Большой	大	0	0	0	0	0	5	5	0	5	0	0
Открытие, начало	开	0	0	0	0	0	4	3	9	0	0	0
Долгий	长	0	0	0	0	0	4	0	0	0	0	0
Множество	万	0	0	0	0	0	3	0	0	0	6	0
Возвышать	上	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Год	岁	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Широкий, повсюду	广	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Письменность, ученость	文	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Твердый, упорядоченный	贞	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Дракон	龙	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Долгий	久	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Мораль	仪	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Собираться	会	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Прежде	先	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Книга, указ	册	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Наследовать	嗣	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Совершенномудрый	圣	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Удоставать	垂	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Походить на	如	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Развивать, просвещать	弘	0	0	0	0	0	1	0	0	0	6	0
Главный, сводить воедино	总	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0

Таблица 4. Продолжение

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Ясный, проявлять	显	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Великий	至	0	0	0	0	0	1	5	0	47	0	0
Показывать, доказывать	证	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Гармонизировать	调	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Пребывать в мире	载	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Цилинь	麟	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Провозглашать	宣	0	0	0	0	0	0	3	0	0	6	8
Величественный	崇	0	0	0	0	0	0	3	0	0	6	8
Спокойный, равновесный	平	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Праздновать, счастье	庆	0	0	0	0	0	0	3	5	0	0	0
Благополучие	康	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	8
Правление, политика	政	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Светлый, мудрый	明	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Править	治	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Чистый, искренний	淳	0	0	0	0	0	0	3	9	0	0	0
Сиятельный, славный	熙	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Император, владыка	皇	0	0	0	0	0	0	3	0	5	0	0
Предел, основа	端	0	0	0	0	0	0	3	5	0	0	0
Наследовать	绍	0	0	0	0	0	0	3	14	0	0	0
Повторный, глубокий	重	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Мирный, спокойный	雍	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	8
Спокойный, тихий	靖	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Добродетель	德	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0
Знамение, счастье, символ	祥	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0
Возвышенный, обильный	隆	0	0	0	0	0	0	0	5	0	6	0
Великий, процветающий	泰	0	0	0	0	0	0	0	0	5	6	0
Направлять, посылать	致	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0
Распространять повсюду	洪	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12	0
Успех, завершать	成	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0
Единство	同	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Путь	道	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Сопутствующий	顺	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8

Таблица 4. Продолжение

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Σ % уп.		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Годы	元	18	5	20	0	6	8	3	5	16	0	0
Начинать	始	15	0	10	0	0	0	0	0	0	0	0
Равновесие	平	8	19	10	0	6	0	5	5	0	0	0
Свет	光	5	5	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Феникс	凤	5	0	0	0	11	1	0	0	0	0	0
Мир	和	5	14	10	0	0	5	11	0	5	0	0
Поход на север	朔	5	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Начало	初	3	11	20	0	0	1	0	0	0	0	0
Счастье	嘉	3	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Спокойствие	宁	3	5	0	0	0	1	5	0	0	0	0
Долголетие	寿	3	3	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Церемония фэн	封	3	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Благополучие	康	3	8	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Продолжение	延	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Престол	摄	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Фундамент, основа	昭	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Хань	汉	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сосуд цзюэ	爵	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Охота	狩	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Время (сезон)	节	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Изобилие	露	3	0	10	0	6	1	0	0	0	0	0
Трипод	鼎	3	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Дракон	龙	3	0	10	0	6	3	0	0	0	0	0
Возрождение	興	0	5	0	40	11	0	5	14	0	0	0
Безопасность	安	0	5	0	0	6	1	0	0	0	0	0
Середина	中	0	3	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Построение	建	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Война	武	0	3	0	20	6	0	0	0	0	6	0
Веселье	熹	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Сияние	熙	0	0	10	20	0	0	3	14	0	6	8

Таблица 4. Продолжение

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Сияние-яо	耀	0	0	0	20	0	1	0	0	0	0	0
Записи	纪	0	0	0	0	6	1	0	0	0	0	0
Хлеба	禾	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Птица	乌	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Баланс	衡	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Самка феникса	凰	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Установление	册	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Печать	玺	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	0
Благодать	德	0	0	0	0	0	6	5	0	5	12	8
Календарь	历	0	0	0	0	0	4	3	0	5	6	0
Совершенномудрый	圣	0	0	0	0	0	3	5	0	0	0	0
Небо	天	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Празднование	庆	0	0	0	0	0	3	0	9	5	6	8
Процветание	昌	0	0	0	0	0	3	0	0	0	6	0
Мудрость	明	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Благословение	祐	0	0	0	0	0	3	11	14	5	0	0
Проникновение	通	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0
Множество	万	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Облако	云	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Удача, благоприятствование	亨	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Усилие	功	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Ученость	化	0	0	0	0	0	1	3	0	0	6	0
Управление	启	0	0	0	0	0	1	0	0	0	6	0
Следование	复	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Заложение	宅	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Сокровище	宝	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0
Год	岁	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Предзнаменование	应	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Императорский штандарт	徽	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Намерение	意	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0

Таблица 4. Продолжение

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Достижение	成	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Без насилия	拱	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0
Дарование	授	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Предел	极	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Благодеяние	泰	0	0	0	0	0	1	0	5	0	6	0
Чистота	淳	0	0	0	0	0	1	0	5	0	0	0
Восхождение	登	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Счастье-фу	福	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Императорский зал	章	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Благоприятный символ	符	0	0	0	0	0	1	5	0	0	0	0
Созерцание	观	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0
Наблюдение	视	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Правильность	贞	0	0	0	0	0	1	0	0	5	0	0
Достаток	足	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Мир-цзай	载	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Путь	道	0	0	0	0	0	1	5	5	0	0	0
Величие	隆	0	0	0	0	0	1	3	0	0	0	8
Сопутствование	顺	0	0	0	0	0	1	0	0	21	6	0
Страна	国	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	0
Сосуд фэн	丰	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	8
Устойчивость	定	0	0	0	0	0	0	3	14	5	0	0
Предзнаменование	祥	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Счастье-си	禧	0	0	0	0	0	0	3	5	0	0	0
Спокойствие-цин	靖	0	0	0	0	0	0	3	0	0	6	0
Янь-ди	炎	0	0	0	0	0	0	0	9	0	0	0
Единство	统	0	0	0	0	0	0	0	0	11	6	8
Большой	大	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0
Истина	正	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	8
Правление	治	0	0	0	0	0	0	0	0	5	6	15
Радость	乐	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0
Письмена	文	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0

Таблица 4. Окончание

Определения по династиям (%)												
Династия		Западная Хань	Восточная Хань	Вэй	Шу	У	Тан	Сун	Южная Сун	Юань	Мин	Цин
Счастье	禎	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0
Мандат	命	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Преемственность	绪	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8
Мудрость-цун	聰	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wang Yü-ch'üan. An Outline of The Central Government of The Former Han Dynasty // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. Vol. 12. No. 1/2. P. 134–187. doi:10.2307/2718206
2. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 512 с. С. 451–457.
3. Yang C.K. *Religion in Chinese Society: A Study of Contemporary Functions of Religion and Some of Their Historical Factors*. Berkeley: University of California Press, 1961.
4. 王希佳. 彰显宗教文化魅力续写中日交流新篇从日本新年号“令和”谈起 // *中国宗教*. 2019. № 4. 第 10 頁 [Ван Сицзя. Обсуждая то, как выбор нового японского девиза правления «Рэйва» проявляет очарование религиозной культуры в новом акте, продолжающем японо-китайские контакты // *Чжунго цзунцзяо*. 2019. № 4. С. 10.]
5. Schafer E.H. Non-translation and Functional Translation: Two Sinological Maladies // *The Journal of Asian Studies*. 1954. Vol. 13. No. 3. P. 251–260. doi: 10.2307/2942278
6. Wright M.C. What's in a Reign Name: The Uses of History and Philology // *The Journal of Asian Studies*. 1958. Vol. 18. No. 1. P. 103–106. doi: 10.2307/2941289
7. Мартынов А.С. Девизы правлений китайских императоров (нянь-хао) // *Материалы 12-й научной конференции Института востоковедения «Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока»*. М., 1977. С. 78–84.
8. Wechsler H.J. *Offerings of Jade and Silks: Ritual and Symbol in the Legitimation of the T'ang Dynasty*. New Haven (Conn.) : Yale University Press, 1985.
9. Rothschild N.H. An Inquiry into Reign Era Changes under Wu Zhao, China's only female emperor // *Early Medieval China*. 2006. Issue 1. P. 123–149.
10. 孙英刚. 无年号与改正朔:安史之乱中肃宗重塑正统的努力 – 兼论历法与中古政治之关系 // *人文杂志*. № 3. [Сунь Инган. Отсутствие символа правления и изменения в календаре: усилия императора Су Цзуна по восстановлению династии в период мятежа Ань Лушаня и проблема связи календаря и политики в древности // *Жэньвэнь цзачжи*. 2013. № 3.]
11. 张俊飞. 从年号看十六国政权之文化与政治取向 // *江苏教育学院学报*. 2007. № 1. [Чжан Цзюньфэй. Тенденции политики и культуры периода «Шестнадцати государств» в контексте символов правлений // *Цзянсу цзяоюй сюэбао* 2007. № 1.]
12. 马雪. 两宋时期帝王年号漫议. [Ма Сюэ. Комментарии к символам правлений китайских монархов периодов Северной и Южной Сун // *Кансан*. 2008. № 1.]
13. 高洪. 日本确定“令和”年号过程中的政治因素探析 // *日本学刊*. 2019. № 3. [Гао Хун. Изучение политических факторов выбора японского символа правления Рэйва // *Жибэнь сюэкань*. 2019. № 3.]
14. Сыма Цянь. *Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. А.Р. Вяткин, В.С. Таскин. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 567 с. С. 277.*

REFERENCES

1. Wang Yü-ch'üan. An Outline of The Central Government of The Former Han Dynasty. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949;12(1/2):134–187. doi:10.2307/2718206
2. Rybakov VM. *The T'ang Bureaucracy*. Pt 1. Genesis and Structure. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2009. 512 p. P:451–457. (In Russ).
3. Yang CK. *Religion in Chinese Society: A Study of Contemporary Functions of Religion and Some of Their Historical Factors*. Berkeley: University of California Press; 1961.
4. Wang Xijia. Zhanxian zongjiao wenhua meili xuxie zhongri jiaoliu xinpian cong riben xin nianhao linghe tanqi [A New Discussion of Attractiveness of Religious Culture in Continuation of Chinese-Japanese Contacts from the Perspective of the New Japanese Era Name “Reiva”]. *Zhongguo zongjiao*. 2019;(4):10. (In Chinese).
5. Schafer EH. Non-translation and Functional Translation: Two Sinological Maladies. *The Journal of Asian Studies*. 1954;13(3):251–260. doi: 10.2307/2942278
6. Wright MC. What's in a Reign Name: The Uses of History and Philology. *The Journal of Asian Studies*. 1958;18(1):103–106. doi:10.2307/2941289
7. Martynov AS. Era (Reign) Names of Chinese Emperors (Nian Hao). Proceedings of the 12th science conference «Written Monuments and Problems of the History of Culture of the East». Moscow; 1977. P:78–84. (In Russ).

8. Wechsler HJ. Offerings of Jade and Silks: Ritual and Symbol in the Legitimation of the T'ang Dynasty. New Haven (Conn.): Yale University Press; 1985.
9. Rothschild NH. An Inquiry into Reign Era Changes under Wu Zhao, China's Only Female Emperor. *Early Medieval China*. 2006;(1):123–149.
10. Sun Yinggang. Wu nianhao yu gaizheng shuo: anshizhiluan zhong xiaozong chongsu zhengtong nuli – jian lun lifa yu zhonggu zhengzhizhi guanxi [Absence of the Reign Symbol and Change in Calendar: The Emperor Su Zong's Efforts to Restore the Dynasty during the An Lushan's Uprising and the Issue of Interconnectedness between Calendar and Politics in Ancient Times]. *Renwen zazhi*. 2013;(3). (In Chinese)
11. Zhang Junfei. Cong nianhao kan shiliu guo zhengquanzhi wenhua yu zhengzhi quxiang [Certain political and cultural tendencies of the "Sixteen barbarian states" within the context of reign symbols]. *Jiangsu jiaoyu xuebao*. 2007;(1). (In Chinese)
12. Ma Xue. Liang song shiqi diwang nianhao manyi [Comments of the Chinese emperors' reign symbols of the North and Southern Song]. *Cangsang*. 2008;(1). (In Chinese)
13. Gao Hong. Riben queding «linghe» he «nianhao» guochengzhongde zhengzhi yinsu tanxi [Studies on political factors behind announcement of Japanese reign symbol "Reiva"]. *Riben xuekan*. 2019;(3). (In Chinese)
14. Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi ji). Vyatkin AR, Taskin VS, trans., comment. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003;2. 567 p. P:277 (In Russ).

ОБ АВТОРАХ

Деопик Дега Витальевич, д-р ист. наук, профессор;
адрес: Россия, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская 13,
стр. 1; e-mail: d.v.deopik@inbox.ru

***Ганшин Богдан Константинович**;
адрес: Россия, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская 13,
стр. 1; e-mail: bganshin@gmail.com

AUTHORS' INFO

Dega V. Deopik, Dr. Sci. (Hist.), Professor;
address: 13-1, Malaya Pirogovskaya, 119435 Moscow, Russia;
e-mail: d.v.deopik@inbox.ru

***Bogdan K. Ganshin**;
address: 13-1, Malaya Pirogovskaya, 119435 Moscow, Russia;
e-mail: bganshin@gmail.com

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

Функции раннего слоя Шуцзина в социально-политической коммуникации

М.С. Целуйко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию раннего слоя древнекитайского канона *Шуцзин* 書經: рассматриваются его форма и содержание, устанавливается функция составляющих его текстов *шу* 書 в рамках социально-политической коммуникации различных групп древнекитайского общества. В исследовании формы *шу* выделяются ее базовые единицы, показывается ее гетерогенность, а также отличие от стихотворных форм *ши* 詩, что противоречит гипотезе о литургических функциях текстов *шу*. Анализ базовых элементов формы и содержания позволяет выявить основные стороны коммуникации в памятнике, подсчет частотности социально-политических обобщений показывает, что главным адресатом послания текстов *шу* были не родственники правителя, а слуги и служители, не связанные с чжоуским культом предков, что также противоречит литургической гипотезе. Реконструированный основной сюжет раннего слоя *шу* показывает, что время, в котором мыслили себя авторы *шу* — это начало Восточной Чжоу, после переноса столицы вана в Лоян, вокруг которого и сконцентрировано повествование ранних *шу* в пространственной перспективе. Выделенная в результате исследования основная функция текстов ранних *шу* — служить легитимации коммуникации и взаимодействия разных социально-политических групп, не связанных родовыми узами.

Ключевые слова: Шуцзин; Шаншу; форма; содержание; коммуникация; социально-политическая функция; литургическая функция; Восточное Чжоу.

Как цитировать

Целуйко М.С. Функции раннего слоя Шуцзина в социально-политической коммуникации // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 37–52.
DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

The Functions of Shujing's Earliest Chapters in Socio-Political Communication

Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS), Moscow, Russian Federation
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper examines the earliest textual layers of the ancient Chinese Classics — Shujing 書經. Analyzing the form and content of its chapters we determine their functions in the context of socio-political communication between different groups of ancient Chinese society and political class. While studying the formal properties of the *shu*, we come to reconstruct different types of its basic elements. This formal heterogeneity of early *shu* differentiates them greatly from the poetic hymns of Shijing 詩經, thus contradicting the well-spread hypothesis of the texts' liturgical nature and functions. Exploring the main elements of narrative reveals the main recipient of its message, that being not the relatives of the royal lineage, but the servants, stewards and wardens of Luoyang, which is the spatial and chronological centre of narration. Thus we can reconstruct the main function of the texts, and that is to legitimize the communication and interaction between such groups of Zhou society and ruling class, which are not connected by kinship. This once again contradicts the "liturgical hypothesis", as the stewards and servants were not connected to the cult of royal ancestors.

Keywords: Shujing; Shang shu; formal; content; communication; socio-political function; liturgical function; Eastern Zhou.

To cite this article

Tseluyko MS. The Functions of Shujing's Earliest Chapters in Socio-Political Communication. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):37–52.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

Received: 18.11.2020

Accepted: 14.06.2021

Published: 15.02.2022

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

书经的早期层在政治社会交流中的作用

Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS), Moscow, Russian Federation
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

抽象的

文章主要研究古代文献书经早期层面：研究书经的最古老的部分(就是单独的“书”)的形式和内容，其构成内容的功能是在中国古代社会各个群体的社会政治交流范围内建立起来的。在对“书”的形式的研究中，区分了其基本单位，体现了其特点，并将其与诗经的单独的“诗”，区分开来，这与关于“书”礼仪功能的假设相矛盾。对形式和内容的基本要素的分析使我们能够确定碑文中沟通的主要部分，社会政治概况的频率统计表明，“书”中内容的主要受众并非统治者的亲属，也不是周朝祭祖相关的仆人和大臣，这也与礼仪假设相矛盾。“书”早期层面主要情节的还原表明，“书”的作者们认为自己所处的是东周初期，迁都洛阳后，从空间角度来看早期书的叙事中心就集中在此。研究表明，“书”早期的主要功能是为没有血缘关系的不同的社会政治群体之间的交流和互动提合法化。

关键词： 书经；尚书；形式；内容；沟通；社会政治功能；礼仪功能；东周。

如何引用文章

Tseluyko MS. 书经的早期层在政治社会交流中的作用. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):37–52. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81800>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 15.02.2022

ВВЕДЕНИЕ

Одним из первых по важности среди источников по переходному периоду от Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) к Восточному (771–221 гг. до н.э.) из имеющихся в традиции Восточной Азии является *Шуцзин* 書經, также именуемый *Шан шу* 尚書, иногда называемый «Каноном преданий» или «Канонном документов».

Шуцзин входит в древнейший конфуцианский канон, наравне с другими древними памятниками *Чуньцю* 春秋, *Шицзин* 詩經, *Ицзин* 易經, *Лицзи* 禮記.

В настоящее время в мировой синологии имеется огромное количество исследований, посвященных этому памятнику, который считается одним из самых ранних произведений, дошедших до нас через китайскую традицию передачи. Так переданные памятники можно называть традиционными и противопоставлять эпиграфике и палеографии — памятникам письма, в большинстве своем добытым археологами в наши дни и не имевшим отношения к (и следовательно, не попавшим под влияние) трехтысячелетней традиции переписывания, передачи, комментирования, составления, редактуры и печати книг, написанных иероглифами.

Несмотря на важность *Шуцзина*, он до сих пор не имеет четкой научно обоснованной датировки ни для одной из своих глав. Также отсутствует и научно обоснованное понимание социальных функций текстов *шу*, составляющих главы памятника. И наконец, существуют различные, противоречащие друг другу версии происхождения памятника и членения его на слои. Эти версии по-разному соотносят историю формирования данного памятника письменной традиции с развитием известных ученым надписей на бронзовых сосудах древней Восточной Азии. По этой причине памятник до сих пор фактически не введен в научный оборот как исторический источник — непонятно, как использовать содержащуюся в нем информацию, если ее нельзя привязать к определенному времени. Поэтому проблема соотношения памятника с предыдущей письменной традицией и проблема социальных функций текстов жанра *шу* являются приоритетными для нашего исследования.

Подходы к анализу *шу* в синологии

Для синологии характерны два основных подхода к вопросу о функциях и формировании *Шуцзина* и текстов типа *шу*, которые составляют его главы.

Первый подход можно назвать каноноведческим. Его представители делают упор на представление памятника как канона китайской письменной традиции, как составной части конфуцианского Пятикнижия. Он подразумевает: представление о редактуре Конфуция в отношении *Шуцзина*; раннее датирование глав в соответствии с их содержанием; рассмотрение истории памятника как этапа формирования системы канонов; восприятие

его как священной или ключевой книги конфуцианства; изучение традиции «древних знаков» 古文 *гувэнь* и традиции «современных знаков» 今文 *цзиньвэнь*; приоритет положений комментаторской традиции; поэтизированный перевод самого текста памятника.

Представителями этого подхода были Джеймс Легг (1815–1897)¹, Иакинф Бичурин (1777–1853) [2]. Из современных ученых этот подход использовал А.М. Карапетьянц в своей статье по формированию системы канонов в Китае [3]. При этом надо отметить, что в работах Карапетьянца в части методики исследования имеется некоторый отход от канонovedческого подхода. В работе Карапетьянца присутствует поставленная проблема выделения «наиболее раннего слоя памятника» [3] (см. с. 228). К этому же направлению относится современный русский перевод *Шуцзина*, выполненный В.М. Майоровым².

Второй подход к анализу памятника можно назвать историческим, или источникововедческим. В рамках этого направления также существуют свои подгруппы.

Первую из них можно определить как выведение текстов *шу* из ранней письменной традиции, в первую очередь представленной эпиграфикой. Представители этого направления полагают, что формирование раннего слоя памятника и его особенности связаны с эволюцией традиции надписей, в первую очередь на бронзовых сосудах эпохи Западного Чжоу. Таким образом, с этой точки зрения *шу* должны быть стадией развития письменной традиции.

Так, В.М. Крюков связывает изучение *шу* с изучением эпиграфики [5]. Он ставит задачу лингвистического сравнения надписей на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* 金文 и глав *Шуцзина* [5] (см. с. 302–306). Вслед за китайским ученым Чжан Ситаном 张西堂 он полагает, что в древнейший слой входят главы *Да гао* 大誥, *Кан гао* 康誥, *Цю гао* 酒誥, *Шао гао* 召誥, *Ло гао* 洛誥, *Цзы цай* 梓材, *До ши* 多士, *До фан* 多方 и *Ли чжэн* 立政 [5] (см. с. 297).

Эта же проблема поднимается и в значительной степени решается в исследовании О.В. Шмаковой, сравнивающей массивы западночжоуских надписей с *шу* по грамматике [6]. В этой работе уже бесспорно количественно доказывается близость их языка.

Похожий вопрос ставится в исследовании Г.С. Поповой, где ранний слой памятника датируется началом Восточного Чжоу [7]. Автор полагает функцией ранних *шу* легитимацию чжоуского правителя в эпоху раннего Восточного Чжоу и утверждает, что функцией самих надписей *цзиньвэнь* Западного Чжоу было сопровождение ритуала жертвоприношения. Здесь Г.С. Попова согласна с позицией В.М. Крюкова по вопросу о ритуальных функциях бронзовых сосудов эпохи Западного Чжоу, на которые наносились надписи [5].

В своих более поздних исследованиях, в частности в совместной с М.Ю. Ульяновым статье, Г.С. Попова отходит от вышеописанного определения функций как *шу*, так и текстов на бронзовых сосудах, используя определение

¹ Джеймс Легг (Legge) называет его одной из «священных книг Китая» (“sacred books of China”) [1].

² Подробнее об этом переводе [4].

Таблица 1. Размеры синтагм текста До ши 多士

Иероглифов в синтагме	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	Всего
Количество таких синтагм в тексте	1	8	16	24	22	17	9	8	5	1	1	1	113
Процент такого типа синтагм от общего количества синтагм	0,88	7,07	14,15	21,23	19,46	15,04	7,96	7,079	4,42	0,88	0,88	0,88	100
Суммарное количество иероглифов в синтагмах данного типа	1	16	48	96	110	102	63	64	45	10	11	13	579
Суммарный процент иероглифов в данном типе синтагм	0,17	2,76	8,29	16,58	18,99	17,61	10,88	11,05	7,77	1,72	1,89	2,24	100

«литургический» в отношении этих текстов [8]. В рамках этой концепции предполагается устное «возглашение» текстов *шу* при проведении ритуалов. Эта позиция обоснована не сравнением конкретных текстов *шу* с определенными материалами эпиграфики, синхронными эпохе, когда совершались предполагаемые ритуалы (таков, к примеру, метод В.М. Крюкова), а свидетельствами гораздо более поздних письменных традиционных источников, таких как *Го-юй 國語* [8].

На современном этапе развития западной синологии образцом «литургической гипотезы» является статья Мартина Керна [9]. В ней он рассматривает *шу* в первую очередь как речи западножюуских царей и отвергает возможность объяснения их сохранения и передачи в рамках «институциональной структуры Западного Чжоу» иначе чем «в архиве». Функцией *шу* он полагает публичное устное исполнение при ритуалах поминания чтимых правителей прошлого. Этот автор датирует тексты *шу* периодом с середины Западного Чжоу (т.е. с IX в. до н.э.) и до эпохи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Керна полагает, что как *шу* 書, так и *ши* 詩 (гимны *Шицзина*), так и надписи на бронзовых сосудах — все предназначались для устного исполнения. Свое утверждение он обосновывает тем, что и *шу*, и *ши*, и надписям на бронзовых сосудах якобы принадлежат такие свойства, как «ритмичный стиль», «торжественная формульная выразительность», а также «избирательный лексикон» [9] (см. с. 146, 151). Ниже мы подробнее рассмотрим проблему формы *шу* и отдельные аспекты такого подхода.

Проблема формы *шу*

«Литургическая гипотеза» формы *шу*

Для обоснования своей позиции в отношении *шу* Керн делает множество различных утверждений, некоторые из которых можно проверить. В частности, особенно важным для определения формы *шу* представляется его утверждение, что глава *Шицзина До ши 多士* по размеру синтагм «резонирует с обычно четырехсложным размером» гимнов *Шицзина* [9] (см. с. 187).

Поскольку Керн нигде не определяет, что такое «резонировать», мы переформулируем поставленный вопрос так, чтобы на него мог быть дан точный ответ. А именно: является ли текст *До ши 多士* стихами? Или, еще точнее, сходен ли он по форме с текстами гимнов *Шицзина*? Имеет ли он размер?

Для ответа на данный вопрос используется оригинал текста *До ши 多士* в классическом разделении на синтагмы³. Разделение на синтагмы в этой версии текста задано наличием определенных формул (например, 王若曰), служебных знаков, задающих начало новой фразы (惟, 肆, 則, 乃, 罔, 今, 昔, 即), местоимений, обращений, восклицаний. Всего получилось 113 синтагм, в которых в общем 579 иероглифов. В среднем — 5,12 иероглифа на синтагму.

Из табл. 1 видно, что в тексте имеется 24 синтагмы по 4 иероглифа, т.е. 21% всех синтагм текста. На них приходится 96 иероглифов, т.е. 16,5% всех иероглифов текста. Данный текст не может быть стихотворным, с размером 4 знака в строфе, в нем нет ни одного типа размера синтагм, который охватывал хотя бы 20% иероглифов текста.

Чтобы показать различие между данным образцом жанра *шу* и стихотворными произведениями древней Восточной Азии, мы сравним его по размеру синтагм с одним из гимнов *Шицзина*, который называется *Вэнь-ван 文王*.

Как видно из графика (рис. 1), в тексте отсутствует верифицируемый размер, ритм и повторяемость — ни одна последовательность из хотя бы 4 синтагм не повторяется.

В данном гимне 228 иероглифов, организованных в 56 стихотворных строк, каждая тождественна синтагме. Из них всего 4 строки-синтагмы отклоняются от размера в 4 иероглифа (рис. 2).

Сравнение этих двух графиков наглядно демонстрирует разницу между прозаическими и стихотворными произведениями древней Восточной Азии. Второй график демонстрирует повторяемость, ритмичность, стихотворный размер. Первый — нет.

Итак, нет никаких строгих научных оснований для того, чтобы отнести главу *Шицзина До ши 多士* к стихотворным

³ Для исследования памятника использовано издание Шан шу 1957 г. [10].

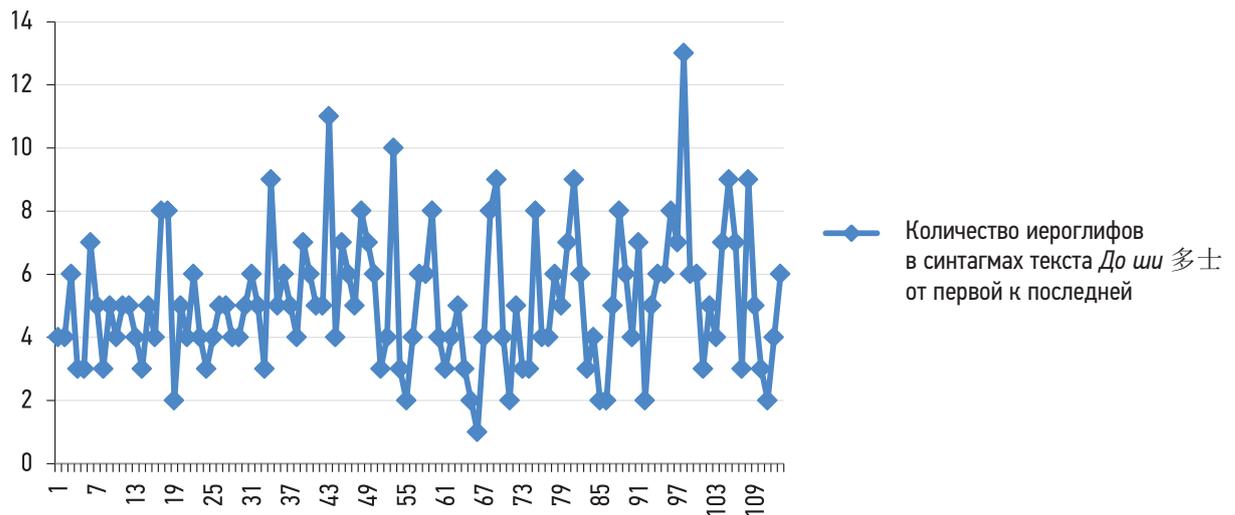

Рис. 1. «Размер» До ши 多士

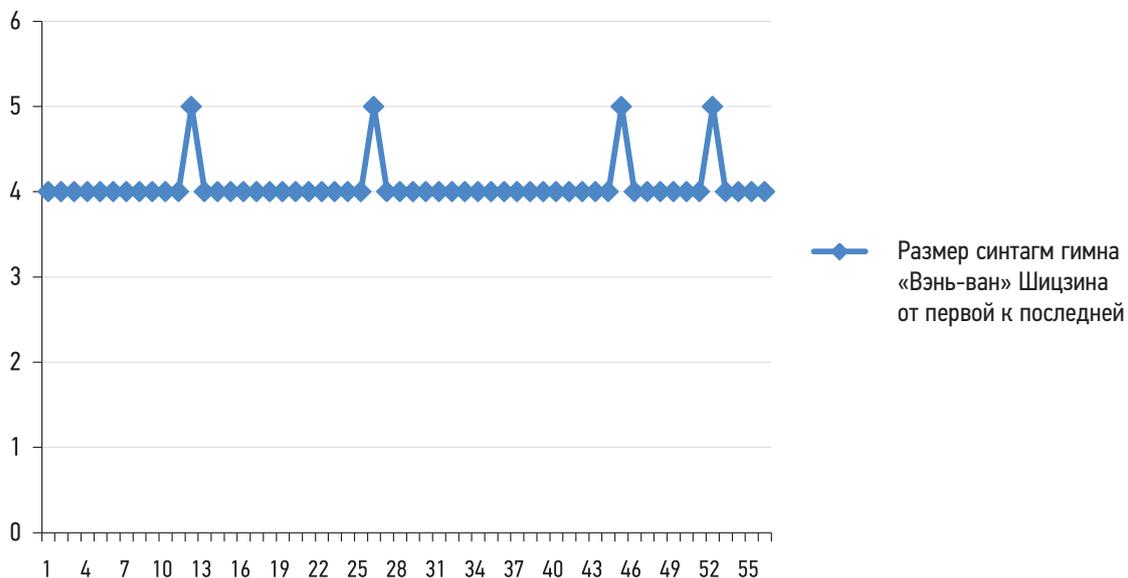

Рис. 2. Размер гимна «Вэнь-ван» 文王

по форме произведениям. То же самое может быть сказано и про остальные главы *Шуцзина*, и раньше в синологии никто не предпринимал попыток отнести *шу* к стихам. Но в логике «литургической гипотезы» ранние *шу* функционируют как записи устных ритуальных провозглашений, и сближаются со стихами, что, на наш взгляд, неверно.

Форма раннего слоя *шу*

К раннему слою *Шуцзина* В.М. Крюков относит 9 глав. Мы будем далее основываться на этом понимании. Как показывают имеющиеся исследования, по форме все эти главы гетерогенны — в них есть разные по форме фрагменты⁴. Самые большие из этих типов фрагментов — это «речи», то есть изречения, обращения, описания

исторического прецедента, возвания, императивы, описания событий, синхронных внутреннему времени «речи». Кроме «речей» встречаются еще три типовых элемента формы. Во-первых, это вводная часть⁵, повествующая об обстоятельствах произнесения и изготовления текста речи. Во-вторых, это концовка — некоторый элемент, закрывающий высказывание, возможно, подводящий ему итог. В главах *Да гао* и *Цзы цай* концовок нет. В-третьих, это хронологическая часть — датированное изложение событий, не в форме прямой речи. В табл. 2 дано их распределение по главам.

Общая форма *шу* — это речь в контексте определенных событий. Композиционная модель *шу* такова: вводная часть, хронологическая часть, речи, концовка. При этом

⁴ Например, Г.С. Попова утверждает: «Ведь некоторые из «документов» западножозуского периода могут быть «сборными», т.е. созданными путем компоновки разновременных отрывков текста» [11] (с. 242). В статье О.В. Шмаковой также утверждается гетерогенность всего текста *Шуцзина* [12].

⁵ Также называется предисловием, *шу-сюй*, подробнее см.: [13].

Таблица 2. Типы речей в ранних шу*

Да гао 大誥	Кан гао 康誥	Цзю гао 酒誥	Цзы цай 梓材	Шао гао 召誥	Ло гао 洛誥	До ши 多士	До фан 多方	Ли чжэн 立政
В	В			В	В	В	В	В
РО	Х	РО	РО	Х	РС	Х	Х	РС
РС	РОП	РП	РО	Х	РС	РО	РОП	РП
РНС	РО	РО	РОП	Х	РО	РП	РП	РП
РО	РО	РО		Х	РО	РОП	РП	РП
РОС	РО	РОП		РС	РОП	РСО	РСО	РП
РП	РО	РОП		РП	РО	РСП	РО	РП
РОПС	РО	РП		РП	РОП	РС	РО	РО
РПС	РО	РО		РО	РОПС	РОС	РОС	РО
РО	РО	РО		РПС	Х	РОС		РП
РПС	РО	РО		РО				РО
	РО	РО		РО				РП(?)РО
	РСП			РС				
	РСН							
	РО							
	РО							
	РО							

* Вне речи: Х – событийное повествование, В – введение о создании главы;

Р – речи, их виды: О – речь-обращение, императив, С – речь о себе, П – речь-прецедент, Н – речь-нарратив об одновременном речи событии

концовка может примыкать к речи или к хронологической части, как в главе *Ло гао* 洛誥. Эта структура была нечеткой и могла нарушаться, шу как жанр находились в процессе формирования на момент составления *Шуцзиня*. Необходимо учитывать и возможные разные места, и разные даты составления глав, и разные даты прибавления элементов формы к текстам. Так, скорее всего, вводная часть («предисловия») добавлялась к тексту в позднейший период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) [13].

Речи, составляющие ядро глав, состоят из разных по типу фрагментов. Они также представлены в табл. 2. Выделяются четыре типа высказывания, из комбинаций которых состоят фрагменты речей.

1. Речь-обращение (далее — РО). Они начинаются с возгласа, или обращения к человеку или группе людей и устанавливают связь между говорящим и аудиторией.
2. Речи о себе (далее — РС), или также «субъективные речи». В англоязычных публикациях используется понятие «самосоотносящиеся» («self-referential»), описывающие действия, мотивы и отношения говорящего или группы, к которой он себя относит.
3. Речи о прецеденте (далее — РП), в которых говорящий ссылается на действия, слова, отношения или мотивы своих предшественников, т.е. людей, которые для внутреннего времени речи мертвы, или групп людей и реалий, относящихся к закончившемуся периоду

прошлого — правлению или эпохе. Сюда относятся упоминания предшествующих династий и правителей.

4. Речи-нарративы (далее — РН), повествующие о событиях, одновременных речи, т.е. об условиях произнесения речи. Об этом также говорят хронологические части, поэтому уже здесь можно увидеть одно из свойств формы шу — ее избыточность.

Ранние шу состоят из стандартного набора различных по форме фрагментов, состав которых варьируется от одной главы к другой, но в общем позволяет выделить появившийся жанровый и композиционный стандарт, который не сформирован до конца. Последовательной сюжетной связи между частями нет, некоторые виды частей избыточны. Связь между ними заключается в их общей теме.

Следовательно, ранние шу создавались:

- 1) для достижения сходных целей, имели сходные функции;
- 2) в разное время, разными людьми, принадлежащими к одной социально-культурной группе;
- 3) в разных местах и из различных кратких первичных текстов, принадлежащих к одному типу, имевших общую тематику, сходное, но не идентичное содержание.

По размерам минимальные составные части ранних шу (самостоятельные отрывки речей) примерно соответствуют размерам множества как западночжоуских, так и восточночжоуских надписей на бронзе.

Самый распространенный тип высказывания среди речей — обращение. На него приходится 54 фрагмента из 96, что составляет 56% от общего числа. Таким образом, в большинстве случаев речи ранних шу — это образец контакта, коммуникации.

Анализ характера этой коммуникации относится уже не к изучению формы памятников, но к исследованию их содержания.

Проблема содержания раннего слоя шу

Концепция «небесного мандата»

В синологии часто утверждается, что содержанием чжоуских глав Шуцзина является концепция «Небесного мандата» (天命 *тяньмин*) на власть для рода правителей Чжоу, а также некоторая теория управления государством [11].

Мы проанализируем содержание 9 глав «раннего слоя». В них иероглиф *мин* 命 (который обозначает «мандат» в концепции «небесного мандата») употребляется 92 раза. В табл. 3 указаны все случаи, где этот знак имеет значение: «дарованное Небом право на власть для правящего рода».

В этих случаях напротив ячейки с иероглифами стоит 1. В случаях, где этот иероглиф обозначает нечто другое, стоит 0. В спорных случаях — буква «с». Как видно из таблицы, этот знак обозначает «Небесный мандат» только в 47 случаях из 92 (51%). В другой половине случаев это значит «жизнь», «судьба», «приказ» (например, царя), «воля» (божеств-предков *ди* 帝), «предопределение» (добра и зла), «результат гадания» и т. д. Таким образом, можно сказать, что в данных текстах сочетание иероглифов *тяньмин* 天命 не обозначает определенно и четко сформулированной религиозной, политической и идеологической концепции легитимности власти, не является фразеологически целым и неразрывным. Это сочетание двух вполне самостоятельных иероглифов, скорее, должно переводиться как «воля Неба» или «судьба [дарованная] Небом», нежели как обозначение описанной выше политической концепции. Формирование этой концепции мы видим в текстах ранних шу, но нельзя утверждать, что тексты посвящены именно ей, что ее изложение является центральным моментом содержания текста.

Таблица 3. Употребление и значение иероглифа *мин* 命 в ранних шу

Цзы цай 梓材	Кол-во	Шао гао 召誥	Кол-во	Кан гао 康誥	Кол-во	Да гао 大誥	Кол-во
厥命	0	用書命庶殷	0	天乃大命文王	1	天命	1
先王受命	1	命殷庶	0	厥命	1	受命	1
Ло гао 洛誥		殷之命	с	王命	0	命曰	0
天基命定命	1	受命	с	天命	1	上帝命	0
王即命曰	0	殷之命	1	王命	0	受茲命	1
命曰	0	厥命	1	惟命不于常	с	寧王大命	0
汝受命	0	其眷命	1	明乃服命	0	上帝命	0
乃命	0	厥命	1	До ши 多士		天命	1
天命	1	厥命	1	王命誥	0	天命	1
命公後	0	王厥有成命	с	佑命	1	До фан 多方	
王命予	0	天命	1	殷命	1	爾命	0
受命民	0	厥命	1	殷命	1	天之命	1
乃命	0	天命	1	元命	1	帝之命	0
王命作	0	厥命	1	乃命爾先祖成湯	1	休命	с
王命周公後	0	厥命	1	有命曰	0	天之命	1
受命	1	二國命	1	天命	1	天之命	1
Цзю гао 酒誥		哲命	0	夏命	1	殷命	1
明大命于妹邦	0	天其命哲	0	天命	1	四國民命	0
惟天降命	1	命吉凶	0	民命	0	天之命	1
殷之命	1	命歷年	0	時命	0	天之命	1
在今後嗣王， 酣，身厥命	0	天永命	1			天命	1
惟殷墜厥命	1	天命	1			天命	1
Ли чжэн 立政		天永命	1			爾命	0
上帝之耿命	0	王威命	0			我命	0
商受命	1	成命	0			王命	0
		天永命	1			爾命	0
Всего	8		15		11		13

Всего упоминаний *мин* 命 в значении «Небесного мандата» (в 9 главах) 47

Всего упоминаний *мин* 命 (в 9 главах) 92

Коммуникация как центральный момент содержания шу

Чтобы не привносить в древний текст шу современных идей и не подвергаться риску прочесть там то, чего там нет, увидеть наши приоритеты вместо приоритетов авторов, мы будем отталкиваться от выделенных выше элементов форм шу, реконструируя основные моменты их содержания. И так, как сказано выше, 56% речей в шу являются обращениями, то есть обозначают протекание коммуникации и контакта между говорящим и тем, кому обращение адресовано. В табл. 4 мы собрали все стороны коммуникации из обращений рассматриваемых текстов.

В шести из девяти случаев в коммуникации участвуют люди или группы людей, не принадлежащие к правящему роду, к наследственной знати: «мужи» *ши* 士, «управители» *юйши* 御事, «надзиратели» *цзянь* 監, «начальники» *инь* 尹 и др. Также в ней участвуют либо сам «царь» *ван* 王, либо представители наследственной аристократии: *гуны* 公, «князья» *хоу* 侯, «правители уделов» *чжун* 冢君 и их родня прямых и боковых линий, как титулованная (*бо* 伯), так и нет (*цзюнь-цзы* 君子 и *сяо-цзы* 小子).

Итак, коммуникация здесь имеет три стороны: 1) царь, 2) наследственная удельная аристократия, 3) незнатные «управляющие».

Такая структура коммуникации раннего слоя шу противоречит «литургической гипотезе», по которой шу исполнялись при поминовении предков чжоуских правителей при принесении им жертв. Наше же исследование показало, что в тексте памятников одним из ключевых элементов содержания является обращение к безымянным группам незнатных «управляющих», отношение которых к предкам чжоуских ванов (в основном в «литургической гипотезе» имеются в виду У-ван и Вэнь-ван) совершенно не обозначено в тексте, известно только, что часть этих «управляющих» является иньцами («оставшиеся мужи Инь»). Из этого следует, что родней чжоуским предкам они никак не могут быть. Следовательно, они никак не могут быть активными участниками коммуникации с духами этих царей в рамках культа предков. Даже если предположить, что эти «слуги» и «иньцы» должны были все-таки приносить жертвы У-вану и Вэнь-вану или как-то участвовать в этих ритуалах, то в тексте памятника об этом нет ни слова, ни намека.

Таким образом, если в ранних шу участником коммуникации является сторона, которая никак не может быть участником ритуала чжоуского культа предков, то коммуникация, описываемая и санкционируемая текстами ранних шу, — не ритуальная, либо относится к другому, неизвестному нам, культу⁶.

В рамках «литургической гипотезы» вообще невозможно объяснить обильное упоминание в тексте шу

социальных групп, не имеющих родственного отношения ни к чжоуским ванам, ни к чжоуской наследственной удельной знати. Эти социальные обобщения, называющие группы людей, встречаются не только в речах-обращениях, но вообще по всем текстам рассматриваемых глав. Все такие термины были собраны в табл. 5, напротив каждого стоит количество упоминаний этого термина в главе. Все они разделены на три группы: неродовые термины, родовые термины (термины родства и относящиеся к царскому роду) и термины, точный характер которых неясен (в основном связанные с иероглифом 伯, который может как означать родовой титул, так и переводиться как «старейшина»).

В краткой форме подсчеты по 9 главам в совокупности собраны в табл. 6.

Итак, как показывают подсчеты, 80% упоминаемых групповых терминов относятся к неродовым, не являются терминами родства. Таким образом, приоритет создателей этих текстов состоял в санкционировании связей между царем и теми, кто не был его родственниками. Эти группы людей были посторонними по отношению к царскому роду и, следовательно, посторонними по отношению к царскому культу предков.

В главе *Цзы цай* есть соответствующее этим результатам нашего исследования изложение функции ранних шу прямым текстом:

以厥庶民暨厥臣達大家，以厥臣達王惟邦君。
«Чтобы все [группы] народа и подданных (слуг-служащих) достигли согласия с великими родами, чтобы подданные достигли согласия с Ваном и правителями уделов».

Так создатели шу видели их функции. Это осознанное санкционирование целенаправленной повторяющейся деятельности. Это и есть социально-политический институт, отраженный в данном памятнике.

Набор сюжетных элементов ранних шу

Итак, термины, обозначающие группы людей и коллективы, никак не связанные с царем родством, а исполняющие определенные служебные функции, встречаются не только в речах-обращениях, но и, как показано в таблицах выше, распространены во всех частях текстов раннего слоя шу. Таким образом, социальные обобщения и обозначения групп выступают не только объектом обращения и коммуникации, но играют и другие сюжетные роли в тексте.

Чтобы определить эти роли, мы реконструируем общий сюжет раннего слоя шу. Все рассматриваемые тексты состоят из определенных сюжетных элементов, которые составляют единый набор и складываются в единую линию повествования⁷.

Мы отобрали все повторяемые элементы сюжета, к которым люди, произносящие речи, относятся как к синхронным этим речам происшествиям или реалиям. Эти

⁶ «Неизвестному», потому что в рамках культа Неба жертвы приносил сам царь, являвшийся Сыном Неба. Культ Неба, таким образом, повторял структуру коммуникации культа предков: потомок общался с предком.

⁷ Схожий метод использовал Исаак Гентц в своем исследовании некоторых глав Шуцзина [14].

Таблица 4. Участники коммуникации в ранних шу

Версия	Участники коммуникации	Да гао 大誥	Кан гао 康誥	Цзю гао 酒誥	Цзы цай 梓材	Шао гао 召誥	Ло гао 洛誥	До ши 多士	До фан 多方	Ли чжэн 立政
Перевод	Говорящий	[Чэн]-ван	[Чэн]-ван	[Чэн]-ван	[Чэн]-ван	Шао-гун и все владыки уделов	Чжоу-гун	[Чэн]-ван	Чжоу-гун, [Чэн]-ван	Чжоу-гун
	К кому обращается	“Многие уделы и вы, управляющие делами”	“Старший из князей-хоу, мой младший брат, малый сын Фэн”	“Земля Мэй”, “все мужи”, “все старшие-бо”, “владетельные сыны”, Фэн, “государя уделов, управляющие делами, младшие сыны”	“Фэн”, “управляющие”	Чжоу-гун и [Чэн]-ван	[Чэн]-ван	“Вы, оставшиеся служилые люди Инь”, “Вы, многие служилые люди”	“Четыре удела, множество областей”, “Вы, управители и народ Иньского князя-хоу»	“Наследующий Сыну Неба царь”, “Гайши”
Оригинал	Говорящий	王	王	王	王	太保乃以庶邦塚君	周公	王	周公, 王	周公
	К кому обращается	多邦越爾御事	孟侯, 朕其弟, 小子封	妹士, 庶士, 庶伯, 君子, 封, 邦君御事小子	封, 監	王若公	王	爾殷遺多士, 爾多士	四國多方, 惟爾殷侯尹民	嗣天子王, 太史

Таблица 5. Групповые термины раннего слоя шу

Цзы цай 梓材		Ло гао 洛誥		Кан гао 康誥		Цзю гао 酒誥		Ли чжэн 立政	
Неродовые термины	Кол-во	Неродовые термины	Кол-во	Неродовые термины	Кол-во	Неродовые термины	Кол-во	Неродовые термины	Кол-во
庶民	1	民	5	四方民	1	庶士	2	常任	1
臣	2	百工	1	侯, 甸, 男邦, 采, 衛百工	1	御事	3	準人	3
師師	1	工	2	播民	1	我民	3	綴衣	2
司徒	1	百辟	1	士	1	臣	1	虎賁	2
司馬	1	凡民	1	鰥寡	1	小民	1	三有宅	2
司空	1	四方民	1	庸庸	1	百僚	1	三宅	2
尹	1	師	3	顯民	1	庶尹	1	古之人	1
旅	1	我士師工	1	邦民	1	尹人	1	準夫	1
民	4	四輔	1	民	20	古人	1	趣馬	1
御事	1	御事	1	商考成人	1	殷獻臣	1	小尹	1
監	2	殷獻民	1	小人	1	太史友	1	攜僕	1
Всего	16	Всего	18	殷民	2	內史友	1	百司	2
% от всех групповых обобщений	64	% от всех групповых обобщений	72	凡民	1	獻臣	1	庶府	1
Родовые термины		Родовые термины		訓人	1	百宗工	1	藝人	1
大家	1	我二人	1	正人	1	農夫	1	表臣	1
邦君	2	文武	4	小臣	2	殷之迪諸臣	1	太史	1
君	2	多子	1	外正	1	司民	1	庶常	1
先王	1	前人	1	Всего	38	宗工	1	吉士	2
兄弟	1	Всего	7	% от всех групповых обобщений	90,4	Всего	23	司徒	1
王子子孫孫	1	% от всех групповых обобщений	28	Родовые термины		% от всех групповых обобщений	60,5	司馬	1
古王	1	Всего групповых обобщений	25	殷先哲王	2	Родовые термины		司空	1
Всего	9	Шао гао 召誥		先哲王	1	百姓	1	亞旅	1
% от всех групповых обобщений	36	Неродовые термины	Кол-во	庶子	1	小子	4	阪尹	1
Всего групповых обобщений	25	庶殷	4	Всего	4	圻父	1	常事司	1
До ши 多士		御事	1	% от всех групповых обобщений	9,5	宏父	1	牧人	1
Неродовые термины	Кол-во	后民	1	Всего групповых обобщений	42	王家	1	司	3
多士	5	四方民	1	Да гао 大誥		邦君	1	牧夫	4
頑民	1	古先民	1	Неродовые термины	Кол-во	厥考厥長	1	民	4
商王士	1	古人	1	御事	5	父母	2	Всего	44

Таблица 5. Окончание

Цзы цай 梓材		Ло гао 洛誥		Кан гао 康誥		Цзю гао 酒誥		Ли чжэн 立政	
殷遺多士	1	小民	4	前人	1	君子	1	% от всех групповых обобщений	89,7
下民	1	民	5	西土人	1	Всего	13	Родовые термины	
殷先人	1	殷御事	1	民	8	% от всех групповых обобщений	34,2	萬姓	1
百僚	1	周御事	1	尹氏	2	Неясно		Всего	1
四國民	1	Всего	20	庶士	2	庶伯	1	% от всех групповых обобщений	2,0
臣	2	% от всех групповых обобщений	80	臣	1	侯甸男衛邦伯	1	Неясно	
賓	1	Родовые термины		舊人	1	Всего	2	常伯	1
殷多士	2	百君子	1	十人	1	% от всех групповых обобщений	5,2	民長伯	1
Всего	17	塚君	1	Всего	22	Всего групповых обобщений	38	小伯	1
% от всех групповых обобщений	85	後王	1	% от всех групповых обобщений	81,4	До фан 多方		尹伯	1
Родовые термины		先哲王	1	Родовые термины		Неродовые термины	Кол-во	Всего	4
小子	1	婦子	1	友邦君	2	殷侯尹民1	1	% от всех групповых обобщений	8,1
殷王	1	Всего	5	庶邦君	2	民	11	Всего групповых обобщений	49
先王	1	% от всех групповых обобщений	20	Всего	4	乂民	1		
Всего	3	Всего групповых обобщений	25	% от всех групповых обобщений	14,8	多士	3		
% от всех групповых обобщений	15			Неясно		四國民	1		
Всего групповых обобщений	20			三監	1	殷多士	1		
				Всего	1	Всего	18		
				% от всех групповых обобщений	3,7	%	100		
				Всего групповых обобщений	27				

Таблица 6. Групповые термины по 9 главам в совокупности

Неродовые обобщения	216	%	80,3
Родовые обобщения	46	%	17,1
Неясно	7	%	2,6
Всего групповых обобщений	269	%	100

элементы — их воспринимаемое настоящее, внутреннее настоящее время текста. Они представлены в табл. 7.

Все группы, связанные с царем не как родня, обозначены в таблице как «слуги». Элементы, которые эксплицитно и ясно увязаны в данной главе в один сюжет, соединены «жирными» рамками.

Если изложить этот набор сюжетных элементов как связный сюжет, как единую историю, то получится нижеследующее.

После смерти У-вана иньцы подняли восстание, к тому же некая «беда» случилась в «западных землях», и люди в западных землях стали «неспокойны». Чэн-ван провел гадание на панцире черепахи по поводу усмирения восстания и обратился к знати и слугам с речью о том, что он исполнит волю Неба, явленную как результат гадания. После усмирения восстания Чжоу-гун проводил гадания в окрестностях реки Ло и основал там «новый город Ло» (или новый удел Ло), чтобы правители Чжоу могли надзирать за переселенными иньцами, за «срединными землями» и «принимать гостей» из них. Туда переселили иньцев, слуг иньских владык, иньских «управляющих делами», чтобы они строили город и жили там в мире, о чем Чжоу-гун доложил вану. Чэн-ван в разное время находился в путешествиях от Янь 奄 (предположительно на Шаньдуне) до Цзунчжоу 宗周, западной столицы Чжоу, с остановками в Мэй 妹, Фэн 豐 и Ло 洛. В этом путешествии он в разных местах в разное время обращался с речами к своему младшему брату по имени Фэн 封 о том, как нужно править иньцами, переселенными в «новый город Ло», что необходимо использовать иньские законы, наказания, установления и церемонии, но знать меру в наказаниях, чтобы обеспечить согласие между иньскими слугами и чжоускими слугами, а также между слугами, знатными родами, владыками уделов и самим правителем Чжоу. В «новом городе Ло» Чэн-ван обратился с речами к иньским мужам, переселенным в Ло, выразил им свою милость и предупредил, чтобы они не таили зла на него.

Это изложение покрывает и связывает между собой сюжетные элементы 8 из 9 глав. Особняком стоит глава *Ли чжэн* 立政, в которой Чжоу-гун обращается к правителю с речью, перечисляя разные служебные должности и указывая способ взаимодействия царя с ними («мера наказаний»), но ни место, ни время не уточнены.

Ключевым местом, вокруг которого формируется сюжет, местом, где произносятся речи, является Ло-и 洛邑 («новый город Ло»), который потом станет Лояном 洛陽. Из всех тем чаще всего упоминается тема слуг (во всех 9 главах), а за ней — тема иньцев (в 7 главах). Эти

«иньцы» — именно представители иньского населения и группы «иньских мужей». Таким образом, можно сказать, что ранний слой *шу* не просто санкционирует отношения между правителем и его слугами, не являющимися ему родней, но и устанавливает нормы интеграции в чжоуское общество иноэтнических групп населения и «управляющих» из Инь, переселенных в Лоян.

Итак, ранний слой *шу* посвящен взаимодействию и коммуникации со слугами-переселенцами в Лоян вообще и с иньскими слугами-переселенцами в Лояне в частности.

Примечательно, что глава *Да гао* 大誥 излагает предысторию вопроса, а глава *Ли чжэн* 立政 стоит особняком, потому что излагает ту же проблему обобщенно, как норматив. Отдельного упоминания также заслуживает тема «западных земель», потому что в главе *Да гао* 大誥 говорится: «Есть великая беда в западных землях, люди западных земель также беспокойны» (有大艱于西土, 西土人亦不靜). Это не соответствует историческим обстоятельствам правления Чэн-вана (1024–1005 гг. до н.э.), в контекст которого ранние *шу* помещают свои речи. Все «восстания» того времени происходили не к западу от метрополии Чжоу, а к востоку, где располагалась Инь. В большей степени эта тема соответствует концу Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) и началу Восточного Чжоу (771–221 гг. до н.э.), когда западные земли Чжоу были утрачены и от всего чжоуского домена остался один Лоян. Если предположить, что *шу* составлялись из своих первоисточников именно после 771 г. до н.э., после бегства чжоусцев из своих западных земель и начала Восточного Чжоу, то становятся понятными и упоминание «бедствий и беспокойствия в западных землях», и сам принцип отбора материала в памятник — материала, фокусирующегося на Лояне. Потому что, скорее всего, только этот материал и только такие тексты первоисточников были доступны составителям *шу*, находившимся в Лояне.

Существуют ли у нас примеры текстов, которые могли использоваться составителями *шу* в качестве образцов и источников? Сравнив их с ранними *шу*, мы могли бы понять, какие изменения внесли составители *шу* по сравнению с первоисточниками, что изменилось в эпоху составления *шу* по сравнению с предыдущей, почему именно такие тексты были отобраны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании рассматривалась проблема функции ранних *шу* последовательно с точки зрения их формы и содержания.

Таблица 7. Сюжетные элементы раннего слоя шу, синхронные их речам

Да гао 大詒	Кан гао 康詒	Цзю гао 酒詒	Цзы цай 梓材	Шао гао 召詒	Ло гао 洛詒	До ши 多士	До фан 多方	Ли чжэн 立政	Всего (раз)
	Фэн	Фэн	Фэн						3
Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	9
				Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги	Слуги
Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	3
				Знать	Знать	Знать	Знать	Знать	Знать
Гадание на панцире	Иньцы	Иньцы		Иньцы	Иньцы	Иньцы	Иньцы		3
	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	2
				Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления	Иньские установления
	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	Мера наказаний	3
				Мера наказаний					
Беда в Западных землях	Западные земли	Иньские слуги	Иньские слуги и чжоуские слуги	Иньские слуги	Иньские слуги	Иньские слуги	Иньские слуги	Иньские слуги	4
				Иньские слуги					

Мы показали, что форма *шу* прозаическая и делится на элементы нескольких типов, ключевым из которых является речь-обращение, что даже ранние *шу* формально гетерогенны и состоят из разных слоев с точки зрения формы. На этом этапе нам также пришлось опровергнуть концепцию поэтической, или «ритмической», формы *шу*, связанной с «литургической концепцией», принятой сейчас среди исследователей, так как представление о тексте *шу* как стихотворном, с наличествующим формальным единством размера не соответствует реальности их разнородной формы. Форма *шу* имеет такие свойства как избыточность и повторяемость не из-за поэтичности текста, а потому что процесс их развития не был окончен. Главы *Шуцзина* — это промежуточная стадия, где средства выразительности еще не полностью соответствуют поставленным коммуникационным задачам.

Результаты нашего исследования содержания памятника также противоречат «литургической гипотезе», по которой его основное содержание — это

«идеализированная память о прошлом», когда чжоусцами завоевывался «небесный мандат». Нами же показано, что элементы концепции «небесного мандата» принадлежат в основном тем элементам формы *шу*, которые входят в речи-прецеденты, а сам текст *шу*, как показали количественные исследования, не дает оснований считать восхваление деяний *У-вана* и *Вэнь-вана* по завоеванию «небесного мандата» главным моментом его содержания. Центральной темой рассматриваемых текстов является взаимодействие царя и знати, с одной стороны, и слуг-служителей из Лояна, не относящихся к знати, с другой. Это не соответствует положению «литургической гипотезы» о том, что тексты *шу* являются записями речей, провозглашавшихся при ритуалах чжоуского культа предков. Слуги-служители, к которым в большинстве случаев обращена коммуникация ранних *шу*, не имеют никакого отношения к предкам правящего рода Чжоу. Будучи посторонними по отношению к культуре, они не могли быть центральным элементом его литургии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism. Part 1. The Shu King, the Religious Portions of the Shih King, the Hsiao King / Legge J., trans. Oxford: Clarendon Press, 1879. 565 p.
2. Майоров В.М., Стеженская Л.В. Н.Я. Бичурин и его «Древняя китайская история» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 1. С. 5–11.
3. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности: Собрание трудов. М.: Восточная литература, 2010. 478 с. С. 225–272.
4. Попова Г.С. Заметки о первом русском переводе Шан-шу // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44. № 2. С. 424–452.
5. Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с. С. 99–120, 296–326.
6. Шмакова О.В. Некоторые результаты сопоставления лексики Шу-цзина и надписей на бронзе Западной Чжоу (1027–771) при помощи количественного метода // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 29–36.
7. Попова Г.С. Некоторые результаты сравнения текстов Шуцзина с эпиграфикой Западного Чжоу // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 3. С. 40–52.
8. Попова Г.С., Ульянов М.Ю. Этапы истории шу 書 («Записей [речей государей]») и ши 詩 («Стихов»): от литургии до канона (XI–III вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 2. С. 332–367.
9. Kern M. Bronze Inscriptions, the Shijing and the Shangshu: The Evolution of the Ancestral Sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey J, Kalinowski M, editors. Early Chinese Religion. Part One: Shang through Han (1250 BC – 220 AD). Brill, 2009. P. 143–200.
10. 尚書正義. 十三經註疏. 北京, 1957. [Шан шу с комментариями. В кн.: «Тринадцатиканоние» с объяснениями и комментариями: в 40 т. Пекин, 1957.]
11. Попова Г.С. Введение в системное описание Шуцзина // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 1. С. 240–257.
12. Шмакова О.В. Структурно-жанровые группы «Шу цзина». В кн.: Сборник студенческих работ «Восточная перспектива». М., 2018. Вып. 3. С. 4–14
13. Попова Г.С. Исследование, перевод и комментарий «Предисловий к записям» (Шу-сюй) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 1. С. 565–601.
14. Gentz J.A. One Heaven, One History, One People. Repositioning the Zhou in Royal Addresses to Subdued Enemies in the “Duo shi” 多士 and “Duo fang” 多方 Chapters of the Shangshu and in the “Shang shi” 商誓 chapter of the Yi Zhoushu. In: Kern M., Meyer D., editors. Origins of Chinese Political Philosophy: Studies in the Composition and Thought of the Shangshu (Classic of Documents). Brill, 2017. P. 146–192. doi: 10.1163/9789004343504_006

REFERENCES

1. Legge J, transl. *The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism. The Shu King, the Religious Portions of the Shih King, the Hsiao King*. Oxford: Clarendon Press; 1879;1. 565 p.
2. Mayorov VM, Stezhenskaya LV. N.Ya. Bichurin and his “Drevnyaya kitayskaya istoriya” (“Ancient Chinese History”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2015;(1):5–11. (In Russ).
3. Karapetyants AM. *At the Beginnings of Chinese Literature: Collection of Works*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2010. 478 p. P:225–272. (In Russ).
4. Popova GS. Notes on the First Russian Translation of Shang-shu. *Society and State in China*. 2014;44(2):424–452. (In Russ).
5. Kryukov VM. *Text and Ritual: Interpretation of Archaic Chinese Epigraphy of the Shang-Zhou Period*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli; 2000. 464 p. P:99–120, 296–326. (In Russ).
6. Shmakova OV. Shujing and Western Zhou Epigraphy: Comparative Quantitative Research). *Society and State in China*. 2019;49(1):29–36. (In Russ).

7. Popova GS. Some Results of Comparing the Texts of Shujing to Western Zhou Epigraphic. *Society and State in China*. 2012;42(3):40–52. (In Russ).
8. Popova GS, Ulyanov MYu. Stages of Shu 書 “Records of Rulers’ Speeches” and Shi 詩 (“Songs”): from Liturgical Texts to Canon, XI–III CC. BC. *Society and State in China*. 2018;48(2):332–367. (In Russ).
9. Kern M. Bronze Inscriptions, the Shijing and the Shangshu: The Evolution of the Ancestral Sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey J, Kalinowski M, editors. *Early Chinese Religion. Part One: Shang through Han (1250 BC – 220 AD)*. Brill; 2009. P:143–200.
10. Shang shu zheng yi [Shang Shu with commentary]. In: *Shi san jing zhu shu* [“The Thirteen Classics” explained and commented]. In 40 vols. Beijing, 1957.
11. Popova GS. Introduction into Systemic Description of Shujing. *Society and State in China*. 2012;42(1):240–257. (In Russ).
12. Shmakova OV. Strukturno-zhanrovye gruppy Shujing. In: *Sbornik studencheskikh rabot «Vostochnaya perspektiva»*. Moscow; 2018;(3):4–14. (In Russ).
13. Popova GS. Research, Translation and Comments of “The Preface to Shu”. *Society and State in China*. 2015;45(1):565–601. (In Russ).
14. Gentz JA. One Heaven, One History, One People. Repositioning the Zhou in Royal Addresses to Subdued Enemies in the “Duo shi” 多士 and “Duo fang” 多方 Chapters of the Shangshu and in the “Shang shi” 商誓 chapter of the Yi Zhoushu. In: Kern M., Meyer D., editors. *Origins of Chinese Political Philosophy: Studies in the Composition and Thought of the Shangshu (Classic of Documents)*. Brill; 2017. P:146–192. doi: 10.1163/9789004343504_006

ОБ АВТОРЕ

Целуйко Максим Сергеевич;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32;
ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986;
e-mail: atharvan@mail.ru

AUTHOR INFO

Maxim S. Tseluyko;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986;
e-mail: atharvan@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

Кризис ханьского канонovedения и экзегетические тенденции в царстве Цао-Вэй

О.А. Бонч-Осмоловская

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется состояние конфуцианской экзегетической мысли конца династии Восточная Хань и периода Троецарствия (конец II — III в. н.э.). Политический кризис, сопутствовавший закату династии Хань и приведший к окончательной децентрализации власти после ее падения, ускорил те процессы, которые уже шли в сфере конфуцианской экзегетики. В первую очередь, это выразилось в утрате единства и авторитетности школьных традиций ханьской формы канонovedения. Начавшиеся в III в. н.э. дебаты на тему верного или неверного истолкования текста конфуцианских канонов, вместе с появлением новых вариантов сочетаний интерпретаций и критики предшествовавших комментаторов, связаны с выведением экзегетики на уровень достаточно открытой дискуссии. Все это способствовало переходу экзегетических изысканий на полемическую стадию, начиная с эпохи Троецарствия, когда ученые открыто опровергали друг друга, вводили в оборот новые комментаторские типы, диалогически выстраивали свои сочинения. В статье прослеживаются основные тенденции в конфуцианском канонovedении в царстве Цао-Вэй, а также рассматриваются основные комментаторские сочинения данного периода.

Ключевые слова: конфуцианство; канонovedение; конфуцианская экзегетика; конфуцианский комментарий; Троецарствие; Восточная Хань; *цзин сюэ*.

Как цитировать

Бонч-Осмоловская О.А. Кризис ханьского канонovedения и экзегетические тенденции в царстве Цао-Вэй // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

The Crisis of Han Classical Scholarship and Exegetical Trends in the Kingdom of Wei

Olga A. Bonch-Osmolovskaya

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The paper focuses on Confucian exegetical thought during the transition from the late Han to Three Kingdoms period (late 2nd and 3rd Cent. AD). The political crisis, which resulted in collapse of the Eastern Han dynasty and led to the decentralization of power, accelerated some processes that had already begun in the field of Confucian exegetics during the Eastern Han period. As the first consequence, the school traditions of the Han Classical scholarship lost both unity and authority. The debates that broke out in the 3rd Cent. AD on the topic of correct or incorrect interpretation of the texts of Confucian Classics, together with the emergence of new versions of interpretations and criticism of previous commentators, are associated with bringing exegetics to the level of a fairly open discussion. All this contributed to the shift of exegetical research to the polemic stage, starting from the late Han and Three Kingdoms period, when Confucian scholars openly refuted each other, introduced new commentary types, compiled their commentaries in the form of a dialogue. The paper traces main trends of Confucian Classical scholarship in the Cao-Wei kingdom and examines main commentary works of this period.

Keywords: Confucianism; Classical Scholarship; Confucian exegetics; Confucian commentary; Three Kingdoms period; Eastern Han; *jing xue*.

To cite this article

Bonch-Osmolovskaya OA. The Crisis of Han Classical Scholarship and Exegetical Trends in the Kingdom of Wei. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):53–64. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

Received: 18.11.2020

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

曹魏帝国汉学研究的转折及对趋势的解析

Olga A. Bonch-Osmolovskaya

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

抽象的

文章分析了东汉末期和三国时期（公元二至三世纪末）的儒家释经思想状况。汉朝衰落后导致权力最终分权的政治危机加速了儒家释经领域的进程。首先，这表现在汉学学派传统失去了统一性和权威性。从三世纪至今，关于儒家学说的正确或错误解释的辩论，以及对先前评论家的解释和批评的新变体的出现，都与将释经提升到公开讨论的层面有关。这一切都促使释经研究从三国时代开始进入争议阶段，当时学者们公开相互驳斥，他们引入了新的评论类型，并用对话的方式创作自己的著作。文章追溯了曹魏帝国的儒家经典的主要趋势，并研究了这一时期的主要评论作品。

关键词： 儒家学说； 典籍； 儒家释经； 儒家评论； 三国； 东汉， 经学。

如何引用文章

Bonch-Osmolovskaya OA. 曹魏帝国汉学研究的转折及对趋势的解析. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):53–64.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81801>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

Конфуцианские ученые и мыслители составляли основу интеллектуальной элиты в Восточной Азии вплоть до XX в. и оставили обширное письменное наследие, сформировавшееся вокруг конфуцианских канонических книг¹. Каноны и комментарии к ним стали в конфуцианстве ядром интеллектуальной дискуссии, идеологической борьбы, индивидуального самосовершенствования и общественной службы, а также зеркалом мировоззрения и мирозерцания образованного слоя населения². Процесс многовековой интерпретации канонов обусловил формирование целого ряда типов комментария, образовавших сложную экзегетическую систему. В связи с этим особую важность представляет изучение процесса развития конфуцианского комментария, на основании которого появляется возможность разработать периодизацию истории конфуцианской экзегетики, а это, в свою очередь, наглядно выявляет ее специфику.

Анализ источников позволяет установить, что время зарождения и активного развития всех основных типов конфуцианского комментария, использовавшихся в экзегетике позднее, относится ко времени правления династии Хань 漢 (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.), к эпохе Шести династий (Лючао 六朝, 220–589 гг.) и империи Суй 隋 (589–618 гг.). Указанный период в целом можно рассматривать как ключевой для формирования фундамента конфуцианской экзегетической мысли, так как именно тогда конфуцианские ученые не только добились институционализации и официального признания своей канонической деятельности, но и сформировали ее теоретические основы, проанализировав ее цели, методологию и формы.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Несмотря на важность этой проблемы для понимания основ конфуцианского мировоззрения, с 1980-х годов понимание истории конфуцианской экзегетики и методов ее исследования в китайской науке не претерпело больших изменений, в ней используются традиционная терминология и единая парадигма интерпретации вектора развития конфуцианской экзегетики, берущие начало в работах еще цинских экзегетов³.

В западном академическом сообществе исследование конфуцианской классики приобрело критическо-текстологическое направление. Лишь немногие работы затрагивают вопросы, связанные с проблемами конфуцианской экзегетики и особенностями комментаторских сочинений [3]. В трудах ряда американских исследователей внимание фокусируется на процессе сложения первых пяти канонов и общей трактовке их до и после формирования

конфуцианской идеологии» [4–6]. Помимо этого, затрагиваются отдельные аспекты формирования ханьской экзегетической мысли [7, 8], а исследования М. Фармера анализируют особенности экзегетической традиции царства Шу эпохи Троецарствия [9, 10].

В отечественном китаеведении систематическое изучение и перевод конфуцианских канонов начались с деятельности акад. В.М. Алексеева [11] (см. с. 121–138) и его учеников. Ю.К. Щуцкий обстоятельно исследовал текст *Перемен* [12], А.А. Штукин осуществил первый полный перевод *Песен* на русский язык [13].

В следующий период развития отечественной синологической науки в ней существовали самые разные подходы к интерпретации китайских канонов и самого понятия канона — от структуралистских [14], лингвистических и культурологических [15, 16], до философских [17–22]. В настоящее время разрабатываются новые комплексные источниковедческие подходы к изучению канонических текстов [23, 24].

Однако, несмотря на многолетнюю плодотворную работу по ряду направлений, в отечественной синологии до сих пор нет ни одного специального исследования, посвященного теории конфуцианской экзегезы, проблемам ее периодизации, динамике процесса ее исторического развития, а также типологии конфуцианского комментария.

Между тем исследование структуры конфуцианской экзегетической системы важно, поскольку способствует раскрытию специфики отдельных сочинений, концептов и конфуцианской мысли в целом.

ЗАДАЧА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлено одно из серии исследований в рамках решения этой большой научной проблемы. Предыдущие наши статьи касались особенностей экзегезы во времена империи Хань [25]. Здесь же мы ставим задачу показать основные изменения, произошедшие в конфуцианском каноноведении начиная со времен кризиса Восточной Хань (25–220 гг. н.э.) до империи Западная Цзинь (266–316 гг. н.э.), в основном в период Троецарствия (220–280 гг. н.э.).

Говоря о конфуцианстве этого периода, чаще всего упоминают несколько особенностей. Например, появление учения Ван Су 王肅 (195–256), оппозиционного учению ханьского комментатора Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200), частичную мистификацию конфуцианства, процессы генезиса традиционного китайского философского синкретизма с внедрением в некоторые направления конфуцианской мысли элементов философского учения *сюаньсюэ* 玄學 (учение о сокровенном) [26] (см. с. 165–179). Также

¹ Пять наиболее древних и авторитетных текстов (*У цзин* 五經 «Пятиканоние», составлен в середине II в. до н.э.): *Шуцзин* 書經 («Книга документов»), *Шицзин* 詩經 («Канон песен»), *Ицзин* 易經 («Канон перемен»), *Чуньцю* 春秋 («Весны и осени»), *Ли цзи* 禮記 («Записки о ритуале»).

² О сложности соотношения мирозерцания грамотного слоя с мирозерцанием всего народа см.: [1].

³ Их обзор см.: [2].

отмечают эволюцию культа Конфуция, развитие образовательной системы и конфуцианских социально-этических воззрений [16].

Однако для составления полной картины динамики культурно-исторических процессов необходимо обратиться к малоизученной экзегетической составляющей конфуцианства данного периода. Как отмечалось В.Н. Баргачевой, «этот аспект конфуцианской традиции еще требует дальнейшего изучения» [16] (см. с. 378).

Основная задача настоящей работы состоит в выявлении новых форм экзегетической мысли, свойственных конфуцианскому канонведению северного государства Вэй эпохи Троецарствия. Эта задача подразумевает (1) анализ новых типов конфуцианского комментария, нашедших активное применение в указанный период, (2) установление их задач и методологических отличий от экзегетических исследований ханьского периода, а также (3) рассмотрение социально-политических проблем, вызвавших значительную трансформацию конфуцианской экзегетической практики на рубеже Восточной Хань и Троецарствия, которая, в свою очередь, напрямую повлияла на раскол конфуцианского канонведения в период Южных и Северных династий.

ИСТОЧНИКИ

Источники, включающие сведения о канонведческой деятельности конфуцианцев за этот период, в первую очередь содержатся в династийной истории *Саньгоцжи* 三國志 («Записи о трех царствах») [27], однако в *Саньгоцжи* нет специального библиографического трактата. Поэтому незаменимым является соответствующий раздел *Цзин цзи чжи* 經籍志 («Трактат о канонах и книжных собраниях») в *Суй шу* 隋書 («Книга [династии] Суй»), фиксирующий перечень текстов, составленных, в том числе и в эпоху Троецарствия [28]. Кроме того, невозможно не обращаться к сведениям династийных книг *Хань шу* 漢書 («Книга [династии] Ранняя Хань») и *Хоу Хань шу* 後漢書 («Книга [династии] Поздняя Хань») [29], в частности, к библиографическому разделу *Хань шу И вэньчжи* 藝文志 («Трактат о литературе [шести классов] искусств») / «Трактат об искусствах и текстах» [30], которые также служат важными источниками для исследования динамики развития конфуцианской экзегетической мысли. Из более поздних (зато комплексно проанализировавших целый ряд теоретических аспектов) источников необходимо упомянуть *Вэнь синь дяо лун* 文心雕龍 («Резной дракон литературной мысли») теоретика китайской

литературной критики Лю Се 劉勰 (465–520) [31]. Многие комментаторские произведения эпох Хань и Троецарствия до нас не дошли, поэтому полезными являются реконструкции цинских текстологов, собравших некоторые из этих комментариев из цитат в других сочинениях. В первую очередь имеется в виду сборник Ма Гоханя 馬國翰 (1794–1857) *Юйханьшань фан цзи и шу* 玉函山房輯佚書 («Собрание утраченных книг из горной обители Юйхань») и сборник Ван Мо 王謨 (1731–1817) *Хань Вэй и шу чао* 漢魏遺書鈔 («Подборка утерянных книг [эпох] Хань и Вэй») [32, 33].

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Подавляющее большинство конфуцианских комментаторских сочинений содержат в своем названии определенный маркер, относящий данное произведение к конкретному типу⁴. После канонизации «Пятиканония» во II в. до н.э. для экзегетики Западной Хань в наибольшей степени были характерны комментарии *чжуань* 傳 (традиционный комментарий-предание), *чжанцзю* 章句 (комментарий с разбиением на параграфы и фразы), *сюнь гу* 訓詁 (филологический комментарий к однослогам и многослогам), кроме того, вспомогательные материалы оформлялись в формате записок-*цзи* 記, а комментарии частного характера (т.е. не признанные на официальном уровне / не вошедшие в образовательную программу, а также запись устных лекций) обрели форму комментария-рассуждения *шо* 說. Во второй половине периода Восточная Хань появляются объединяющий интерпретации школ *цзиньвэнь* 今文 («[каноны, записанные] современными знаками») и *гувэнь* 古文 («[каноны, записанные] древними знаками») комментарий-*чжу* 注, (суб)комментарий-*цзянь* 箋⁵ и вводится в оборот комментарий-разъяснение *цзе* 解. Все это создало достаточно сложную экзегетическую систему, одной из основ стабильного существования которой была налаженная в рамках каждой школы традиция учительского преемства⁶. Разложение этого порядка и схоластизация принятых в образовательной программе форм комментария во второй половине периода Восточная Хань дают толчок к развитию новых форм экзегетической мысли, а именно к новым формам комментария⁷. Ниже представлены все основные комментаторские сочинения периода Троецарствия по данным библиографического трактата *Суй шу Цзин цзи чжи*, биографиям из *Сань гоцжи*, сборникам *Юйханьшань фан цзи и шу* и *Хань Вэй и шу чао*. Рассмотрим, какие типы комментария вышли на первый план.

⁴ Мы избегаем использовать термин «жанр», поскольку комментарии далеко не всегда сохраняют стабильность формы в рамках одного типа («жанра»), что составляет одну из особенностей конфуцианской экзегетики. Подробнее см.: [25].

⁵ Комментарий-*чжу*, вероятно, является изобретением восточноханьского ученого Ма Жуна 馬融 (79–166) [29], однако его сочинения дошли до нас только в извлечениях. Наиболее ранние комментарии-*чжу* сохранились за авторством одного из его наиболее успешных учеников — Чжэн Сюаня. (Суб)комментарий-*цзянь* был изобретен Чжэн Сюанем в ходе работы над комментарием к *Песням* [29].

⁶ Подробнее см.: [25].

⁷ Кратко о появившихся в конце Восточной Хань промежуточных формах комментария, таких как сложности-*нань* 難 или опровержения-*бо* 駁, см.: [25].

Таблица. Количество и типы комментаторских сочинений в царстве Вэй

Лунь 論	И 議	Вэнь 問	Чжу 注 Чжуань 傳	Бо 駁 Нань 難 Ши 釋	Ши фэй 是非 Инь 音 Цзе 解 Яо 要 И шу 義疏
Чжоу и цзиньшэньлунь 周易盡神論 / сост. Чжун Хуэй 鍾會	Мин тан 明堂議 / сост. Ван Су 王肅	Шан шу Ван-ши чжуань вэн 尚書王氏傳問 / сост. Ван Цань 王粲	Чжоу и чжу 周易注, Мао ши чжу 毛詩注, Чжоу гуань ли чжу 周官禮注, Сан фу цзин чжуань чжу 喪服經傳注, И ли чжу 儀禮注, Лунь юй чжу 論語注 / сост. Ван Су 王肅	Мао ши бо 毛詩駁 / сост. Ван Цзи 王基	Чуньцю Цзо-ши чжуань инь 春秋左氏傳音 / сост. Цзи Кан 嵇康 ⁸
Чжоу и у хути лунь 周易無互體論 / сост. Чжун Хуэй 鍾會	Цзяоцуй и 郊丘議 / сост. Цзян Цзи 蔣濟	Мао ши и вэнь 毛詩義問 / сост. Лю Чжэнь 劉楨	Чжоу и чжу 周易注 / сост. Ван Би 王弼	Мао ши и бо 毛詩義駁 / сост. Ван Су 王肅	Мао ши цзянь чжуань ши фэй 毛詩箋傳是非 / сост. Лю Фань 劉璠
Чуньцю сань чжуань лунь 春秋三傳論 / сост. Хань И 韓益	Юэсюань и 樂懸議 / сост. Хэ Янь 何晏	Шан шу и вэнь 尚書義問 / сост. Ван Су 王肅	Чжоу и чжу 周易注 / сост. Дун Юй 董遇	Мао ши вэнь нань 毛詩問難 / сост. Ван Су 王肅	Чуньцю Цзо-ши чжуань инь 春秋左氏傳音 / сост. Цао Мао 曹髦
Шэнчжэн лунь 聖證論 / сост. Ван Су 王肅		Вэнь ли су 問禮俗 / сост. Дун Сюнь 董勛	И чжуань 易傳, Чуньцю Цзо-ши чжуань (чжу?) 春秋左氏傳(注?), Сяо цзин чжуань 孝經傳, Чжоу гуань чжуань 周官傳 / сост. Ван Лан 王朗	Чуньцю Цзо-ши ши бо 春秋左氏釋駁 / сост. Ван Лан 王朗	Лунь юй цзи цзе 論語集解 / сост. Хэ Янь 何晏
Дао дэ лунь 道德論 / сост. Хэ Янь 何晏		Цзо-ши Юэ-ши вэнь 左氏樂氏問 / сост. Юэ Сян 樂詳	Чжоу и чжу 周易注, Тай сюань цзин чжу 太玄經注, Фа янь чжу 法言注 / сост. Сун Чжун 宋忠:	Лунь юй ши и 論語釋疑 / сост. Ван Би 王弼	Чуньцю шо яо 春秋說要 / сост. Ми Синь 糜信
Да Чжуан лунь 達莊論, Тун И лунь 通易論, Тун Лао лунь 通老論 / сост. Жуань Цзи 阮籍				У цзин си и 五經析疑 ⁹ / сост. Ханьдань Чо 鄆綽	Мао ши и шу 毛詩義疏 / сост. Шу Юань 舒援
				Шан шу бо и 尚書駁議 / сост. Ван Су 王肅	Чжу цзин цзе 諸經解 / сост. Куй Си 隗禧
				Цзо-ши Се-ши ши 左氏謝氏釋 (сост. Се Гай 謝該)	Сяо цзин хуан и 孝經皇義 / сост. СунЦзюнь 宋均
8	3	5	15	8	8

⁸ Цзи Кану принадлежит 9 философско-полемических сочинений лунь, нань, да, однако в таблице они не приведены, поскольку не являются комментариями к конфуцианским канонам/текстам сюаньсюэ (Чжуан, Лао и тд.), а направлены на обсуждение отвлеченных вопросов, хотя сама популярность данных типов сочинений показательна.

⁹ Данный комментарий маркирован си и («расщеплять сомнения»), однако самостоятельным типом комментария он не является, это вариация комментария типа ши и («рассеивать сомнения»), поэтому отнесен к данной категории.

На основании приведенных данных, можно сделать следующие промежуточные выводы: (1) царство Вэй было местом активной и разнообразной экзегетической деятельности; (2) комментарий-чжу закрепил свои позиции, как универсального комментария, позволившего оперировать различными интерпретациями, не ограничиваясь толкованием одной школьной традиции; (3) конфуцианская экзегетика задействовала новые типы полемиического комментария — «изыскания/обсуждения»-лунь論, «вопросы»-вэнь問, «истинное и ложное»-ши фэй是非, «рассеивать сомнения»-ши и 釋疑, а также продолжила использовать поздниханьские формы диспута — «дискуссии/предложения»-и 議, «сложности»-нань難, «опровержения»-бо 駁. Рассмотрим новые типы комментария подробнее и попытаемся выявить их специфику.

НОВЫЕ ТИПЫ КОММЕНТАРИЯ

Конец II в. н.э. стал одним из самых сложных и переломных периодов в истории конфуцианской экзегетической мысли. Постепенно накопились противоречия между конкурирующими интеллектуальными течениями, линии учительского преемства все больше становились условностью¹⁰, важность традиционной передачи авторитетного знания оказалась значительно подорвана¹¹, локальные экзегетические школы постепенно обретали универсальные черты¹². В этих условиях восстановить авторитетную традицию на тех основаниях, что имели силу прежде, было невозможно. Именно тогда выдающийся ученый Чжэн Сюань провел критическое исследование основных вариантов интерпретации ряда канонов и комментариев и свел их воедино, отбирая из каждой традиции то, что казалось ему в наибольшей степени достоверным и ценным¹³. Его деятельность, с одной стороны, революционно объединила целый ряд различных комментариев, однако она же и поколебала самые их основания, поскольку догматическая экзегетика заканчивается там, где частное мнение ученого получает свободу, а ханьская экзегетика веками держалась на принципах строгой школьной закрытости и передачи знания о конкретном каноне от учителя к ученику внутри школы¹⁴.

Все это ускорило переход конфуцианских экзегетических исследований на полемическую стадию начиная с эпохи Троецарствия, когда ученые открыто друг друга опровергали, вводили в оборот новые комментаторские типы, диалогически выстраивали свои сочинения и т.д.

У этого синтеза *цзиньвэнь* и *гувэнь* была и обратная сторона, поскольку после их объединения многие линии преемства канонов, остававшиеся на своих «позициях закрытости», стали терять сторонников и угасать, чему ханьская экзегетика в немалой степени обязана своим кризисным состоянием в III в. [36].

Появление новых комментаторских типов является прямым свидетельством сдвигов в практике изучения канонических текстов. Как видно из таблицы, представленной выше, к III в. н.э. появилось немалое количество узкоспециализированных фонологических исследований (*инь* 音), вероятно, являвшихся своеобразным вариантом решения проблемы с трудностью чтения древних иероглифов¹⁵. На смену *чжанцзюй*, сообщавшим определенную школьную позицию, приходят комментарии, которые ставят вопросы и выносят на обсуждение проблемы, а не догматично утверждают школьную точку зрения. В первую очередь это комментарии *вэнь* 問 (вопросы), *лунь* 論 (изыскание/трактат), *и* 議 (дискуссия/предложение).

Вопросы-вэнь, как тип комментария, не были свойственны ханьской экзегетике периода расцвета в силу ее образовательно-академических особенностей, во всяком случае, ни библиографический трактат *Хань шу*, ни *Хоу Хань шу* не содержат записей о сочинениях такого рода. Другое дело, что сама по себе практика «вопрошания о сложностях канона» (*наньвэнь* 難問), конечно, уже существовала, будучи неотъемлемой частью процесса обучения [29]. Это наводит на мысль о родственности комментариев-вэнь и парных комментариев *нань-бо*. Была ли между ними разница, как между комментариями полемическими (фиксируют дискуссию) и ученическими (фиксируют вопросы в процессе обучения), пока еще предстоит уточнить. Однако уже сейчас можно сказать, что если и была, то не четкая, потому что, например, полемика Чжэн Сюаня и Хэ Сю в жизнеописании первого описывается так, что он «ответил Хэ Сю» [29], а в библиографических сводах эти его сочинения называются «опровержениями»-бо [28]. То есть «вопросы о сложностях» и «ответы с опровержением», скорее всего, мыслились конфуцианским экзегетам как вещи взаимосвязанные.

Если судить по дошедшим до нас источникам, то практика письменной фиксации комментариев-вэнь (иногда с парным комментарием-ответом *да* 答 [28]) появляется в конце Восточной Хань, когда, с одной стороны, «неприступная крепость»¹⁶ школьного преемства дает трещину, а с другой — становится очевидно, что уровень

¹⁰ Это происходило, в частности, из-за того, что комментаторы перестали обучаться только у одного наставника или специализироваться на одной версии канона, см.: [29].

¹¹ На это указывает рост количества комментариев-«сомнений» (*нань*) и несогласных с ними «опровержений»-бо.

¹² Если раньше у локальных школ была традиционная специализация, теперь, в условиях, когда молодые ученые ездили к разным наставникам и занимались изучением сразу многих канонов, их версий и комментариев к ним, бывшие границы и естественно стали приобретать общие черты [34] (см. с. 114–118).

¹³ Очень показателен материал, подобранный в монографии китайского исследователя Ян Тяньюя, где в виде таблиц сопоставлены все комментарии Чжэн Сюаня к трем ритуальным канонам и показаны взаимосвязи трактовок Чжэн Сюаня с параллельными интерпретациями [35].

¹⁴ Об этом подробнее см.: [25, 26].

¹⁵ При Цзинь их количество вырастет еще в несколько раз, как это видно по библиографическому трактату, см.: [28].

¹⁶ По выражению последнего великого мастера школы Гунъян эпохи Восточная Хань — Хэ Сю 何休 (128/129–182), см.: [29] (см. цзюань 35, с. 1207–1208), кратко о его комментарии и полемике с Чжэн Сюанем см.: [25].

образованности среднестатистического ученого не позволяет вникнуть в смысл канонического текста, и значительная его часть остается неясной. Первые комментарии данного типа приписываются Чжэн Сюаню, далее их количество растет по экспоненте [28].

Первые **обсуждения/изыскания-лунь** появились задолго до институционализации конфуцианской экзегетики¹⁷ и первоначально не имели к ней прямого отношения. При Западной Хань было написано сочинение Цзя И 賈誼 (200–168 гг. до н.э.) *Го Цинь лунь* 過秦論 («Изыскание относительно ошибок [династии] Цинь»). Говоря о других ханьских сочинениях этого типа, следует упомянуть, что *лунь* стали фиксировать итоги придворных диспутов, например, *Яньтелунь* 鹽鐵論 («Спор о соли и железе», диспут 81 г. до н.э. [30: 30]). «Обсуждениями» были заняты и участники канонических конференций Шицюгэ 石渠閣 (диспут 51 г. до н.э. [28]) и Байхутун 白虎通 (диспут 79 г. до н.э. [29], цзюань 79-2, с. 2582), а также просто те, кто спорил о канонах в *цзиньвэнь* и *гувэнь* версиях [29] (см. цзюань 35, с. 1208). Однако эти памятники не представляли цельное (экзегетическое) исследование одного автора. Первые упоминания о частных *лунь* применительно к конфуцианским канонам появляются примерно в середине Восточной Хань¹⁸, но только в записях о сочинениях эпохи Троецарствия конкретизируется, какому именно канону посвящено «изыскание».

Если обратиться к классификации жанров китайской литературы одного из наиболее авторитетных литературных критиков традиционного Китая Лю Се 劉勰 (465–520), то *лунь* призван «свести воедино все разнообразие мнений»¹⁹ и досконально изучить самую суть одной идеи [31] (см. цзюань 18, с. 248). Трактаты-*лунь* всесторонне рассматривали определенный феномен, выявляли, что по этому поводу было сказано «ложного» и «верного» и в итоге приходили к некоему выводу, который должен выявить суть вещей [31] (см. цзюань 18, с. 249–245).

Предложения/дискуссии-и — отчасти доклады с советами-предложениями императору, отчасти комментарии к каноническим текстам — представляют еще один вариант полемического исследования канона и/или ситуаций, где в качестве одного из важнейших источников для подтверждения своей позиции привлекается канон

(а следовательно, и его интерпретация). Лю Се отмечает, что начиная с эпохи Хань появляются сочинения типа «разрозненные дискуссии» [31] (см. цзюань 24, с. 335). Дискуссии-и по большей части имели дело с обсуждением политических и ритуальных дел, хотя уже в библиографическом трактате *Хань шу* встречается запись об *У цзин цза и* 五經雜議 («Разрозненные/разнообразные дискуссии о Пятиканонии», 18 *цзюаней*), одном из текстов, составленном во время или после конференции в Шицюгэ [30] (см. цзюань 30, с. 2941). В конце Восточной Хань их становится больше [28] и они оказываются активно задействованы в канонических дискуссиях. Цзя Куй, Хэ Сю, Чжэн Сюань, Фу Цянь 服虔 (ум. ок. 189 г.), Кун Жун 孔融 (153–208), Ван Су — все эти видные ученые писали свои собственные «предложения» о канонах и опровергали (бо) чужие [28].

Суть дискуссий-и состояла в том, чтобы оспорить мнение оппонента, а это нередко сводилось к предвзятому изложению противоположной точки зрения, часто без достаточных на то оснований. Пример фиксации такой живой дискуссии с озвучиванием «предложений»-и разных сторон, например, находим в *Вэй шу* 魏書 («Книга Вэй»), в главе «Трактат о ритуале», где обсуждаются время и порядок императорских жертвоприношений [38]. Остановимся кратко на причинах и обстоятельствах канонических споров.

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА, РАСПАД ОРТОДОКСИИ И НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Экзегетическая традиция лидировавшей при Хань школы Гунъян столкнулась с кризисом²⁰ и уступила свои позиции *Цзо чжуань*, что было одним из следствий ослабления школ течения *цзиньвэнь*. Обозначим несколько ключевых особенностей новых экзегетических трендов.

(1) Текст *Цзо чжуань* пользовался популярностью у многих крупных военачальников и политических деятелей эпохи Троецарствия. Отчасти это связано с большей доступностью текста *Цзо* — именно его стали заучивать наизусть, а не пространные и малопонятные без специальной подготовки интерпретации Гунъян.

¹⁷ Например, шесть глав из *Льюйши чуньцю* 呂氏春秋 («Весны и осени господина Люя») имеют соответствующий маркер. Кроме того, в период Сражающихся Царств *лунь*, скорее всего, представлял собой один из элементов/методов аргументативной практики, если судить по трактату Мо-цзы, и там обозначал «классифицировать», «отбирать», «разбираться» [37] (см. с. 194, 401–402, 452).

¹⁸ В *Хоу Хань шу* находим сообщение о том, что в наследии восточноханьского ученого Цао Бао 曹褒 содержалось *яньцзинцзалунь* 演經雜論 («Разрозненные обсуждения/изыскания о толковании канонических», 120 глав) [29], хотя в данном случае, учитывая, что они «разрозненные», речь, возможно, снова идет о различных канонических дискуссиях и спорах с коллегами. В жизнеописании Цзя Куя 賈逵 (30–101) также говорится, что он написал «толкований древних слов и изысканий-лунь о сложностях (*нань*) канонических и *чжуаней* свыше миллиона слов» [29] (см. цзюань 36, с. 1240), но не указывается какое-то конкретное произведение. Вполне возможно, что здесь под *лунь* понимаются записи текстов *нань*, *бо* или *вэнь*.

¹⁹ Букв. — *янь* 言 («высказываний»).

²⁰ Частично это видно по уменьшению количества комментариев к *Гунъян чжуань* (см.: табл.), а упоминания об изучении этого текста содержатся в *Сань гоцжи* [27] только в 4 фрагментах (42/1023, 41/1011, 53/1250, 23/675).

²¹ См. беседу Сунь Цюаня с генералами, где он объясняет им, какие нужно знать каноны и как это практически помогает преуспеть [27] (цзюань 54, с. 1274–1275).

(2) При Хань канонические тексты и *чжуани* также являлись одним из основных инструментов в политических баталиях, однако достижение практической цели не озвучивалось как основная мотивация, наоборот, все это маскировалось под реставрацию Дао-пути совершенномудрых правителей древности. Теперь же основной смысл чтения канонов и *чжуаней* открыто сводился к извлечению пользы²¹.

(3) Полемика между *цзиньвэнь* и *гунвэнь*, Гуньян и Цзо вышла на новый уровень после ухода Хэ Сю и Чжэн Сюаня. Их последователи продолжали изучение текстов, однако преобладание полемических и синтетических (*чжу*) комментариев указывает на то, что консенсус достигнут не был, начался синкретизм традиций, старые идеи не отвечали нуждам времени, сменились приоритеты.

Если говорить о распаде ханьской экзегетической ортодоксии и новых приоритетах, то само дискурсивное поле конфуцианской экзегетики было расширено впервые за несколько сотен лет. Помимо моды на *Цзо чжуань* и трактаты по военной стратегии, существенный сдвиг заметился в изучении «Канона перемен».

Уже Ван Су, вероятно, вслед за своим учителем Сун Чжуном²², стал уделять больше внимания интерпретации собственно философского смысла и принципа (*и ли* 義理), нежели символов и числовой символики (*сян шу* 象數) [40] (см. с. 124–128). Более того, некоторые моменты учения и трактовки Ван Су были восприняты и доведены до совершенства в системе вэйского мыслителя Ван Би 王弼 (226–249)²³, а также использовались в комментариях сунских основоположников неоконфуцианства — Чэн И 程頤 (1033–1107) и позднее Чжу Си 朱熹 (1130–1200) [40]. Всё вместе это позволяет увидеть, как закладывалась основа, на которой стало развиваться учение *сяньсюэ* 玄學 («учение о сокровенном»), как в эпоху Троецарствия на волне серьезнейшего политического и идеологического кризиса начался синтез различных традиций и учений, впоследствии оказавший большое влияние на формирование неоконфуцианского философского аппарата.

Этот кризис, в частности, вылился в пересмотр смысла экзегетической деятельности. Если у Чжэн Сюаня мнение по поводу понимания канона в основном обосновывается глубокой осведомленностью в разных версиях и списках текста, а также прекрасным знанием древнего

языка и письменности, то опровержения Ван Су зачастую строятся не на несогласии с тем, что было, например, при династии Чжоу, а на соображениях практического применения в данный новый момент. На его трактовки сильно влияла политическая конъюнктура, после падения Хань права «свободной интеллигенции» были несколько урезаны вэйскими порядками²⁴. Это проявилось, во-первых, в том, что начиная с Цао Цао 曹操 (155–220) целенаправленно возвышались люди без внушительной родословной и широкого образования²⁵, а во-вторых, в том, что расправы над интеллектуалами знатнейших фамилий и ярких дарований, наоборот, стали делом отнюдь не редким²⁶.

Помимо этого, нельзя недооценивать то, что основная критика Ван Су была направлена на понимание Чжэн Сюанем ритуалов, а это напрямую связано с претензией оказывать влияние на политическую элиту²⁷. Несогласие в интерпретации, например, *Перемен*, могло иметь незначительный резонанс, однако пересмотр ритуальной практики или отдельных ее аспектов выходил за пределы исключительно научной дискуссии. Комментарии Чжэн Сюаня тяготеют к историческому исследованию, и многие детали, которые он комментирует, было сложно применить к вэйским реалиям. Например, в комментарии к «Траурным одеждам», Чжэн пишет, что одежды *дафу* и *ши* не должны быть одинаковыми, что опровергает Ван Су, говоря, что у всех, кто ниже императора, одежды должны быть одинаковые [41] (см. с. 373). Чжэн Сюаня интересовало то, что описано в каноне, или то, как можно понять систему, которая там описана, а Ван Су искал способ объяснить и применить канон с учетом современной ему обстановки (при Вэй само по себе различие между *дафу* и *ши* уже утратило былую актуальность, что же говорить об их траурных одеждах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье рассмотрены основные изменения, произошедшие в конфуцианском каноноведении на рубеже Восточной Хань и периода Троецарствия. Эти изменения проявились на разных уровнях функционирования конфуцианской экзегетики.

Выявление и анализ типов комментария, свойственных экзегетике указанного периода (в своем подавляющем большинстве или полемического (*вэнь*, *лунь*, *бо*, *нань*,

²² Попытку реконструкции учения Сун Чжуна о *Переменах* см.: [39].

²³ Ван Би — правнук Лю Бяо по материнской линии [27].

²⁴ См., например, его трактовку строк *Лицзи* о трех случаях, когда человека не принято оплакивать, с помощью термина *син* 刑 (наказание), что кардинально отличается от трактовки Чжэн Сюаня, использовавшего понятие «неосторожности». Текст комментариев [40] (см. с. 676).

²⁵ Например, см. жизнеописание одного из видных советников Цао Цао Чэн Юя 程昱 (141–220) [27] (см. цзюань 14, с. 425), о котором ничего не известно приблизительно вплоть до его сорокалетия, или жизнеописание стратега Цзя Сюя 賈詡 (147–223), начавшего свою карьеру с самых низов [27] (см. цзюань 10, с. 326).

²⁶ Например, уничтожение всей семьи Кун Жуна 孔融 (153–208) [29] (см. цзюань 70, с. 2261), казнь Ян Сю 楊修 (175–219) [29] (см. цзюань 54, с. 1789) и Хэ Яня [27] (см. цзюань 9, с. 292–293).

²⁷ Немалую роль в возвышении учения Ван Су при дворе сыграла родственная связь кланов Ван и Сыма. Ван Су был дедом императора Сыма Яня 司馬炎 (236–290) по материнской линии.

и, ши), или синтетического (чжу) характера) позволили рассмотреть сложный период слияния интерпретаций ханьских традиций *цзиньвэнь* и *гувэнь*. Их совмещение, которое уготавливалось постепенно на протяжении второй половины Восточной Хань, одним из первых на практике реализовал канонист Чжэн Сюань. Это, однако, не вывело конфуцианскую экзегетику из кризисного состояния. Размытие границ между этими интеллектуальными течениями, утрата принципов учительской преемственности, тематическая заикленность — все эти факторы ослабили позиции школ *цзиньвэнь*.

Кризис государственности в конце Восточной Хань привел к тому, что при формальном соблюдении старой структуры (учебные заведения, аппарат эрудитов-*боши*

по пяти канонам), суть, форма и методология деятельности конфуцианских экзегетов изменилась.

Распад ханьской экзегетической ортодоксии вместе с соответствующими формами экзегетической мысли (в первую очередь *чжанцзюй*) дал возможность расширить дискурсивное поле конфуцианского канонизации, привлечь новые тексты и их идейную составляющую. На севере в Вэй комментаторы «Канона перемен» изменили вектор своих исследований с «символов и чисел» на философское осмысление «смысла и принципа» и обратились к даосским текстам (*Лао-цзы*, *Чжуан-цзы*). Так синкретическое учение *сюаньсюэ* вывело идеал интеллектуальной деятельности конфуцианцев на новый уровень, открыв канонизации новое пространство для дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деопик Д.В. Исторический текст между прошлым и настоящим. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 9–12.
2. 林慶彰。清代經學研究論集。臺北, 2002. 506 頁 [Линь Цинчжан. Сборник статей по исследованию цинского канонизации. Тайбэй, 2002. 506 с.]
3. Queen S.A. From Chronicle to Canon: The Hermeneutics of the Spring and Autumn according to Tung Chung-shu. New York: Cambridge University Press, 1996. 287 p.
4. Shaughnessy E.L. Before Confucius: studies in the creation of the Chinese classics. Albany: State University of New York Press, 1997. 262 p.
5. Nylan M. The Five Confucian Classics. New Haven: Yale University Press, 2001. 402 p.
6. Henderson J.B. Scripture, canon and commentary: a comparison of Confucian and Western exegesis. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1991. 247 p.
7. Defoort C. Can Words Produce Order — Regicide in the Confucian Tradition // Cultural Dynamics. 2000. № 12. P. 85–109.
8. Nylan M. The “Chin Wen/Ku Wen” Controversy in Han Times // T’oung Pao. 1994. Vol. 80. No 1. P. 83–145.
9. Farmer J.M. The World of the Mind in Early Medieval Sichuan: The Life and Works of Qiao Zhou : dissertation. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2001. 618 p.
10. Farmer J.M. Classical Scholarship in the Shu Region. In: Early Medieval China : A Sourcebook. New York: Columbia University Press, 2014. P. 108–124.
11. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2. М.: Восточная литература, 2003. С. 121–138.
12. Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М.: Наука, 1993. 606 с.
13. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер., коммент. А.А. Штукин. М.: Художественная литература, 1987. 351 с.
14. Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М.: Наука, 1976. 229 с.
15. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности: Собрание трудов. М.: Восточная литература, 2010. С. 225–272.
16. Баргачева В.Н. Конфуцианство и конфуцианские институты в III–VI вв. В кн.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 3: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М.: Наука, 2014. С. 376–399.
17. Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае, В кн.: Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, 1988. С. 17–55.
18. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. 432 с.
19. Лукьянов А.Е. Начало древнекитайской философии («И цзин», «Дао дэ цзин», «Лунь юй»). М.: Радис, 1994. 112 с.
20. Мартынов А.С. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. М.: Восточная литература, 2002. 318 с.
21. Семенов И.И. Мэнцы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си. М.: Наука, 2016. 901 с.
22. Рысаков А.С. Неоконфуцианская традиция XI–XII вв. в ее историко-философском аспекте. В кн.: Чжоу Дунь-и и ренессанс конфуцианской философии. М.: Сталсервис, 2009. С. 12–81.
23. Попова Г.С. Введение в системное описание Шуцзина (Канона [исторических] документов) как исторического источника // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 1. С. 240–257.
24. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чунью Цзо чжуань: К проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 43–59.
25. Бонч-Осмоловская О.А. Конфуцианский комментарий в эпоху Хань // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6. № 1. С. 17–36.
26. 吳雁南, 秦學頌, 李禹階. 中國經學史. 北京, 2010. 646 頁 [У Яньнань, Цинь Сюэци, Ли Юйцзе. История китайского канонизации. Пекин, 2010. 646 с.]
27. 三國志. 北京: 中華書局, 1964. 1510 頁 [Записи о трех царствах: в 5 т. Пекин: Чжунхуа, 1964. 1510 с.]
28. 隋書. 北京: 中華書局. 1982. 1904 頁. 卷 32. [Книга [о династии] Суй: в 6 т. Пекин: Чжунхуа, 1982. 1904 с. Цзюань 32.]
29. 後漢書. 北京: 中華書局, 1965. 3684 頁. [Книга (об истории эпохи) Поздняя Хань: в 12 т. Пекин: Чжунхуа, 1965. 3684 с.]
30. 班固、王先謙. 漢書補注. 上海: 上海古籍, 2008. 6311 頁 [Бань Гу. Книга (об истории эпохи) Ранняя Хань с дополненным комментарием: в 12 т. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2008. 6311 с.]
31. 劉勰、黃叔琳、李詳. 增訂文心雕龍校注. 北京: 中華書局, 2016. 639 頁 [Лю Се, Хуан Шулинь, Ли Сян. Дополненный и исправленный “Резной дракон литературной мысли”, сверенный и комментированный. Пекин: Чжунхуа, 2016. 639 с.]

32. 馬國翰. 玉函山房輯佚書. 上海: 上海古籍, 1990. 3773 頁 [Ma Gohany. Sobraniye utrachennyykh knig iz gornoy obiteli Yuyhany: v 4 t. Shanхай: Shanхай guцzi, 1990. 3773 c.]
33. 王謨. 漢魏遺書鈔. 上海: 上海古籍, 1996. [Ван Мо. Подборка оставшихся книг [эпох] Хань и Вэй. Shanхай: Shanхай guцzi, 1996].
34. 王葆玟. 西漢經學源流. 臺北, 2008. 460 頁 [Ван Баосюань. Происхождение и развитие западноханьского канонического канонического. Тайбэй, 2008. 460 c.]
35. 楊天宇. 鄭玄三禮注研究. 天津, 2007. 778 頁 [Ян Тяньюй. Исследование комментариев Чжэн Сюаня к трем канонам ритуалов. Тяньцзинь, 2007. 778 c.]
36. 皮錫瑞. 經學歷史. 北京: 中華書局, 2011. 267 頁 [Пи Си-жуй. История канонического канонического. Пекин: Чжунхуа, 2011. 267 c.]

37. Graham AC. Later Mohist Logic, Ethics and Science. Hong Kong: The Chinese University Press, 1978. 590 p.
38. 魏收. 魏書. 北京: 中華書局, 1974. 3065 頁 [Вэй Шоу. Книга (династии Северная) Вэй: в 8 т. Пекин: Чжунхуа, 1974. 3065 c.]
39. 瞿安全、王奎. 荊州學派及其影響研究. 武漢, 2013. 463 頁 [Цюй Аньцюань, Ван Куй. Исследование цзинчжоуской школы и ее влияния. Ухань, 2013. 463 c.]
40. 李振興. 王肅之經學. 上海, 2012. 819 頁 [Ли Чжэньсин. Каноническое каноническое Ван Су. Shanхай, 2012. 819 c.]
41. 史應勇. 鄭玄通學及鄭王之爭研究. 成都, 2007. 400 頁 [Ши Инъюн. [Исследование всепроникающего учения Чжэн (Сюаня) и его споров с Ван (Су). Чэнду, 2007. 400 c.]

REFERENCES

1. Deopik DV. Istoricheskiy tekst mezhdru proshlym i nastoyashim. In: *Otgosolok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:9–12. (In Russ).
2. Lin Qingzhang. *Qingdai jingxue yanjiu lunji* [Collection of Articles on the Qing Classic Scholarship]. Taipei; 2002. 506 p. (In Chinese)
3. Queen SA. *From Chronicle to Canon: The Hermeneutics of the Spring and Autumn according to Tung Chung-shu*. New York: Cambridge University Press; 1996. 287 p.
4. Shaughnessy EL. *Before Confucius: studies in the creation of the Chinese classics*. Albany: State University of New York Press; 1997. 262 p.
5. Nylan M. *The Five Confucian Classics*. New Haven: Yale University Press; 2001. 402 p.
6. Henderson JB. *Scripture, canon and commentary: a comparison of Confucian and Western exegesis*. Princeton, NJ.: Princeton University Press; 1991. 247 p.
7. Defoort C. Can Words Produce Order — Regicide in the Confucian Tradition. *Cultural Dynamics*. 2000;(12):85–109.
8. Nylan M. The “Chin Wen/Ku Wen” Controversy in Han Times. *T'oung Pao*. 1994;80(1):83–145.
9. Farmer JM. *The World of the Mind in Early Medieval Sichuan: The Life and Works of Qiao Zhou* [dissertation]. Madison (WI): University of Wisconsin-Madison; 2001. 618 p.
10. Farmer JM. Classical Scholarship in the Shu Region. In: *Early Medieval China: A Sourcebook*. New York: Columbia University Press; 2014. P:108–124.
11. Alekseev VM. *Trudy po kitaiskoi literature*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003;2:121–138. (In Russ).
12. Shchutsky YuK. *Kitaiskaya klassicheskaya kniga peremen*. Moscow: Nauka; 1993. 606 p. (In Russ).
13. Shtukin AA, trans., comment. *Shitszin. Kniga pesen i gimnov*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1987. 351 p. (In Russ).
14. Spirin VS. *Postroenie drevnekitaiskikh tekstov*. Moscow: Nauka; 1976. 229 p. (In Russ).
15. Karapetyants AM. *At the Beginnings of Chinese Literature: Collection of Works*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2010. 478 p. P:225–272. (In Russ).
16. Bargacheva VN. Konfutsianstvo i konfutsianskie instituty v III–VI vv. In: *History of China: from Ancient Period to the Beginning of the XXI Cent. Vol. 3: Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220–907)*. Moscow: Nauka; 2014;3:376–399. (In Russ).
17. Kobzev AI. Osobennosti filosofskoi i nauchnoi metodologii v traditsionnom kitae. In: *Etika i ritual v traditsionnom Kitae*. Moscow: Nauka; 1988. P:17–55. (In Russ).
18. Kobzev AI. *Uchenie o simbolakh i chislakh klassicheskoi filosofii*. Moscow: Nauka; 1993. 432 p. (In Russ).
19. Lukyanov AE. *Nachalo drevnekitaiskoi filosofii (Yijing, Dao de jing, Lunyu)*. Moscow: Radis; 1994. 112 p. (In Russ).
20. Martynov AS. *O soznanii (Xin). Iz filosofskogo naslediya Zhu Xi*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2002. 318 p. (In Russ).
21. Semenenko II. *Mengzi in a New Translation with Classic Commentaries by Zhao Qi and Zhu Xi*. Moscow: Nauka; 2016. 901 p. (In Russ).
22. Rysakov AS. Neokonfutsianskaya traditsiya XI–XII vv. v eyo istoriko-filosofskom aspekte. In: *Zhou Dunyi and the Renaissance of Confucian philosophy*. Moscow: Stilservis; 2009. P:13–81. (In Russ).
23. Popova GS. Introduction to the Systematical Description of the Shujing. *Society and State in China*. 2012;42(1):240–257. (In Russ).
24. Ulyanov MYu. Textual aspects of the study of Chunqiu Zuo-zhuan: to the problem of distinguishing and characterizing structural-genre Groups. *Society and State in China*. 2011;41(1):43–59. (In Russ).
25. Bonch-Osmolovskaya OA. Confucian Commentary during the Han Period. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Historical sciences*. 2020;6(1):17–36. (In Russ.)
26. Wu Yannan, Qin Xueqi, Li Yujie. *Zhongguo jingxueshi* [History of Chinese Classical studies]. Beijing, 2010. 646 p. (In Chinese)
27. *San guo zhi* [Records of the Three Kingdoms]. In 5 vols. Beijing: Zhonghua; 1964. 1510 p. (In Chinese)
28. *Sui shu* [Book of Sui]. In 6 vols. Beijing: Zhonghua; 1982. 1904 p. Juan 32. (In Chinese)
29. *Hou Han shu* [Book of the Later Han]. In 12 vols. Beijing: Zhonghua; 1965. 3684 p. (In Chinese)
30. Ban Gu. *Han shu buzhu* [Book of Han with a supplementary commentary]. In 12 vols. Shanghai: Shanghai guji; 2008. 6311 p. (In Chinese)
31. Liu Xie, Huang Shulin, Li Xiang. *Zengding Wen xin diao long jiao zhu* [Supplemented and revised “The Literary Mind and the Carving of Dragons”]. Beijing: Zhonghua; 2016. 639 p. (In Chinese)
32. Ma Guohan. *Yuhanshanfang ji yishu* [The Jade-Case Mountain Studio Collection of Lost Books]. In 4 vols. Shanghai: Shanghai guji; 1990. 3773 p. (In Chinese)

33. Wang Mo. *Han Wei yi shu chao* [Selection of the Remaining Books (eras) Han and Wei]. In 25 vols. Shanghai: Shanghai guji; 1996. (In Chinese)
34. Wang Baoxuan. *Xi Han jing xue yuan liu* [The Origin and Development of the West Han Classical Scholarship]. Taipei; 2008. 460 p. (In Chinese)
35. Yang Tianyu. *Zheng Xuan san li zhuyanjiu* [A Study of Zheng Xuan's Commentaries on the Three Classics of Rites]. Tianjin; 2007. 778 p. (In Chinese)
36. Pi Xirui. *Jingxue lishi* [History of Canon Studies]. Beijing: Zhonghua, 2011, 267 p. (In Chinese)
37. Graham AC. *Later Mohist Logic, Ethics and Science*. Hong Kong: The Chinese University Press; 1978. 590 p.
38. Wei Shou. *Wei shu* [Book of Wei]. In 8 vols. Beijing: Zhonghua; 1974. 3065 p. (In Chinese)
39. Qui Anquan, Wang Kui. *Jingzhouxuepai ji qi yingxiangyanju* [Study of the Jingzhou School and its Influence]. Wuhan; 2013. 463 p. (In Chinese)
40. Li Zhenxing. *Wang Su zhi jingxue* [Wang Su and his Canonical Studies]. Shanghai; 2012. 819 p. (In Chinese)
41. Shi Yingyun. *Zheng Xuan tongxue ji Zheng Wang zhi zhengyanju* [A Study of the Pervasive Teachings of Zheng (Xuan) and his Disputes with Wang (Su)]. Chengdu; 2007. 400 p. (In Chinese)

ОБ АВТОРЕ

Бонч-Осмоловская Ольга Андреевна, канд. ист. наук;
адрес: Россия, 191186, Санкт-Петербург Дворцовая наб., 18;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9525-377X>;
eLibrary SPIN: 813-0040;
e-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

AUTHOR INFO

Olga A. Bonch-Osmolovskaya, Cand. Sci. (Hist.);
address: 18, Dvortsovaya nab., 191186 St. Petersburg, Russia;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9525-377X>;
eLibrary SPIN: 813-0040;
e-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

Документы Хань, сохранившиеся в первой главе *Хань шу*: структура распределения и отражение политического процесса

В.В. Башкеев

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются четыре вида документов, дошедших до наших дней в тексте второй части первой главы (далее — 1Б) *Хань шу* («История Хань») [1] — основного источника по истории государства Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Глава *Хань шу* 1Б освещает период 202–195 гг. до н.э. — правление Лю Бана, первого императора из новой династии Лю, более известного как Гао-цзу. В статье исследуются структура распределения, содержание и роль в отражении исторической реальности документов, сохранившихся в тексте главы *Хань шу* 1Б и выделенных автором в процессе анализа текста источника в качестве самостоятельных структурных элементов главы, наряду с «хроникальными сообщениями», «историческими сообщениями», «историческими повествованиями» и «нарративами». Это документы высшего бюрократического оборота различной степени важности. Анализ динамики их распределения в тексте главы *Хань шу* 1Б позволил установить факт повышенной активности императора Лю Бана в сфере административного управления в предпоследний год его правления, когда был начат переход от силового подчинения политических противников к мирному администрированию создаваемой им державы.

Ключевые слова: Древний Китай; Западная Хань; политическая история; борьба за власть; *Хань шу*; структура текста; документы; эдикты; повеления; ходатайства; прошения; Лю Бан; Гао-цзу.

Как цитировать

Башкеев В.В. Документы Хань, сохранившиеся в первой главе *Хань шу*: Структура распределения и отражение политического процесса // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

Han Documents Preserved in the First Chapter of the Han Shu: Distribution Structure and Reflection of the Political Process

Viktor V. Bashkeev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article discusses four types of documents being preserved in the second part of the first chapter (1B) of the *Han shu* (The History of Han) [1], the main source for the history of the Western Han state (202 BC — 8 AD). The *Han shu* 1B chapter covers the period from 202 to 195 BC. — the reign of the first emperor of the new Liu dynasty, Liu Bang, better known as Gao-zu. The article examines the distribution structure, content and the role of documents preserved in the text of the *Han shu* 1B chapter and singled out by the author as independent structural elements of the chapter, along with “chronicle reports”, “historical reports”, “historical narratives” and “dialogs” in the reflection of the historical reality. These are documents of higher bureaucratic turnover of varying degrees of importance. The analysis of the dynamics of document distribution in the text of the *Han shu* chapter 1B allowed to establish the fact of increased activity of Emperor Liu Bang in the sphere of administration in the penultimate year of his reign at the very beginning of the transition from the forceful subjugation of political opponents to the peaceful administration of the power he was creating.

Keywords: Ancient China; Western Han; political history; struggle for political power; Han shu; edicts; decrees; petitions; applications; Liu Bang; Han Gaozu.

To cite this article

Bashkeev VV. Han Documents Preserved in the First Chapter of the Han Shu: Distribution Structure and Reflection of the Political Process. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):65–78. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

Received: 18.11.2020

Accepted: 15.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

汉代的文献《汉书》所存的第一章： 分配结构和政治进程的反映

Viktor V. Bashkeev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

抽象的

这篇文章研究了《汉书》（“History of the Han”）第一章第二部分中存留至今的四种文献——西汉国家历史的主要来源（公元前 202 年——公元8年）。《汉书》的第一章为公元前202–195年，刘邦是新的刘姓王朝的第一位皇帝，更广为人知的名字是“高祖”。本文研究了汉书文本中保存的文献的分布、内容及其在反映历史现实中的作用，作者在分析来源资料的过程中将其作为章节的独立结构要素加以强调，同时还有“文献信息”、“历史信息”、“历史叙事”和“描述”。这些都是重要的官方文件，具有不同程度的重要性。对《汉书》第一章正文中分布动态的分析，可以确定刘邦在其执政的前一年在行政管理领域的活动增加的事实，当时他所创造的权力从军事压制过渡到和平管理其所建立的国家。

关键词： 中国古代；西汉；政治历史；权力斗争；汉书；文章结构；文件；法令；命令；请愿书；请愿书；刘邦；高祖。

如何引用文章

Bashkeev VV. 汉代的文献《汉书》所存的第一章：分配结构和政治进程的反映. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):65–78.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81802>

收到: 18.11.2020

接受: 15.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает цикл публикаций, следующих основной источник по периоду Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) — *Хань шу* (漢書 «История Хань», или «Книга Хань») [1] с текстологической и структурной точек зрения с использованием комплексного подхода к историческому исследованию, разрабатываемого нами и нашими старшими коллегами, прежде всего Д.В. Деопиком и М.Ю. Ульяновым, на протяжении нескольких десятилетий [2–7]. Известно, что *Хань шу* является комплексным историческим сочинением, каждый из четырех разделов которого имеет свою, отличную от других, структуру. Ранее нами было показано, что это справедливо и для глав каждого из разделов в отдельности [8]. В частности, раздел *Дици* (帝記 Хроники [правления] императоров) включает пять структурных групп. Это «хроникальные сообщения», «исторические сообщения», «исторические повествования», «нарративы» и документы. Ранее мы дали их определения [8, 9], приведем их еще раз.

1. Хроникальные сообщения. «Форма изложения — краткая. Строго датированное, лапидарное, эмоционально нейтральное изложение фактов об историческом событии без дальнейшего развертывания в деталях» [8] (см. с. 456). Хроникальные сообщения бывают стандартными, и в этом случае «основным содержательным элементом таких сообщений является крупномасштабное действие, совершаемое субъектом по отношению к объекту. Со структурной точки зрения действия в хроникальных сообщениях всегда выражены одним иероглифом-предикатом» [9] (см. с. 88)¹. Также встречаются хроникальные сообщения, содержащие не действия, а явления, фиксирующие результаты астрономических наблюдений, природных бедствий, а также некрологи, сообщающие о смертях участников политического процесса [9] (см. с. 89).

2. Исторические сообщения. В отличие от хроникальных, «не датированные, эмоционально нейтральные сообщения с большей степенью детализации (например, атрибутами места)». Они отражают менее масштабные действия, чем хроникальные сообщения, и бывают двух видов — краткие и развернутые [9] (см. с. 90).

3. Историческое повествование. «Форма изложения — как краткая, так и развернутая. Краткая форма предполагает датировку, в этом случае налицо «имитация» хроникального типа ... краткая форма «исторического повествования», в отличие от «хроники», эмоционально окрашена. Она обязательно содержит иероглифы, отражающие эмоции (с ключом «сердце»), а также понятия,

отражающие чувственные проявления, позволяющие объяснить причины поступков, что, очевидно, является предметом рефлексии, явлением более поздним, чем запись события. Наиболее часто встречается *юй* 欲 («хотеть, желать, алкать»)» [8] (см. с. 456)².

4. Нарратив³. «Также как и «историческое повествование», эмоционально окрашен, «драматизирован» при помощи художественных средств и включает в себя мелкие детали. Смысловым ядром и главной типологической отличительной чертой «нарратива» являются речи исторических персонажей, вводимые маркером *юэ* 曰 («сказал, молвил»), представленные в монологической и диалоговой форме» [8] (см. с. 456–567). Иначе говоря, «нарратив» можно охарактеризовать как эмоционально детализированный развернутый диалог выраженной литературной природы [9] (см. с. 92).

5. Документы. Основной объект исследования в настоящей статье. Это уникальная структурная группа в тексте глав *дици*. В отличие от четырех других групп, они являются **полностью самостоятельным историческим памятником**, инкорпорированным в текст глав *дици* в целостном виде.

ВЫДЕЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ТЕКСТА ХАНЬ ШУ

Наличие самостоятельных документов в тексте *Хань шу* является важной отличительной особенностью данного памятника, в сравнении со вторым источником по раннему периоду истории Хань — *Шици* (史記 «Исторические записки»), где тексты документов практически отсутствуют, встречаясь лишь в одной главе раздела *Хань шу бэньци*, посвященной правлению императора Вэнь-ди (180–157 гг. до н.э.) [10].

Первая глава *Хань шу* состоит из двух частей и посвящена основателю государства Западная Хань Лю Бану в двух его ипостасях — до воцарения в качестве императора (часть первая) и после (часть вторая). Главное структурное отличие между ними состоит как раз в наличии документов. В первой части их нет, они появляются во второй части начиная с повеления *лин* 令 Лю Бана, как правителя, в 202 г. до н.э., что явно подчеркивает смену его статуса [8] (см. с. 451–469).

Всего в тексте всех *дици Ханьшу* сохранилось четыре вида документов: два вида указов правителя — высочайшие эдикты *чжао* 詔 и повеления *лин* 令, и два вида прошений чиновников — ходатайства *цзоу* 奏 и прошения *цин* 請. Таким образом, в тексте *дици* с помощью

¹ Например: «Пятый год [Хань-вана. Десятый месяц 203 г. — десятый месяц 202 г. до н.э.]. Зима. Десятый месяц. Хань-ван преследовал Сян Юя. 五年冬十月漢王追項羽» [1] (см. с. 49).

² Например: «Девятый месяц. Начальник [уезда] Пэй захотел овладеть Пэй и также откликнулся. 九月沛令欲以沛應之» [1] (см. с. 9).

³ Понятие «исторический нарратив» широко используется в исторической науке в различных значениях. Мы конкретизируем данное понятие, используя его как специальный термин, применяемый нами и нашими коллегами для строгих аналитических операций в рамках «критики текста» источника. См. также: [8] (см. с. 456, примеч. 6).

инкорпорирования в него самостоятельных документов отражен бюрократический механизм обратной связи между носителем высшей власти и высшей бюрократией, воплощенный в подаче ходатайств и прошений и ответных резолюциях правителя на них путем издания эдиктов и повелений. Важно, что данный механизм не изобретен в начале периода Хань, а существовал ранее и в начале второй китайской империи воспроизводился уже с учетом выработанной для нужд первого императора Цинь Шихуана бюрократической иерархии высшего документооборота. Напомним, что в правление первого императора Китая вместе с принципиально новой титулатурой были зафиксированы бюрократические атрибуты монарха, как носителя высшей императорской власти, — само его именование *чжэнь* 朕 («Мы, августейший») и отдельные виды документооборота в высшем эшелоне власти: императорский эдикт первостепенной важности *чжао* 詔, сохранивший этот статус вплоть до конца традиционного периода в 1911 г.; повеление второй степени важности *чжи* 制 [11] (см. с. 62). К периоду Хань наименование последнего (*чжи*) изменилось на *лин* 令. В свою очередь, ходатайство-доклад трону первостепенной важности *цзоу* 奏 также, как и эдикт *чжао* 詔, сохранил формальный высокий статус вплоть до конца традиционного периода в 1911 г.⁴ Таким образом, четыре вида документов существуют не отдельно друг от друга, а в виде взаимосвязанной системы, показавшей свою устойчивость до самого конца традиционного периода китайской истории.

В тексте *Хань шу* важной отличительной особенностью эдиктов, по сравнению с тремя другими частями системы документооборота высшей бюрократии, является то, что только они выделены в тексте памятника специальным маркером ввода цитаты — глаголом *юэ* 曰 («гласит»), который позволяет вычленив их из текста главы строго как самостоятельный документ, благодаря тому, что в сочетании *чжаоюэ* 詔曰 *чжао* является не глаголом, а существительным, и вся конструкция целиком переводится как «эдикт гласил»⁵. Остальные три вида документов обозначены в тексте источника только соответствующими иероглифами, не связанными с каким-либо глаголом. Это, среди прочего, оставляло теоретическую возможность при интерпретации смысла переводить *цзоу* 奏, *лин* 令 и *цин* 請 как глагол (соответственно «ходатайствовал», «повелел» и «попросили»), что и делалось западными и отечественными исследователями, в результате чего эти три вида документов оставались незамеченными, «слившимися» с текстом глав памятника, не привлекая к себе должного внимания⁶. В традиционной китайской науке наличие в *Хань шу* самостоятельных

документов было настолько признано и общеизвестно, что еще в период Южной Сун ученым Лоу Фаном 樓昉 был собран компендиум *Лян Хань чжао лин* (兩漢詔令 «Эдикты и повеления двух Хань»), где эдикты и повеления были выделены из общего текста официальных историй Западной и Восточной Хань. Поэтому в задачи данной статьи, наряду со смысловым анализом представленных в первой главе *Хань шу* документов, входят:

1) их структурное выделение как самостоятельных исторических памятников, перевод и введение в полноценный научный оборот (перевод текстов документов представлен в Приложении);

2) анализ структуры их количественного и качественного распределения в тексте второй части первой главы *Хань шу* — мы исходим из того, что сама структура изложения материала отражает динамику политической борьбы и управления страной.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ ХАНЬ ШУ

В тексте исследуемой главы зафиксированы 34 документа, из них: 18 эдиктов, 11 повелений, 1 ходатайство и 4 прошения. Наибольшее количество документов приходится на 196 г. до н.э. (всего 12 документов, или 35%). График их распределения в процентах от общего количества сообщений представлен на рис. 1.

В предыдущих работах структурные группы были отнесены нами к текстам простого (хроникальные и исторические сообщения) и комплексного (нарративы и документы⁷) типа [9] (рис. 2).

На основе нашего прежнего анализа главы с точки зрения распределения пяти вышеназванных структурных групп [8], мы пришли к выводу, что если считать структуру, формируемую «хроникой» и «историческими сообщениями», отражающей изменения исторического процесса, а инструментом «редактуры» динамики этих изменений считать структурные группы — «исторические повествования» и «нарратив», то получается, что распределение последних (красная линия на графике, рис. 2) прямо влияет на общую структуру распределения информации во второй части первой главы *Хань шу*.

Проведенный анализ показал, что распределение «нарративов» и «исторических повествований» также больше всего влияет на общую подробность источника. При этом мы исходили из того, что «хроника» и «исторические сообщения» происходят из синхронных

⁴ О том, что описанный механизм взаимодействия существовал и при Цинь, свидетельствует наличие трех запросов-цзоу циньского времени в ханьском сборнике Цзоюаньшу 奏讞書 из Чжанцзяшань — сборнике судебных запросов и ответов по сложным или неясным уголовным делам [12] (см. с. 32–35).

⁵ См.: Приложение.

⁶ Например, первое повеление *лин* в 202 г. до н.э. (см. №1 в Приложении) в тексте *Шицзи* в переводе Р.В. Вяткина [11] (см. с. 187) введено фразой «император повелел», что не подразумевает восприятие нижеследующего фрагмента как самостоятельного документа.

⁷ Документы сами по себе имеют сложную структуру, поэтому и отнесены нами к текстам комплексного типа.

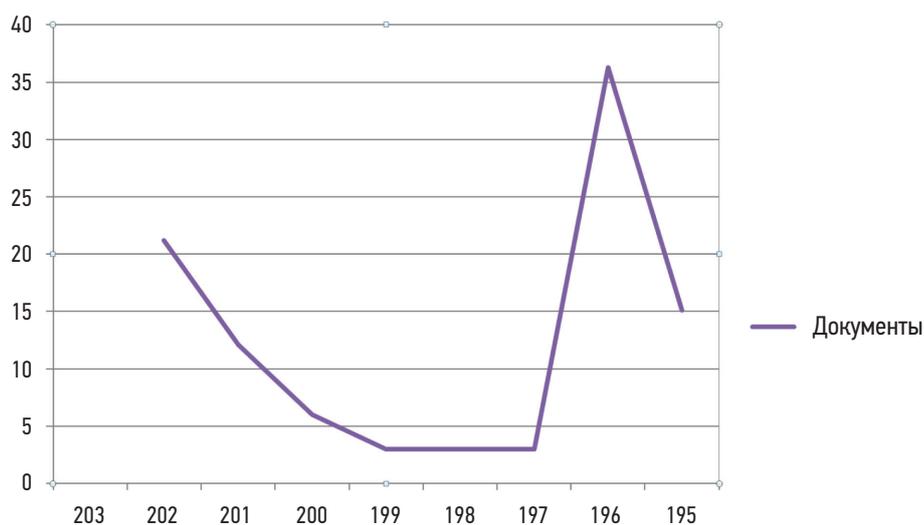

Рис. 1. Распределение документов в тексте главы (по годам в % от общего количества)

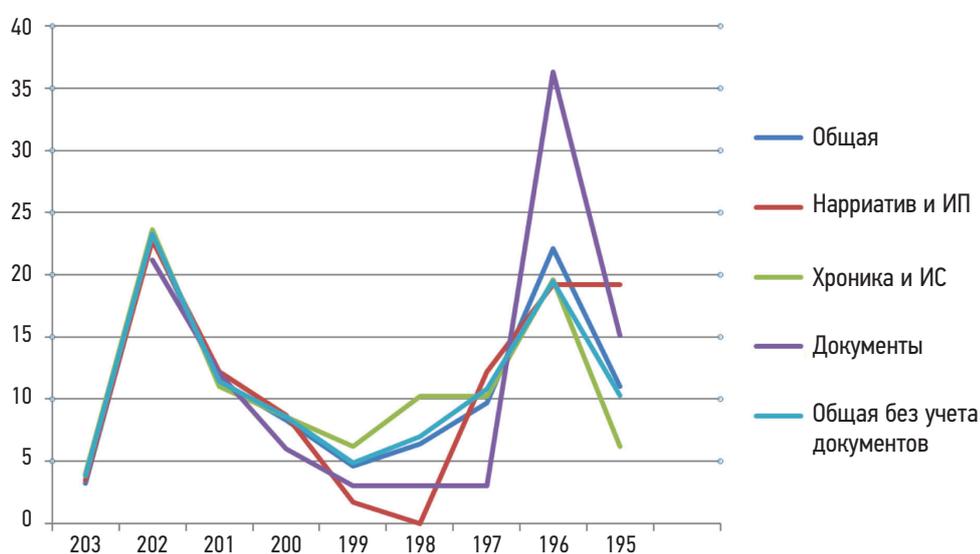

Рис. 2. Распределение всех структурных групп (по годам в % от общего распределения информации)

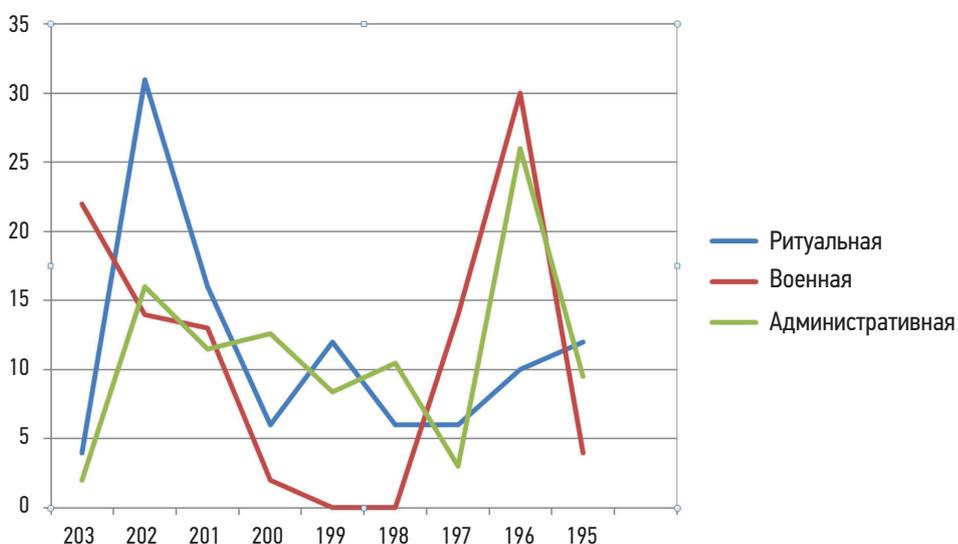

Рис. 3. Распределение действий во всех структурных группах (по годам в % от общего количества)

событиям первоисточников и отражают действительные изменения политической динамики. В то же время «исторические повествования» и «нарративы» добавлялись в *Хань шу* редакторами-составителями спустя значительное время после описанных в них событий и использовались как инструмент влияния на структуру распределения информации во второй части первой главы *Хань шу*.

Там, где «исторических повествований» и «нарративов» больше, линия на графике идет вверх, где — меньше, то мы не увидим пика, даже если линия распределения «хроники» и «исторических повествований» идет вверх. Это оказывается важным инструментом историографического «сокрытия» важности того или иного периода, смещения внимания читателя. Так, например, оказывается «скрыт» 195 г. до н.э., когда происходили важные события, отраженные в «хронике», но иных типов текста там не было, поэтому на общем массиве сведений главы этот год «малозаметен».

Важнейшим моментом с точки зрения структурной значимости документов в тексте второй части первой главы *Хань шу* является то, что документы, как структурная группа, инструментом историографического влияния не являются. Динамика распределения документов не приводит к изменению приоритетов распределения исторической информации вообще (рис. 2, линия «общая без учета документов»), из чего можно предположить, что присутствие документов в тексте главы не являлось инструментом историографической манипуляции, а в той или иной степени отражало реальность с точки зрения высшей бюрократической активности в тот или иной момент периода 202–195 гг. до н.э.

ОТРАЖЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В 202 г. до н.э. Лю Бан решением ряда *ванов* становится императором, и с этого момента начинается публикация документов, иначе говоря, начинает работать механизм документооборота, как средство управления страной в сфере высшей власти.

Как отмечалось выше, основным содержательным элементом сообщений источника простого типа являются действия. Они были выбраны нами в качестве элемента исторической информации. Все действия, содержащиеся в хроникальных сообщениях и документах в источнике, по своей тематике относятся к трем сферам деятельности — военной, административной и ритуальной. Военные действия фиксируются в хроникальных сообщениях, в документах их нет вообще. В документах присутствуют действия в гражданской и ритуальной сферах. Общее распределение действий по всем сферам во всех структурных группах в процентах от общего количества представлено на рис. 3.

Как известно, политический процесс состоит из двух частей: политическая борьба в широком смысле и управление страной [13]. И если военная сфера открыто отражает явные проявления политической борьбы, то действия в административной и ритуальной сферах, представленные в документах, на первый взгляд, относятся именно к области управления страной, имея своей конечной целью достижение такого состояния, как «управляемость». Очевидно, что политическая борьба и управление всегда влияют друг на друга. Во всех актах управления так или иначе проявляется политическая борьба, однако это влияние может быть как явным, так и косвенным. Поэтому интересно выяснить, как распределены действия

Таблица 1. Распределение действий в документах

Год	Месяц	Вид	Действие	Сфера
202		Повеление лин 令 №1	號	Церемониальная
			都	Административная
			赦	Административная
		Ходатайство 奏 №1	願	Церемониальная
			為	Административная
		Эдикт 詔 №1	王	Административная
			歸	Административная
			復	Административная
		Эдикт 詔 №2	復	Административная
			免	Церемониальная
			赦	Церемониальная
			賜	Административная
			賜	Административная
			令	Церемониальная
勿			Церемониальная	
高	Административная			

Таблица 1. Окончание

Год	Месяц	Вид	Действие	Сфера
202	<i>девятый</i>	Эдикт 詔 №3	視	Административная
		Прошение 請 №1	立	Административная
	<i>Зима. десятый</i>	Повеление 令 №2	縣	Административная
201		Эдикт 詔 №4	赦	Церемониальная
		Эдикт 詔 №5	王齊、荊地	Административная
	<i>Первый месяц, день бин у</i>	Прошение 請 №2	立…為…王	Административная
			立…為…王	Административная
<i>пятый</i>	Эдикт 詔 №6	尊	Церемониальная	
200	<i>Весна</i>	Повеление 令 №3	勿事	Административная
	<i>одинадцатый</i>	Повеление 令 №4	歸 祠	Административная Церемониальная
199		Повеление 令 №5	勿事	Административная
			毋得冠劉氏冠	Церемониальная
			毋得衣錦繡	Церемониальная
198		Эдикт 詔 №7	罪三族	Административная
	<i>восьмой</i>	Повеление 令 №6	立太上皇廟	Церемониальная
196		Эдикт 詔 №8	屬	Административная
			代	Административная
			擇	Административная
		Прошение 請 №3	立…為…王	Административная
	<i>второй</i>	Эдикт 詔 №9	令常以十月朝	Административная
			獻	Административная
遣詣			Административная	
			夷三族	Административная
196		Эдикт 詔 №10	擇 -	Административная
		Прошение 請 №4	立…為…王	Административная
		Повеление 令 №7	復終身	Административная
	<i>Лето пятый</i>	Эдикт 詔 №11	立…為…王	Административная
	<i>шестой</i>	Повеление 令 №8	復終身	Административная
	<i>седьмой</i>	Эдикт 詔 №12	擇-	Административная
		Прошение 請 №5	立…為…王	Административная
		Эдикт 詔 №13	議-	Административная
	Прошение 請 №6	立…為…王	Административная	
195	<i>двенадцатый</i>	Эдикт 詔 №14	令視其冢	Церемониальная
		Эдикт 詔 №15	爵各一級	Церемониальная
			赦之	Церемониальная
			加爵亦一級	Церемониальная
		Эдикт 詔 №16	議-	Административная
		Прошение 請 №7	立…為…王	Административная
		Эдикт 詔 №17	立…為…王	Административная
<i>третий</i>	Эдикт 詔 №18	世世復	Церемониальная	
	<i>четвертый</i>	<i>день цзя-чэнь. Император скончался во дворце Чанлэгун</i>	崩	Некролог

в церемониальной и административной сферах непосредственно в документах (табл. 1).

Всего в семи годах правления (период издания документов) в 34 документах было зафиксировано 52 действия, из них 36 (69%) — в административной сфере и 16 (31%) — в церемониальной. Как видим, большинство действий, произведенных посредством работы бюрократического аппарата, относится к административной сфере. В свою очередь, 6 из 16 (37%) церемониальных действий содержатся в одном документе (202 г. до н.э.), отражающем установочные реформы Лю Бана в этом году, 5 из 16 (31%) относятся к документам завершающего правления 195 г. до н.э., а оставшиеся распределены с 201 по 199 г. до н.э. В целом такое распределение действий соответствует общему распределению действий во всех структурных группах, что говорит о значительной роли документооборота в управлении страной.

Наиболее часто (9 из 36, или 25%) в административной сфере встречается связанная конструкция — эдикт-прошение, содержащая действия: «выбрать ... кого-то ваном» (цзэ - ли ... взй... ван 擇 - 立...為...王) или же «обсудить избрание кого-то ваном» (и - ли ... взй... ван 議 - 立...為...王), отражающая назначение ваном на какой-то территории. Можно предположить, что назначение ваном отражает политическую борьбу конца правления Лю Бана, проявляющуюся в административной сфере.

Фактически в правлении Лю Бана мы наблюдаем два пика борьбы за власть: 201–202 гг. до н.э. и 196–195 гг. до н.э. Второй явно отражен в документообороте и его содержании: большинство (7 из 9, или 77%) назначений ванов при помощи документов приходится на эти два года, т.е. это инструмент политической борьбы в мирное время, отраженный в документах⁸. Обращает на себя внимание, что в последние два года своего правления Лю

Бан активно администрировал страну: эдикты и повеления используют, чтобы назначить на должность, возникает устойчивая обратная связь с бюрократией, которая в первые годы правления еще не устоялась.

Внезапная смерть правителя на пике администрирования страны позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что Лю Бана, скорее всего, убили в результате острой придворной борьбы, одним из главных участников которой был род его жены, императрицы Люй, чему есть много косвенных свидетельств, в том числе странное описание смерти с отказом от лечения [9]. Конечно, рост числа документов в конце правления можно трактовать по-разному. В устном комментарии к нашему докладу по данной проблеме А.Э. Терехов, например, предполагал, что это было историографическим способом показать, что император скоро умрет. Однако мы, видя график распределения информации, предполагаем, что количество документов отражается адекватно; характер документов свидетельствует, что император начал выстраивать бюрократический механизм управления страной и «не собирался умирать». Документы готовились исходя из планового течения событий, но с началом острой борьбы и военных действий конца правления все пошло не так, как он мог рассчитывать. Конфликт налицо — в 196 г. до н.э. император управлял страной, мысля себя как вершину бюрократического аппарата, что не входило в планы рода Люй и прочих его противников, так как в начале правления он был компромиссной фигурой, устраивавшей различные знатные группировки, приведшие его на трон. Однако его усиление к концу правления вызвало целый ряд вооруженных мятежей как на севере, так и на юге страны. Активное администрирование в последние месяцы жизни правителя, на наш взгляд, свидетельствует о том, что его смерть была внезапна и прервала выстраивание механизма управления, проявляющегося в документообороте.

Приложение

Перевод документов из главы 1Б Хань шу⁹

№1. 令 [202 г. до н.э.] Весна. Первый месяц.

Повеление лин

Издан повеление, гласящее: «Земли Чу уже усмирены, но у императора И-ди не было наследников. [Мы] хотим позаботиться о народе Чу и определить им правителя. Ци-ван [Хань] Синь привык к нравам и обычаям Чу — поставлю [его] Чу-ваном, править [областью] к северу от [реки] Хуай[хэ] со столицей Ся-пэй.

Сянго Вэй Цзяньчэн-хоу Пэн Юэ усердно трудился для народа в Вэй. Скромно в одном ряду вместе с солдатами и офицерами, часто малыми атаковал большие [силы] и несколько раз разбивал армию Чу. Его титул вана прежних земель Вэй будет Лян-ван со столицей в Динтао».

[В повелении] также говорилось: «Войска не получали отдых восемь лет, весь народ страдал неимоверно. Сейчас дела [по усмирению] Поднебесной завершены. Пусть [объявляется] амнистия по всей Поднебесной [для всех], кто не имеет смертного приговора».

№2. 奏 Весна. Первый месяц. Ходатайство цзоу

Вслед за этим чжухоу, предоставили ходатайство, гласящее:

«Чу-ван Хань Синь, Хань-ван [Хань] Синь, Хуайнань-ван Ин Бу, Лян-ван Пэн Юэ, в прошлом Хэншань-ван У Жуй, Чжао-ван Чжао Аои Янь-ван Цзан Ту, заслуживая казни и дважды кланяясь у подножья трона Великого Вана, говорим:

«В прежние времена Цинь действовало, отринув Дао, и Поднебесная наказала его. Вы, Великий Ван, были

⁸ В тексте источника тоже могли написать «назначили ваном», но конкретно эти случаи описаны в документах.

⁹ Перевод автора по изданию [1].

первым, кто захватил правителя Цинь и усмирил Гуаньчжун — у Вас больше всех заслуг перед Поднебесной. Вы сохранили жизнь умирающим и обезопасили тех, кто находился в опасности. Вы спасли тех, кто потерпел поражение, и восстановили связь с предками, возобновив жертвоприношения, дабы успокоить весь народ. Ваши заслуги велики, добродетель Ваша высока. Вы, кроме того, благоволили *чжухоу* и *ванам*, имеющим заслуги, позволив им приносить жертвы на алтарях земли и зерна *шэцзи*.

Разделение земель уже завершено, но совпадение тронного титула с [младшими титулами] уничтожает различия между верхами и низами, и Ваши, Великий Ван, заслуги и добродетели для будущих поколений не прославляются. Заслуживая казни и дважды кланяясь, предлагаем Вам почетный титул Августейшего Императора — *Хуанди*».

Хань-ван молвил: «Я, недостойный человек, слышал, что [титулом] «император-ди» должны обладать лишь достойные. [По отношению ко мне это] наименование — пустая учтивость, не соответствующая действительности. Не мне брать его. Ныне вы, *чжухоу* и *ваны*, продвинули и возвысили меня, недостойного человека, как же я могу занять это место?!»

Все *чжухоу* и *ваны* сказали: «Вы, Великий Ван, поднялись из самых низов, Вы уничтожили мятежное Цинь, властно привели в движение всё в пределах морей. Более того, от самого захолустья до Хань-чжуна Вы властвовали добродетельно, карая несправедливость, назначая имеющих заслуги, умиротворяя и усмиряя всё в пределах морей. Заслуженные чиновники все получили земли в кормление, Вы не оставили их себе в собственность. Вашей милостью, Великий Ван, Вы покрыли [пределы] четырех морей. Нам, *чжухоу* и *ванам*, не достает [слов], чтобы высказать это. Вы совершенно соответствуете престолу Императора. Мы уповаем, что Вы, Великий Ван, благословите Поднебесную».

Хань-ван молвил: «Если *чжухоу* и *ваны* благословляют это деяние — быть полезным народу Поднебесной — тогда это становится возможным».

№3. 詔 Второй месяц. День цзя-у. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Прежний Хэншань-ван У Жуй, вместе с его двумя сыновьями и сыном его старшего брата, проследовал с сотней [отрядов] войск из Юэ, чтобы помочь *чжухоу* наказать жестокое Цинь, и это было его большой заслугой перед *чжухоу*, которые пожаловали ему титул *вана*. Сян Юй захватил и силой отобрал его территории, назвав его По-цзюнем. Для управления Чанша, Юй-чжаном, Сян-цзюнем, Гуй-лином и Нань-хаем По-цзюня [У] Жужа ставим Чанша-ваном». Также говорилось: «Бывший [Минь] Юэ-ван [Цзоу] Ван-чжу изначально подносил жертвы *сы* в Юэ. Цинь захватило и силой отобрало его территории,

в результате чего духи земли и злаков *шэцзи* не получили животной крови в жертву. Когда *чжухоу* покарала Цинь, [Цзоу] Ван-чжу лично повел войска из Миньчжун помогать уничтожить Цинь. Сян Юй отстранился от него и не стал ставить его [*ваном*]. Ныне назначаем его Миньэ-ваном, дабы править Миньчжуном, дабы не допускать упущений на службе».

№4. 詔 Лето. Пятый месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Сыновья *чжухоу*, находящиеся в Гуаньчжуне освобождаются [от повинностей и налогов] на двенадцать лет. Те, кто уже вернулся [домой], [освобождаются] на половину [этого периода].

Ранее некоторая часть народа собралась вместе и сгорела в горах и болотах, и их имена и число не были учтены. Ныне Поднебесная уже усмирена; повелеваем, чтобы каждый вернулся в свой уезд *сянь* и восстановил свой первоначальный ранг, поля и жилье.

Чиновники должны широко распространить это [установление] в виде письменного закона. [Также] запрещаются [наказания] избиением бамбуковыми палками.

Те из народа, кто из-за голода или жажды продавал себя другим людям в рабы или наложницы — все они освобождаются и считаются простолюдинами.

Младший армейский командный состав и солдаты амнистируются.

Невиновные, но лишённые ранга, и те, кто ниже ранга *дафу*, высочайше жалуются рангом *дафу*. Те, кто ранее имел ранги *дафу* и выше, высочайше жалуются следующим рангом. Всем тем, кто имеет ранг *цидафу* и выше, повелеваем сесть на землю в кормление, все те, кто не является *цидафу*, и ниже, возвращаются к себе на подворья и освобождаются от работ».

Также говорилось: «*Цидафу*, *гунчэн* и выше — высокие ранги. Среди детей *чжухоу* и тех, кто вернулся со службы в армии, — очень много высоких рангов. Мы неоднократно издавали эдикты, повелевая чиновникам *ли* прежде всего предоставить им поля и жилье, и для тех, кто ходатайствует о таком у чиновников *ли*, следует сделать это немедленно. Ритуал пожалования почетных рангов «правителям людей» *хожэньцзюнь* был проведен императором задолго до [появления] чиновников *ли*, однако он до сих пор не осуществлен, и это весьма невразумительно.

В прошлом народ Цинь, получавший ранги выше *гундафу*, ритуально приветствовался чиновниками *лин* и министрами *чэн* как равный [сложением рук, но без поклона]. Ныне Я¹⁰ сии ранги не могут недооценивать, однако же чиновники *ли* самолично и тайно берут их себе! Кроме того, по закону, имеющие заслуги и тяжело трудящиеся должны получить поля и жилье. Ныне мелкие чиновники *сяоли*, никогда не бывшие в армии, в полном достатке и (у)довольствии, а имеющие заслуги [воины] не получают заботы. Отвернувшиеся от общественного и установившие

¹⁰ Здесь, вместо стандартного в таких случаях *чжэнь* 朕 — «Мы», употреблено *у* 吾 — «Я, Мой».

[главным] личное областные правители *шоувэй* и старшие чиновники *чанли* воспитаны крайне плохо! Настоящим приказом повелеваю всем чиновникам с подобающим почтением относиться к высоким рангам, в соответствии с Нашей Волей. Если будет расследовано, что есть не подчинившиеся моему эдикту, то таковым будут предъявлены суровые обвинения».

№5. 詔 Девятый месяц. Эдикт *чжао*

Императорским эдиктом предписывалось *чжухоу* и *ванам* искать имеющего заслуги, дабы поставить его ваном Янь.

№6. 請 Прощение *цин*

Цзин-ван Чэнь Синь и другие десять человек, сказали: «Тайвэй Чанъань-хоу Лу Вань имеет больше всех заслуг. Просим поставить его Янь-ваном».

№7. 令 Зима. Десятый месяц. Повеление *лин*

Было приказано строить укрепленные стены в уездах *сянь* и городах *и*.

№8. 詔 [201 г. до н.э.] Двенадцатый месяц.

Эдикт *чжао*

В императорском эдикте говорилось: «Поднебесная уже умиротворена, состоятельные и влиятельные *хаоцзе*, имеющие заслуги, наделены титулами *хоу*. [Мы] на престоле недавно и еще не сумели наградить всех по их заслугам. Они жили в армии девять лет, некоторые из них не ведали законов и эдиктов, и потому некоторые нарушали закон. Совершившие большое [преступление], были убиты или искалечены. Мы весьма сожалеем об этом. Пусть будет объявлена амнистия по Поднебесной.

№9. 詔 День *цзя-шэнь*. Эдикт *чжао*

В императорском эдикте говорилось: «Ци — владение, основанное в древности. Ныне в нем расположены округа и уезды [империи], пусть оно вновь управляется *чжухоу*. Военачальник Лю Цзя обладает множеством больших заслуг и также отличается высокой нравственностью, великодушием, добротой и любовью, будет *ваном* в Ци и Цзин.

№10. 請 Весна. Первый месяц. День *бин-у*.

Прощение *цин*

День *бин-у*. Хань-ван Синь и другие направили на утверждение прошение передать в управление пятьдесят три уезда бывшего округа Дунян-цзюнь, округа Чжан-цзюнь и округа У-цзюнь Лю Цзя, назначив его Цзин-ваном. Передать в управление тридцать шесть уездов округов Дан-цзюнь, Се-цзюнь и Тань-цзюнь младшему брату [императора] Вэньсинь-цзюню Лю Цзяо, назначив его Чу-ваном.

№11. 詔 Лето. Пятый месяц. День *бин-у*.

Эдикт *чжао*

В императорском эдикте говорилось: «Из ближайшей родни у человека нет никого роднее отца и сына. Поэтому

отец, обладая Поднебесной, передает ее сыну, а сын, обладая Поднебесной, наследует ее от отца — такова высшая степень людской добродетели.

В прошлом в Поднебесной был большой беспорядок, восставали вооруженные отряды, и весь народ переживал невзгоды и бедствия. Мы, лично надев доспехи и с заточенным оружием в руках, сами командовали офицерами и солдатами, лицом к лицу встречая смертельную опасность и усмиряя мятежи и беспорядки. Поставив *чжухоу*, [Мы] распустили войска и дали народу спокойную жизнь, [принесли] в Поднебесную всеобщий мир. Всё это — [плоды] обучения и наставлений Тай-гуна [нашего отца]. Все *ваны* и *хоу*, военачальники, чиновники и *дафу* уже почтили Нас [титолом] Августейшего Императора *хуанди*, но Тай-гун все еще не имеет титула. Ныне Император почтительно нарекает Тай-гуна Великим императором *тайшанхуан*.

№12. 令 [200 г. до н.э.] Весна. Повеление *лин*

[Издали] повеление, [если] *чжунлан* совершает преступление, по которому положено наказание большее, чем отрезание бакенбард, [чиновники] должны спросить [согласие престола на приговор]. [Также говорилось, что] те, из народа, у кого родились сыновья, должны быть освобождены от общественных работ на два года.

№13. 令 Одиннадцатый месяц. Повеление *лин*

[Издали] повеление, [по которому] тела офицеров и солдат, умерших в действующей армии, должны быть помещены в легкие гробы *вэй* и возвращены в родные уезды. Их уезды должны снабдить их посмертным одеянием и саванами, гробами *гуань* и похоронными принадлежностями. Устроить жертвоприношение *цы*, пожертвовав барана и свинью. Старшие чиновники *чжанли* должны надзирать за их погребением.

№14. 令 [199 г. до н.э.] Весна. Третий месяц.

Повеление *лин*

[Издали] повеление, [по которому] офицеры и солдаты, дошедшие в действующей армии до Пинчэна, а также охранявшие города вокруг него, должны быть освобождены от общественных работ пожизненно. Тем, чей ранг ниже *гуншэн*, запрещено надевать родовой головной убор Лю [из бамбукового лыка]. Торговцам запрещено носить парчу *цзиньсю*, узорные тонкие шелка *циху*, льняные или холщовые ткани *чичжу* и изделия из тканной шерсти *лай*; носить оружие и ездить на лошадях — как на колесницах, так и верхом».

№15. 詔 [198 г. до н.э.] Двенадцатый месяц.

Эдикт *чжао*

В императорском эдикте [говорилось]: «Посмевающие последовать за ваном [Чжао] будут казнены [вместе] с тремя родами [родственников — отца, матери и жены].

№16. 令 [197 г. до н.э.] Восьмой месяц.**Повеление лин**

[Издали] повеление, [по которому обязали] всех *чжу-хоу* основать храмы Великого Императора *Тайшанхуан мяо* в столицах своих владений.

№17. 詔 [196 г. до н.э.] Весна. Первый месяц.**Эдикт чжао**

В императорском эдикте говорилось: «Земли Дай находятся к северу от Чаншань и граничат с инородцами *и-ди*. Чжао же находится к югу от гор, [так что Дай] далеко и неоднократно сталкивалось с грабежами племен Ху, создать [целостное] владение трудно. [Необходимо] взять часть земель Тайюань к югу от гор и присоединить к Дай. Все, что находится к западу от [земель] Юньчжун в Дай, станет округом Юньчжун-цзюнь 雲中郡. Таким образом, Дай будет меньше страдать от грабежа [своих] границ. *Ваны*, *сянго*, *тунхоу* и чиновники, [с жалованием] в две тысячи *даней*, должны выбрать того, кто может стать Дай-ваном».

№18. 請 Прощение цин

Янь-ван [Лю] Вань, *сянго* [Сяо] Хэ и другие, [все]го тридцать три человека ответили: «Ваш сын [Лю] Хэн способен, мудр и мягок в обращении с людьми. Просим поставить его Дай-ваном со столицей в Цзинь-ян». Была объявлена общая амнистия в Поднебесной.

№19. 詔 Второй месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «[Мы] очень хотим уменьшить подушную подать *фу*. Ныне подношения [двору] *сянь* бессистемны, и чиновники *ли* иногда могут брать слишком большую подать *фу*, дабы произвести подношение *сянь*. Поскольку *чжухоу* и *ванов* очень много, то [простой] народ страдает от этого. Повелеваем *чжухоу*, *ванам* и *тунхоу* впредь регулярно совершать подношения трону в десятом [лунном] месяце. Каждый округ будет [совершать подношение] в соответствии с численностью своего населения. [Каждый] человек раз в году будет платить [налог] в шестьдесят три монеты, чтобы обеспечить затраты на подношения [двору]».

В эдикте также говорилось: «Истинно, [Мы] слышали, что [среди праведных] правителей-ванов никто не стоял выше, чем *чжоуский* Вэнь-ван, [а среди правителей-] гегемонов никто не стоял выше, чем *циский* Хуань-гун, но и они принимали к себе способных и мудрых людей *сянь*, дабы прославиться. Неужели ныне в Поднебесной разум и способности их остались лишь среди людей древности?»

Беда состоит в том, что [их] повелитель не пересекается [с ними]. Как же ученый муж может войти [в дворцовые покои]? Ныне Мы, Благословением Небес, и [силами] способных мудрых мужей и высших сановников усмирив и обретя Поднебесную, сделав ее одной семьей, хотим, чтобы было это долговечно, чтобы из поколения в поколение непрестанно подносились жертвы в Храме Предков.

Способные и мудрые люди уже разделили со мной мир, но еще не разделили с Нами выгод спокойствия, как же такое может быть? Тех способных, мудрых мужей и высших сановников, кто готов сопровождать меня в поездках, Мы сможем облечь почетом и известностью. Да будет об этом объявлено по всей Поднебесной дабы все уяснили Нашу волю.

Главный цензор *юйшидафу* [Чжоу] Чан [Чжао Яо] передаст это первому министру *сянго*, *сянго* Цзань-хоу [Сяо Хэ] передаст *чжухоу* и *ванам*; помощник цензора *юйшичжунчжифа* передаст это начальникам округов. Тех из них, кто обладает безупречной репутацией и высшей добродетелью, [чиновникам] необходимо лично убедить прибыть, послав за ними колесницу для доставки в ведомство первого министра (*сянгофу*) для регистрации рода занятий, идеологической принадлежности и возраста. Если станет известно, что об имеющихся [мужах] не было доложено, то [таковые чиновники] будут уволены. За теми, кто стар, слаб или болен, посылать не надо».

№20. 詔 Третий месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Выбрать [тех], кто может стать Лян-ваном и Хуайян-ваном».

№21. 請 Прощение цин

Янь-ван [Лю] Вань, *сянго* [Сяо] Хэ и другие попросили поставить сына [императора] [Лю] Куя Лян-ваном, а [другого] сына [Лю] Ю поставить Хуайян-ваном.

№22. 令 Лето. Четвертый месяц. Повеление лин

[Издали] повеление, [по которому] люди из Фэнь, переселенные в Гуаньчжун, были освобождены от [общественных работ] пожизненно.

№23. 詔 Пятый месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Традиции людей [Нань] Юэ таковы, что они любят биться друг с другом. В прежние времена Цинь переселила людей из центра в три округа на юге, чтобы они жили смешанно с народом Юэ [не давая им биться друг с другом]. Так случилось, что Поднебесная покарала Цинь. Начальник Нань-хай [Чжао] То поселился на юге и управлял там как главный. Он был всесторонне развит, поэтому количество людей в центре больше не сокращалось, а традиция людей Юэ нападать друг на друга полностью прервалась. Все полагаются на его силы. Ныне ставим [Чжао] То Наньюэ-ваном и поручаем Лю Цзя передать ему печать и шнур с кистью *сишоу*».

№24. 令 Шестой месяц. Повеление лин

[Издали] повеление, [по которому] офицеры и солдаты бывшие в действующей армии в Шу, Хань и Гуаньчжун были освобождены [от налогов и военной службы] пожизненно.

№25. 詔 Эдикт чжао

В императорском эдикте [предписывалось] *ванам* и *сянго* выбрать [тех], кто может стать Хуайнань-ваном.

№26. 請 Прощение цин

Придворные попросили поставить сына [императора] [Лю] Чжана *ваном*.

№27. 詔 Зима. Десятый месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «В древности У было удельным княжеством. Не так давно Цзин-ван [Лю Цзя] обладал и этими землями, но ныне умер, не оставив потомков. Мы хотим снова поставить У-вана. Необходимо обсудить, кто на это способен».

№28. 請 Прощение цин

Чанша-ван [У] Чэнь и другие сказали: «Пэй-цзюнь [Лю] Пи серьезен и достоин, просим поставить его У-ваном».

№29. 詔 [195 г. до н.э.] Двенадцатый месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Циньский император, Чуинь-ван [Чэнь Шэн], Вэй-ван Ань Си, Ци-ван Минь и Чжао-ван Дао-сян — все прервали свой род, не оставив наследников. Поэтому предоставляем для Первого Августейшего Императора Цинь Циньши хуан-ди двадцать семей поселенцев — охранников погребений *шоучжун*; для каждого из [ванов] Чу, Вэй и Ци — по десять семей, для Чжао-вана и принца Вэй У-цзи — пять семей. Приказываем [им] следить за курганами *чжун*, отбросив все прочие дела».

№30. 詔 Весна. Второй месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Янь-ван [Лу] Вань — Наш старый товарищ, Мы любили его как сына. Услышав о его сговоре с Чэнь Си, Мы полагали, что этого не может быть. Поэтому направили человека призвать [Лу] Ваня. [Но Лу] Вань, сказавшись больным, не явился, и его мятежные замыслы стали очевидны. Чиновники из Янь, имеющие жалование более шести сотен даней и не причастные к данному преступлению, будут пожалованы следующим рангом. Те, которые изначально были с [Лу] Ванем, [но] оставили его и вернулись [к Хань], амнистируются и также получают следующий ранг».

№31. 詔 Эдикт чжао

В императорском эдикте [предписывалось] *чжухоу* и *ванам* обсудить, кто может стать Янь-ваном.

№32. 請 Прощение цин

Чанша-ван У Чэнь и другие попросили назначить сына [императора Лю] Цзяня Янь-ваном.

№33. 詔 Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Нань-хоу Цзи также является потомком Юэ, жалуюем ему титул Наньхай-вана».

№34. 詔 Третий месяц. Эдикт чжао

В императорском эдикте говорилось: «Мы стали Сыном Неба, и ныне вот уже двадцать лет как император обладаем Поднебесной. Вместе с выдающимися воинами и талантливыми мужами Мы умили Поднебесную, воссоединив и умиротворив ее. Самым заслуженным пожалованы титулы *ванов*, затем титулы *лехоу* и, наконец, наименее отличившимся — города *и* в кормление. Кроме того, некоторые из родственников важных чиновников *чэнь* получили титул *лехоу*, всем им было разрешено самим назначать чиновников *ли*, назначать и собирать подати *фу*, а их дочери стали [называться] княжнами *гунчжу*.

Все *лехоу*, имеющие города *и* в кормление, носят пясные печати, им пожалованы большие жилые палаты. Чиновников с доходом в две тысячи *даней* переместили в Чанъань, где они получили малые жилые палаты. Те, кто вместе с Хань, подчинили три [части] Цинь, освобождаются от [податей] пожизненно. Мы можем сказать, что не остались в долгу перед способными мудрыми мужьями и заслуженными чиновниками Поднебесной.

Тех же, кто вопреки собственному долгу, предавая Поднебесную, самовольно поднимает войска, необходимо карать всеобщим походом [против них сил] Поднебесной. Да будет об этом объявлено по всей Поднебесной, дабы все уяснили Нашу волю.

Благодарности. Автор благодарит своего научного руководителя, заведующего кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. ист. наук М.Ю. Ульянова за неизменную поддержку, плодотворное научное общение и помощь в работе.

Acknowledgments. The author thanks his supervisor, head of the Department of Chinese Philology at the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, PhD. (Hist.) M.Yu. Ulyanov for constant support, fruitful scientific communication and assistance in work.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 班固. 漢書. 北京: 中華書局, 1962. [Бань Гу. Ханьшу (История Хань). Пекин: Чжунхуа, 1962.]
2. Деопик Д.В. Количественные и машинные методы обработки исторической информации // XIII международного конгресса исторических наук: доклады. М., 1970. С. 181–199.
3. Деопик Д.В. Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // Общество и государство в Китае. 1973. Т. 4. № 2.
4. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 43–59.
5. Ульянов М.Ю. Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // *Orientalia et Classica*. 2013. Вып. 50. С. 317–336.
6. Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» Чуньцю Цзочжуань (комментарий Цзо к Чуньцю): соотношение

«исторического» и «каноноведческого». В кн.: Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб, 2014. С. 248–270.

7. Ульянов М.Ю. Структура и содержание повествований в Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Материалы VI международной конференции «Проблемы литературы Дальнего Востока». СПб., 2014. Т. 2. С. 110–126.

8. Башкеев В.В. «Исторические повествования» и «нарративы» в описании борьбы Лю Бана за власть по данным Гао-ди цзи шан (Хроника Гао-ди, часть первая) из Хань шу // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 2. С. 451–469.

9. Башкеев В.В. О структуре изложения в разделе дици Хань шу. На материале главы Гао-ди цзи ся // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 87–107.

10. Башкеев В.В. Первые результаты текстологического анализа Гао-ди цзи шан из Хань шу в сопоставлении с соответствующими главами из Ши цзи // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 2. С. 432–449.

11. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. А.П. Вяткин, В.С. Таскин. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 567 с.

12. Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы древнего Китая / пер., коммент. М.В. Корольков. М.: Восточная литература, 2013. 215 с.

13. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.

REFERENCES

1. Ban Gu. Han shu [History of Han]. Beijing, 1962. (In Chinese)
2. Deopik DV. Kolichestvennye i mashinnye metody obrabotki istoricheskoi informatsii Proceedings of XIII Int. Congress of Historical Sciences. Moscow; 1970. P:181–199. (In Russ).
3. Deopik DV. Experience of Systematization of Specific Historical Material Contained in “Chunqiu”. *Society and State in China*. 1973;4(2). (In Russ).
4. Ulyanov MYu. Textual Aspects of the Study of Chunqiu Zuo zhuan: To Problem of Distinguishing and Characterizing Structural-Genre Groups. *Society and State in China*. 2011;41(1):43–59. (In Russ).
5. Ulyanov MYu. On Stages of Historical Description in Ancient China: The Periods of Chunqiu and Zhanguo (VIII–III CC. BC). *Orientalia et Classica*. 2013;(50):317–336. (In Russ).
6. Ulyanov MYu. Structure of the “Commenting Complex” of Chunqiu Zuo zhuan (Commentary of Zuo to Chunqiu): Balance of “Historical” and “Canonical”. In: *Rosenberg collection: Oriental Studies and Materials*. Saint Petersburg; 2014. P:248–270. (In Russ).
7. Ulyanov MYu. Structure and Content of Narrations in Chunqiu Zuo zhuan Commentary of Zuo to ‘Springs and Autumn’: To the Characteristic of Historical Prose in Ancient Chinese Literature). Proceedings of VI Int. Conference «Problems of Far Eastern Literature». Saint Petersburg; 2014;2:110–126. (In Russ).

8. Bashkeev VV. Place and Role Of Historical Narrative Texts of the 1st Part of Hanshu in Depicting Western Han Empire Founder Liu Bang Struggle For Power. *Society and State in China*. 2018;48(2):451–469. (In Russ).
9. Bashkeev VV. About Structure of Presentation in Section Diji of Han Shu. On the basis of chapter Gao-di-ji Sia Data. *Society and State in China*. 2019;49(1):87–107. (In Russ).
10. Bashkeev VV. The first results of textological analysis of Gao-di-ji Shan from Han-shu in Comparison with Corresponding Chapters from Shi-ji. *Society and State in China*. 2018;48(2):432–449. (In Russ).
11. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski (Shi ji)*. Vyatkin AR, Taskin VS, trans., comment. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003;2. 567 p. (In Russ).
12. Korolkov MV, trans., comment. *Zouyanshu Collection of Court Requests: Paleographic Documents of Ancient China*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2013. 215 p. (In Russ).
13. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgosok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).

ОБ АВТОРЕ

Башкеев Виктор Викторович;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32;
ORCID: 0000-0002-2785-1281; eLibrary SPIN: 8749-6692;
e-mail: martartofaw@gmail.com

AUTHOR INFO

Victor V. Bashkeev;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-2785-1281; eLibrary SPIN: 8749-6692;
e-mail: martartofaw@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

Передача власти в удельных княжествах и динамика политического процесса Западной Хань

В.В. Глазунова

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема зависимости между стабильностью государственной системы и положения удельных княжеств в империи Западная Хань. Исследование основывается на таких источниках, как «Исторические записки» Сыма Цяня и «История Хань» Бань Гу. Автор статьи приходит к выводу, что стабильность удельной системы определялась легитимностью или нелегитимностью передачи власти в отдельных княжествах. Проведен анализ причин нарушения легитимности, в том числе доли насильственных смертей удельных правителей от всех правонарушений. Исследование на основе количественных характеристик показывает, что устойчивость государственной власти в империи Западная Хань требовала стабильной политической ситуации на уровне княжеств.

Ключевые слова: Китай; Западная Хань; уделы; удельные княжества; Хань шу (История Хань); Бань Гу; Ши цзи (Исторические записки); Сыма Цянь.

Как цитировать

Глазунова В.В. Передача власти в удельных княжествах и динамика политического процесса Западной Хань // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

The Transfer of Power in Kingdoms and the Dynamics of the Political Processes in Western Han

Victoria V. Glazunova

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper investigates the interaction between the state system stability and the kingdoms system stability in the Western Han Empire, according to “The Records of the Grand Historian” written by Sima Qian and “The Book of Han” by Ban Gu. The stability of kingdoms system determines by the rate of legitimacy of the transfer of power in the kingdoms. The research also sheds a light on the reasons of the violation of the order of succession, including the rate of violent deaths of princes in the kingdoms. The paper quantitatively proves that the stability of the state system in Western Han requires the permanent instability at the level of kingdoms.

Keywords: China; Western Han; principalities; kingdoms; Han Shu (The Book of Han); Ban Gu; Shiji (The Records of the Grand Historian); Sima Qian.

To cite this article

Glazunova VV. The Transfer of Power in Kingdoms and the Dynamics of the Political Processes in Western Han. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):79–91. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

Received: 18.11.2020

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

单独的藩属国的权利转交以及西汉政治进程的动态

Victoria V. Glazunova

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

抽象的

本文研究了西汉帝国国家制度的稳定性以及藩属国在西汉帝国的地位。该研究借鉴了司马迁的“Records of the Grand Historian”和班固的“History of the Han”等资料来源。文章作者得出结论，具体制度的稳定性取决于诸侯国权力移交的合法性或非法性。对违反合法性的原因进行了分析，包括诸侯国统治者因其罪行而被暴力致死的比例。定量研究表明，西汉国家政权的稳定需要诸侯国政治局势的稳定。

关键词： 中国；西汉； 诸侯国； 列国； 汉书； 班固； 史记； 司马迁。

To cite this article

Glazunova VV. 单独的藩属国的权利转交以及西汉政治进程的动态. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):79–91.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81803>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке накоплен большой опыт анализа политической истории государств и государственных образований древней и средневековой Восточной Азии. Это касается и изучаемого нами периода — Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.), исследованием которого занимаются российские синологи В.В. Башкеев и М.Ю. Ульянов. В своих работах они сосредоточили внимание на событиях, происходивших в столице государства. Поэтому периодизация политического процесса, возникающая как результат этих исследований, выстраивается ими на основе анализа динамики правлений монархов — носителей верховной власти, длительности их правлений и особенностей передачи власти [1–3].

Необходимость исследования политического процесса за пределами столицы, в приложении к управлению различными территориями древних царств, а потом и империй, следует из потребности расширения и углубления научного понимания того, как действовали институты монархической государственности в Восточной Азии. Анализ политического процесса в удельных княжествах, принадлежавших представителям того же правящего рода, из которого выходили носители верховной власти, видится логичным следующим шагом, продолжающим линию изучения динамики политических процессов, в которые вовлечен монарх. Соответственно, если в монархических государствах политическая борьба выступала как форма соперничества за старшинство в роду правителя, а правители уделов и монарх империи Западная Хань принадлежали к одному роду, то можно предположить наличие связи между политическими процессами в уделах и столице, где располагался дворец монарха. Данная работа ставит задачу выявления такой связи.

В.В. Башкеев в своих исследованиях по Западной Хань сосредотачивает внимание в основном на политической истории и политической борьбе при дворе [4]. В течение ряда лет им разрабатывается периодизация истории этого периода. Первоначально эпоха империи Западная Хань делилась на пять макропериодов (202–180 гг. до н.э.; 180–141 гг. до н.э.; 141–87 гг. до н.э.; 86–33 гг. до н.э., 33 г. до н.э. — 8 г. н.э.), для каждого из которых выделялась своя определенная модель управления [5]. В дальнейшем совместно с М.Ю. Ульяновым им была предложена уточненная периодизация Западной Хань. Исследователи выделили параметры и характеристики каждого периода, определили различные модели правлений, в том числе взяв за основу взаимоотношения императора с чиновниками и отношения между первыми советниками и императорскими секретарями [2]. Однако в этих работах не ставилась задача осветить особенности взаимоотношений императоров с их родственниками — правителями удельных княжеств, а также зависимость особенностей передачи власти в удельных княжествах от моделей правления императоров в каждый из выделенных макропериодов.

Работы М.В. Королькова посвящены изучению удельной системы в Западной Хань при императоре Цзин-ди (156–141 гг. до н.э.) [6], а также механизмам функционирования внутрдинастических отношений в удельной системе начального периода эпохи Западная Хань [7]. Однако его исследования ограничены лишь двумя первыми макропериодами, в них не рассматриваются изменения положения удельных княжеств на протяжении всего существования империи и соотношение передачи власти в уделах и в центре как единой государственной системы.

В китайской науке также существуют исследования по данной проблематике. Так, Бу Минху 布明虎 провел исследование об удельных княжествах Западной Хань, расположенных на Шаньдунском полуострове и их местной политике [8]. Однако это исследование ограничено только одним регионом — Шаньдуном и не может быть показательным для всех уделов. Другой исследователь Хоу Сюйдун 侯旭东 основывает свою работу на ежегодных отчетах, посылаемых местными чиновниками центральному правительству во время Западной и Восточной Хань [9], в то время как Гу Минь 顾敏 рассматривает внутреннюю борьбу в удельных царствах между правителем и чиновниками, назначенными императорским двором [10]. Таким образом, эти работы проливают свет на некоторые аспекты отношений между уделами и центром в выбранный период, но не показывают всей картины соотношения динамики политических процессов в уделах и центре.

Все вышеупомянутые исследования опираются в основном на данные о политических процессах, полученные из двух исторических источников — «Исторических записок» 史记 Сыма Цяня (司马迁, 135–86 гг. до н.э.) и «Истории Хань» 汉书 Бань Гу (班固, 32–92 гг. н.э.). «Исторические записки» разделены на пять жанров: «основные записи» (бэньцзи 本纪), «таблицы» (бяо 表), «трактаты» (шу 书), «наследственные дома» (шицзя 世家) и «жизнеописания» (лечжуань 列传), тогда как в «Истории Хань» присутствуют четыре жанра, исключая «наследственные дома».

«Исторические записки» полностью переведены на русский язык, в 2010 г. был опубликован заключительный 9-й том [11]. Однако «История Хань» полностью (за исключением отдельных глав) на русский язык пока что не переведена. Поэтому в данном исследовании источник используется в оригинале, на классическом китайском языке *вэньянь*.

Для исследования использовались следующие разделы «Исторических записок» [12]: «Основные записи», посвященные ханьским правителям (гл. 8–12), «Таблицы» (гл. 17), «Наследственные дома» (гл. 58–60), «Жизнеописания» (гл. 106, 118). Также использовались следующие разделы «Истории Хань» [13]: «Основные записи» (гл. 1–12), «Таблицы» (раздел бяо 表, гл. 2, 3), «Жизнеописания» (раздел чжуань 傳, гл. 8, 14, 17, 23, 33, 53).

Нами была поставлена задача сравнить динамику политических процессов в уделах и в центре империи. Для этого необходимо представить материал источника

по уделам таким образом, чтобы его можно было сравнить с уже имеющимися научными результатами исследования борьбы за высшую власть в столице. Поскольку они организованы в основном в форме периодизаций, то и для данного исследования был выбран метод составления периодизации политической истории уделов.

Периодизация — метод, позволяющий выделить, систематизировать и теоретически обосновать периоды в истории, его цель — «показать протекание исторических процессов в их целостном (непрерывном и последовательном) виде» [2] (см. с. 313). При исследовании центральной политической истории, критериями периодизации, по определению В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова, являются периоды стабильности и кризиса, а именно «поддержание устойчивого равновесия между основными политическими силами» и «неспособность высшей власти выполнять свои функции» соответственно [2] (см. с. 326–327).

После того, как император жалуется своему родичу княжество, перед правителем удела появляется задача укрепиться на своем посту: сохранить власть в княжестве на долгие годы и создать условия для того, чтобы его сын наследовал власть в уделе после смерти *вана*. Таким образом, три этапа правления (приход к власти, удержание власти и передача власти), выделенные в качестве критериев оценки стабильности правления императора [1], применимы и для работы с правителями уделов.

Если удельному правителю удастся решить эти задачи, то динамику политического процесса можно определить как стабильную. Но если после смерти правителя власть переходит к его младшему брату или более дальнему родственнику, то такая передача считается нелегитимной с точки зрения теории центральной власти, на которой основана периодизация верховной власти, так как нарушается один из критериев стабильности власти.

Таким образом, факторами стабильности или кризиса удельного правителя для характеристики его правления и периодизации истории уделов являются:

- длительность правления (более 5 лет);
- легитимность получения власти в княжестве (наследование отцу);
- передача власти легитимному наследнику (сыну).

Подобная методика была успешно апробирована в исследованиях политической динамики многих государств Восточной Азии¹.

Однако, изучая историю уделов, необходимо учесть важные особенности положения их правителей, а именно: отсутствие политической независимости и наличие высшего органа контроля в лице императора, который может непосредственно влиять на смену *вана* в уделах вне зависимости от воли их правителей. Именно ввиду

этого периоды стабильности и кризиса власти в столице и в удельных княжествах могут не совпадать, соответственно, периодизация политической истории уделов может отличаться от общей периодизации политического процесса Западной Хань.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В УДЕЛАХ

Для того, чтобы составить непрерывную периодизацию политических процессов в уделах, необходимо отобрать материал по всем уделам Западной Хань за все время ее существования. На основе материала источников всего было выделено 44 удельных княжества (Прил. 1), существовавших в период Западной Хань, и 197 удельных правителей (*ванов* 王), правивших в них.

Из Прил. 1 видно, что на протяжении существования империи количество княжеств постоянно меняется: с приходом нового императора некоторые уделы исчезают (низводятся в области), а некоторые области, напротив, повышаются до статуса княжества. Через правление всех императоров прошли четыре княжества, оказавшиеся самыми устойчивыми: Чжао 赵, Лян 梁, Чу 楚 и Чанша 长沙.

В 195 г. до н.э. система уделов была институционализована²: император Гао-цзу 高祖 (202–195 гг. до н.э.) «провозгласил новый родственный принцип наделения уделами» [7] (см. с. 45).

Однако, несмотря на длительность правления и легитимность получения власти в княжестве от своего отца, удельный правитель зачастую не мог передать власть своему наследнику, т.е. в удельном княжестве происходило нарушение легитимности передачи власти, что, согласно критериям периодизации, создавало кризис правления в уделе.

Когда же реальную власть в империи захватил Ван Ман 王莽, который стал регентом при годовалом Жуцзы-ине 孺子嬰 (6–8 гг. н.э.), то за три года его регентства все удельные княжества были упразднены, т.е. во всех 18 существующих на тот момент княжествах произошли нарушения легитимности передачи власти — итого 18 раз.

Нарушение легитимности передачи власти происходило по множеству причин, из 85 исследованных случаев нелегитимной передачи власти были выделены три основные причины нарушения (Прил. 2):

- наказание за проступок (41%), в т.ч.:
 - а) тяжелые (казнь/убийство) — 16%,
 - б) средние (самоубийства) — 11%,
 - в) легкие (лишение княжеского титула) — 14%;
- смерть без потомков (26%);
- перевод *вана* в другое княжество (20%).

Лишение княжеского титула, убийство/казнь и самоубийство являются тремя мерами наказания

¹ См., например: [14].

² Институционализация произошла на тайном собрании императорского двора, событие зафиксировано в «Истории Хань» как «Клятва белой лошади» 白馬之盟 [13].

Таблица 1. Количество нарушений легитимности передачи власти в Западной Хань

Императоры	Годы правления	Количество уделов	Число нарушений легитимной передачи власти
Гао-цзу*	202–195 гг. до н.э.	10	3
Хуэй-ди	195–188 гг. до н.э.	10	3
Люй-хоу	188–180 гг. до н.э.	13	13
Вэнь-ди	180–157 гг. до н.э.	21	10
Цзин-ди	156–141 гг. до н.э.	30	16
У-ди	141–87 гг. до н.э.	29	14
Чжао-ди	87–74 гг. до н.э.	18	3
Чанъи-ван	74 гг. до н.э.	16	1
Сюань-ди	74–49 гг. до н.э.	20	7
Юань-ди	48–33 гг. до н.э.	20	4
Чэн-ди	33–7 гг. до н.э.	21	7
Ай-ди	7–1 гг. до н.э.	21	2
Пин-ди	1 г. до н.э. – 6 г. н.э.	21	6
Жуцзы-ин	6–8 г. н.э.	18	18

*Учитывается только 195 г. до н.э., с момента институционализации системы уделов.

провинившегося правителя, совершившего преступление против императора или одно из десяти «зол»³.

«Если виновный подлежал смертной казни, то в докладе императору сообщалось: “достоин смерти”, а способ казни указывал император. Иногда осужденным разрешали покончить жизнь самоубийством» [15]. Таким образом, самоубийства считались оказанием большой милости со стороны правителя, последней возможностью доказать свою невиновность и ценой смерти сохранить «лицо», несмотря на то что преступление на самом деле было совершенно.

Все ли самоубийства служили мерой наказания за преступления и что за злодеяния совершали удельные правители? Приведем несколько примеров.

1) Чжао-ван Лю Хуэй 刘恢 совершил суицид в 181 г. до н.э. после того, как вдовствующая императрица Люй-хоу отравила его любимую наложницу, которой он оказывал больше внимания, чем жене из рода Люй. Причиной суицида в «Исторических записках» указывается тоска по любимой.

2) Линьцзян-ван Лю Жун 刘荣 покончил с собой в 147 г. до н.э., т.к. «был осужден за нарушения, подвергся кастрации у ограды родового храма, покончил с собой»⁴.

3) Янь-ван Лю Динго 刘定国 в 126 г. до н.э. был «обвинен в разврате и убийствах, покончил с собой».

4–6) Хэншань-ван Лю Цы 刘赐, Хуайнань-ван Лю Ань 刘安, Цзянду-ван Лю Цзянь 刘建 совершили самоубийства в 122 и 121 г. до н.э. в результате восстания.

7) О самоубийстве Цзибэй-вана Лю Куаня 刘宽 в 85 г. до н.э. в «Истории Хань» сказано, что он «замышлял измену».

8) Гуанлин-ван Лю Сюй 刘胥 в 54 г. до н.э. покончил с собой, т.к. «колдовал против императора».

9) Лян-ван Лю Ли 刘立 в 3 г. н.э. совершил самоубийство, т.к. на протяжении многих лет его обвиняли в блуде и убийствах простых людей, несколько раз судили за убийства, но т.к. они не входили в категорию *шиэ* — «десять злодеяний», император объявлял ему амнистию. Наконец, в 3 г. н.э. новый император (который являлся марионеткой Ван Мана) приказал лишить Лю Ли княжеского звания и переселить в Ханьчжун 汉中. В ответ Лю Ли покончил с собой.

Видим, что из девяти случаев суицида только два являлись «необязательными», т.е. наказания осуществлялись не по приказу императора, а самовольным решением, и их можно было избежать: в случае Лю Хуэя это тоска по любимой наложнице, в случае Лю Ли — протест против решения нового императора и нежелание принять наказание в виде лишения княжеского титула.

Ниже приведены примеры остальных насильственных смертей (убийств и казней).

1) Чжао-ван Лю Ю 刘友 убит в 181 г. до н.э., оговоренный его женой из рода Люй, ревновавшей правителя к другим наложницам.

2) Янь-ван Лю Цзянь 刘建 убит по приказу вдовствующей императрицы Люй-хоу в 181 г. до н.э.

³ Согласно основным положениям традиционного права в древнем Китае, родственники императора (т.е. все удельные правители) «входили в одну из восьми групп лиц *ба и* 八议, имевших право на привилегию». Норма *ба и* прощала многие преступления, кроме *ши э* 十惡 – десяти злодеяний (государственная измена, порочность, непочтительность, несоблюдение траура, инцест и др.). Но если родственник совершил одно из десяти злодеяний, норма *ба и* не спасала. В случае не слишком серьезного проступка его лишали княжеского титула, в случае серьезного нарушения побуждали покончить с жизнью, а в самых серьезных случаях (восстание против императора) *вана* казнили [15].

⁴ Цит. по: [11], т. 3, гл. 17.

3–5) Чаншань-ван Лю Чао 刘朝, Хуайян-ван Лю У 刘武, Лян-ван Люй Чань 吕产 убиты в одну ночь в результате восстания против вдовствующей императрицы Люй-хоу в 180 г. до н.э.

6) Цзибэй-ван Лю Синцзюй 刘兴居 казнен за мятеж против возведения на престол императора Вэнь-ди в 177 г. до н.э.

7–13) Цзяоси-ван Лю Ан 刘卬, Цзинань-ван Лю Пигуан 刘辟光, Цзычуань-ван Лю Сянь 刘贤, Цзяодун-ван Лю Сюнцзюй 刘雄渠, У-ван Лю Пи 刘濞, Чу-ван Лю У 刘戊, Чжао-ван Лю Суй 刘遂 казнены в 154 г. до н.э. за восстание против императора («Восстание семи уделов»).

14) Чу-ван Лю Даньшоу 刘延寿 в 68 г. до н.э. казнен за составление заговора.

Таким образом, в период Западная Хань выявлено 23 случая насильственной смерти удельных правителей (9 самоубийств и 14 убийств/казней).

ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕРХОВНОЙ И УДЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

На основе данных по количеству удельных княжеств, легитимных и нелегитимных передач власти в уделах, числу насильственных смертей среди *ванов*, составлен общий график распределения элементов политического процесса в уделах по годам правления императоров (Прил. 3).

Необходимо учитывать разную длительность правления императоров. Например, Цзин-ди находился у власти 16 лет, а У-ди — 54 года. Разделив количество удельных княжеств, нарушений легитимности передачи власти, насильственных смертей *ванов* на длительность правления императоров, получим график политического процесса в уделах в среднем на год правления императора (Прил. 4), который не только покажет соотношение удельной системы с центральной властью, но и даст возможность сравнить две периодизации Западной Хань: верховной и удельной власти.

Согласно периодизации, предложенной В.В. Башкеевым и М.Ю. Ульяновым, первый период охарактеризован ими как «становление Западной Хань» (202–180 гг. до н.э.) и отличается «слабостью положения носителя высшей власти в условиях борьбы с родом Люй и первым династическим кризисом» [2] (см. с. 340).

История уделов, как института с оформленными принципами передачи власти, начинается в 195 г. до н.э.⁵ Из Прил. 3 и 4 видно, что в правление Хуэй-ди (195–188 гг. до н.э.) отсутствуют насильственные смерти удельных правителей, тогда как во время регентства вдовствующей императрицы Люй-хоу (188–180 гг. до н.э.) происходит стремительная сменяемость *ванов* (количество легитимных и нелегитимных передач власти в уделах увеличивается, растёт число насильственных смертей правителей).

Стабильность удельной системы при Хуэй-ди сменяется кризисом при императрице Люй-хоу.

Далее, согласно периодизации В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова, наступает важнейший период в истории Западной Хань, в котором, как полагают авторы, происходит **оформление империи Западная Хань** [2] (см. с. 341). Как писал В.В. Башкеев в самой первой своей работе по данной теме еще в 2008 г., именно в то время были «заложены основы нового политического устройства страны»: это годы правления Вэнь-ди и Цзин-ди (180–141 гг. до н.э.) [5] (см. с. 21).

На графике политического процесса в уделах (Прил. 4) заметно, что при императоре Вэнь-ди удельная система вновь стабилизируется, количество нелегитимных передач удельной власти и насильственных смертей сокращается. Но при императоре Цзин-ди (156–141 гг. до н.э.) снова наступает период удельного кризиса: семь наиболее влиятельных уделов поднимают восстания, что приводит, по мнению М.В. Королькова, к «изменению структуры империи и новом этапе в ее истории» [6]. Это отражается в росте числа уделов и частоте сменяемости удельной власти.

Следующий этап, согласно периодизации В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова, охарактеризован как **развитие империи Западная Хань** (141–87 гг. до н.э.), ему были присущи «усиление государства, устойчивость высшей власти, но ослабление позиции носителя высшей власти: «кризис наследования» и установление соправления двух родов военачальников» [2] (см. с. 342). Этот период полностью приходится на время правления императора У-ди. На уровне уделов снижается количество насильственных смертей *ванов*, сокращается число нарушений порядка передачи власти в удельных княжествах, система удельных княжеств в целом стабильна (Прил. 4).

Четвертый период определен авторами как **расцвет империи Западная Хань** (86–33 гг. до н.э.), характеризующийся «усилением положения носителя высшей власти: от сопротивления одного рода военачальников к возвращению высшей власти императору при Сюань-ди. Борьба Юань-ди за сохранение реальной власти и победа рода его супруги Ван за влияние на императора» [2] (см. с. 344).

На протяжении всего этого времени динамика политических процессов в уделах показывает относительную стабильность, обретенную при Вэнь-ди и У-ди: количество легитимных и нелегитимных передач власти в княжествах и число насильственных смертей поддерживается на одном уровне. Однако в правление Юань-ди (48–33 гг. до н.э.) происходят важные изменения на уровне уделов: отсутствуют случаи насильственных смертей *ванов*, т.е. политическая нестабильность в центре укрепляет стабильность в удельных княжествах.

Наконец, пятый период характеризуется В.В. Башкеевым и М.Ю. Ульяновым как **борьба рода Ван за высшую**

⁵ История раннеханьской удельной системы делится на два периода: «уделы правителей разных фамилий» (*и син ван* 异姓王, 202–195 гг. до н.э. и «уделы правителей одной фамилии» (*тун син ван* 同姓王, 195 г. до н.э. – 8 г. н.э.) [7] (см. с. 44).

власть (33 г. до н.э. — 8 г. н.э.), когда происходит «ослабление высшей власти, стремление сохранить устойчивое положение носителя высшей власти в условиях обострения борьбы за высшую власть рода женских родственников Ван» [2] (см. с. 345). Дальний родственник императоров Ван Ман приходит к власти, контролируя правление трех императоров — Чэн-ди, Пин-ди и Жуцзы-ина [2] (см. с. 346–347).

На уровне уделов видим (Прил. 4), что в правление Чэн-ди (33–7 гг. до н.э.) политические процессы полностью сохраняют динамику Юань-ди (отсутствие насильственных смертей *ванов*), тогда как после Чэн-ди (от Ай-ди до Жуцзы-ина, 7 г. до н.э. — 8 г. н.э.) резко растет число княжеств и частота смен правления *ванов*, демонстрируя нестабильность удельной системы.

Итак, на основании полученных результатов можно видеть, что политические процессы в уделах не совпадают с периодизацией верховной власти, их динамика более активна.

Можно выделить следующие периоды в развитии удельной системы:

- 1) 195–188 гг. до н.э. — стабильность удельной системы;
- 2) 188–180 гг. до н.э. — кризис удельной системы;
- 3) 180–156 гг. до н.э. — стабильность удельной системы;
- 4) 156–141 гг. до н.э. — кризис удельной системы;
- 5) 141–48 гг. до н.э. — стабильность удельной системы;
- 6) 48–7 гг. до н.э. — усиление стабильности удельной системы;
- 7) 7 г. до н.э. — 8 г. н.э. — кризис удельной системы.

Таким образом, для того чтобы государственная система была устойчивой, император должен поддерживать некоторый уровень «нестабильности» (т.е. изменений, динамики) в системе удельных княжеств. Отклонения от этого показателя, как вниз, так и вверх, являются индикатором нестабильности системы в целом.

После отклонений стабильности вниз обязательно следуют отклонения стабильности вверх, т.е. с начала интенсивной борьбы за власть в центре (ослабление стабильности центра) сперва следует увеличение стабильности удельной системы, а затем победившая сторона обязательно реформирует и удельную систему.

СТАБИЛЬНОСТЬ УДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для того чтобы проследить динамику стабильности не государственной системы в целом, а только удельной системы княжеств, как части государственной системы, нами составлен график стабильности удельной системы по «процентам от всех уделов» (Прил. 5), в котором количество легитимных и нелегитимных передач власти и число насильственных смертей разделено на количество княжеств, существовавших при каждом императорском правлении.

На графике видны две точки резкого падения количества передач власти (легитимных и нелегитимных) в княжествах в периоды правления императоров Хуэй-ди (195–188 гг. до н.э.) и Ай-ди (7–1 гг. до н.э.), а затем резкий рост передач власти при следующих правителях. Необходимо учитывать, что ни Хуэй-ди, ни Ай-ди не правили самостоятельно, за Хуэй-ди стояла его мать, вдовствующая императрица Люй-хоу, а за Ай-ди — его двоюродный дядя Ван Ман.

Первый раз дестабилизация государственной системы произошла в правление Хуэй-ди и Люй-хоу. Вначале, когда Люй-хоу только захватила власть, она сократила репрессии центральной власти против удельных правителей, заключив с *ванами* своего рода компромисс. Формально это произошло в правление Хуэй-ди. Потом, когда Люй-хоу удалось плотно взять центральную власть в свои руки, она нарушила заключенные компромиссы с удельными правителями и приступила к реформированию системы уделов, чтобы убрать от власти род Лю и поставить свой род Люй.

Таблица 2. Соотношение динамики политических процессов в центре и в уделах

Дата	Периодизация верховной (центральной) власти	Динамика политических процессов в уделах	
		Дата	Состояние
202–180 гг. до н.э.	Становление империи	202–195 гг.	Неинституционализированная система уделов
		195–188 гг.	Стабильность удельной системы
		188–180 гг.	Кризис удельной системы
180–141 гг. до н.э.	Оформление империи	180–156 гг.	Стабильность удельной системы
		156–141 гг.	Кризис удельной системы
141–87 гг. до н.э.	Развитие империи	141–87 гг.	Стабильность удельной системы
86–33 гг. до н.э.	Расцвет империи	87–48 гг.	Стабильность удельной системы
		48–33 гг.	Усиление стабильности
33 г. до н.э. – 8 г.	Борьба рода Ван за высшую власть	33–7 гг.	Усиление стабильности
		7 – 8 г. н.э.	Кризис

То же самое произошло в конце империи Западная Хань. Сначала, при императоре Ай-ди наблюдалось резкое сокращение смены удельных правителей. В это время род Ван договаривается с удельными правителями против центральной власти. А потом происходят нарушение достигнутых компромиссов и резкий рост смен правлений *ванов*, увеличение нелегитимных передач власти в княжествах.

Прослеживается одинаковая модель: сперва заключение компромисса с удельными правителями против центральной власти, а потом разрыв соглашений и начало реформирования удельной системы под новый императорский род (Люй-хоу не удалось это осуществить, а Ван Ману — почти удалось, основанная им империя Синь просуществовала всего 15 лет — с 9 по 23 г. н.э.).

ВЫВОДЫ

Государственная система империи Западная Хань представляется как соотношение между территориальной и центральной властями. Император является верховным правителем, контролирующим все земли, и главой рода, подчиняющим всех родственников. Когда соотношение между территориальной и верховной властями стабильно, то и система устойчива, но когда это соотношение резко меняется (в любую сторону), то дестабилизируется и вся государственная система. Кризис удельной системы совпадает с наступлением нового этапа верховной власти: так происходило, к примеру, в 180 и 141 г. до н.э., 8 г. н.э.

В то же время стабильность центральной власти требует постоянного уровня определенной нестабильности удельной власти. В конце периода Западной Хань, когда наблюдалось усиление стабильности в княжествах и долгое время отсутствовали кризисные ситуации (141 г. до н.э. — 7 г. н.э.), удельные правители лишаются своей автономии и политического веса, род Лю ослабевает, т.к. вертикаль власти и взаимосвязь между *ванами* и императором теряет свое значение. Когда наступает кризис центральной власти и императорский титул переходит не от отца к сыну, а к более дальним родственникам (Ай-ди и Пин-ди приходятся племянниками императору

Чэн-ди), удельные правители рода Лю не имеют политических рычагов, способных повлиять на происходящее в центре. Это позволило роду Ван захватить контроль над политическими процессами, что и привело к концу империи Западная Хань.

Каждый из периодов верховной власти соответствовал политическому циклу (стабильность, после которой наступает кризис) на уровне уделов. Такая модель повторялась в период становления и оформления империи Западная Хань, а также на этапе борьбы рода Ван за высшую власть (т.е. в 1-й, 2-й и 5-й периоды истории империи).

В важнейший период истории Западной Хань (во время оформления империи, 180–141 гг. до н.э.) на уровне удельной системы наблюдается кризис, что показывает различия между динамикой развития верховной и удельной властей.

На этапах развития и расцвета государства (141–33 гг. до н.э.) происходит расхождение процессов: цикл «стабильность + кризис» на уровне уделов не воспроизводится, в княжествах усиливается политическая стабильность, насильственные смерти *ванов* прекращаются, что приводит, вопреки обыденной логике, к постепенному угасанию рода Лю.

Таким образом, приходим к заключению, что стабильность центральной власти достигается за счет чередования периодов стабильности и кризиса в княжествах.

Следует отметить главное отличие удельной системы Западной Хань от удельных систем эпохи Восточное Чжоу: возможность изменять родо-территориальную систему империи (удельную систему) без насилия, т.е. осуществлять перемещения *ванов* вниз и вверх, таким образом не лишая их жизни.

Соответственно, именно в этих перемещениях и изменениях статусов удельных правителей без резкого изменения всей системы кроется специфический удельный механизм Западной Хань, представляющий всю Поднебесную как владение рода Лю при обеспечении целостности этого рода без его распада на отдельные владения. Именно для этого и были нужны перемещения — как отдельная карьерная система для представителей рода Лю.

Приложения

Прил. 1. Положение удельных княжеств Западной Хань (+) существование удельного княжества в указанный период; *годы нарушения легитимной передачи власти в княжестве

Император, годы правления (до н.э.) Княжество	Гао-цзю 202–195	Хуэй-ди 195–188	Люй-хоу 188–180	Вэнь-ди 180–157	Цзин-ди 156–141	У-ди 141–87	Чжао-ди 87–74	Чанъи-ван 74	Сюань-ди 74–49	Юань-ди 48–33	Чэн-ди 33–7	Ай-ди 7–1	Пин-ди 1 до н.э.–6 н.э.	Жуцзы-ин 6–8 н.э.
Ци 齐	+	+	+	+	+	125* 110								
Чжао 赵	+	194	181 181	+	153	+	+	+	68	+	+	+	+	9
Дай (Цинхэ) 代(清河)	+	+	+	176	+	+	+	+	65					

Прил. 1. Продолжение

Император, годы правления (до н.э.) Княжество	Гао-цзу 202–195	Хуэй-ди 195–188	Люй-хоу 188–180	Вэнь-ди 180–157	Цзин-ди 156–141	У-ди 141–87	Чжао-ди 87–74	Чанъи-ван 74	Сюань-ди 74–49	Юань-ди 48–33	Чэн-ди 33–7	Ай-ди 7–1	Пин-ди 1 динэ-6 нэ.	Жуцзы-ин 6–8 н.э.
Лян 梁	196	+	181 180	169	+	+	+	+	+	+	+	+	3	9
Хуайян 淮阳	+	194	183	180 168	+	128			+	+	+	+	+	9
Хуайнань 淮南	196	+	+	174 165	+	122								
Янь 燕	+	194	181	+	+	126	80							
Чу 楚	201	+	+	+	153	+	+	+	68	+	23	+	+	8
У 吴	+	+	+	+	154									
Чанша 长沙	+	+	+	+	157	+	+	+	+	47	+	+	+	9
Лу 鲁			179		+	+	+	+	+	+	+	+	+	9
Чаншань 常山			186 184 180	+	+	110								
Люй (Цзичуань) 吕 (济川)			187 183 181			137								
Хэцзянь 河间				164	+	+	+	+	+	37	+	+	+	9
Чэньян 城阳				176	+	+	+	+	+	+	11	+	6	
Цзибэй 济北				177	154	+	85							
Тайюань 太原				176										
Хэншань 衡山				+	153	122								
Луцзян 庐江				+	153									
Цзяоси 胶西				+	154	107								
Цзинань 济南				+	154									
Цзычуань 菑川				+	154	+	+	+	+	+	+	+	+	9
Цзяодун 胶东				+	153 149	+	+	+	+	+	+	1		
Чжуншань 中山					+	+	+	+	54	34	+	1	+	9
Жунань 汝南					152									
Цзянду 江都					+	121								
Гуанчуань 广川					151	+	79	+	49					
Линьцзян 临江					152, 147									
Цзидун 济东					+	113								
Шаньян 山阳					+	135				+	27			
Цзиинь 济阴					+	137								

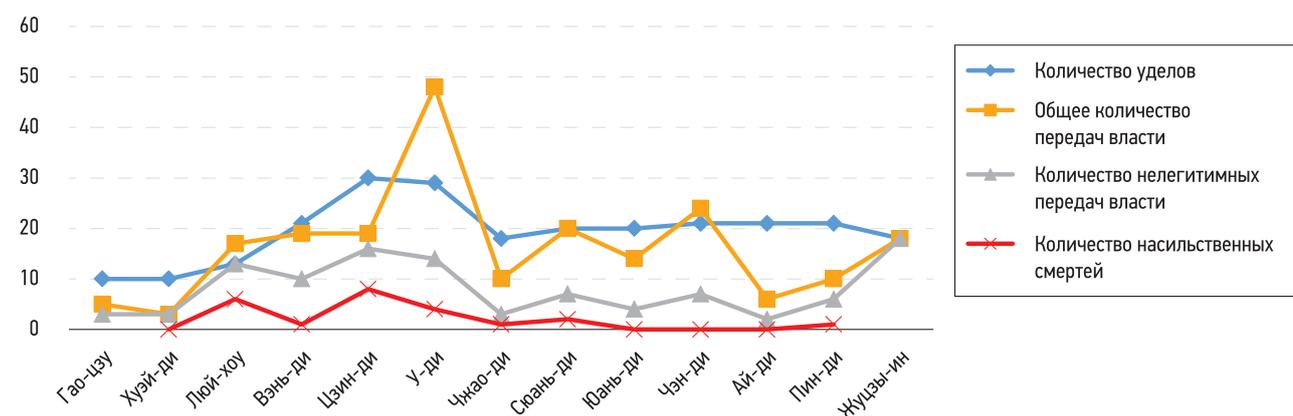
Прил. 1. Окончание

Княжество	Император, годы правления (до н.э.)		Гао-цзю 202–195	Хуэй-ди 195–188	Люй-хоу 188–180	Вэнь-ди 180–157	Цзин-ди 156–141	У-ди 141–87	Чжао-ди 87–74	Чанъи-ван 74	Сюань-ди 74–49	Юань-ди 48–33	Чэн-ди 33–7	Ай-ди 7–1	Пин-ди 1 донг-бнз.	Жуцзы-ин 6–8 н.э.
Люань 六安								+	+	+	+	+	+	+	+	9
Гуанлин 广陵								+	+	+	54	+	14	+	+	9
Сышуй 泗水								102	+	+	+	+	+	+	+	9
Чанъи 昌邑								+	+	74						
Гуанъян 广阳											+	+	+	+	+	9
Гаоми 高密											+	+	+	+	+	9
Динтао 定陶											51		8	+	6	
Дунпин 东平											+	+	+	+	4	7
Цзиян 济阳												34				
Синьду 信都												+	23	+	5	
Гуандэ 广德													16	+	0	9
Гуанпин 广平														+	+	9
Гуанцзун 广宗															+	9

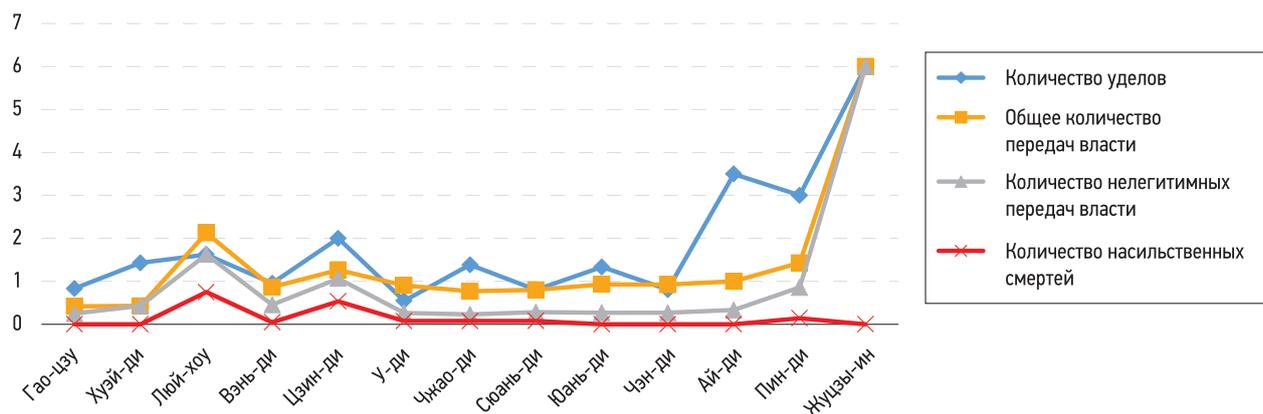
Прил. 2. Причины нарушения легитимности в удельных княжествах в Западной Хань

Причина	Количество нарушений	Количество нарушений (%)
Умер, не оставил потомков/потомки не наследовали	22	26
Переведен в другое княжество	17	20
Лишен княжеского титула	12	14
Убит/казнен	14	16
Самоубийство	9	11
Стал императором	4	5
Погиб в бою с внешним врагом	1	1
Неизвестно	6	7

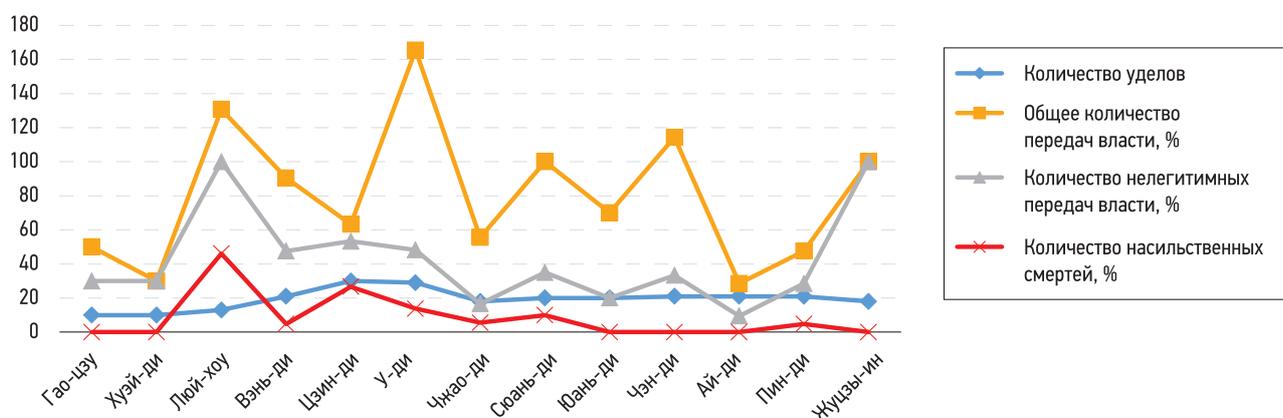
Прил. 3. Политический процесс в уделах по правлениям императоров

Прил. 4. Политический процесс в уделах (в среднем на год правления императора)

Прил. 5. График стабильности удельной системы (проценты от всех уделов)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
2. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. – 25 г. н.э.) // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44. № 2. С. 312–364.
3. Целуйко М.С. К проблеме периодизации истории царства Цинь в 384–211 гг. до н.э. В кн.: В пути за китайскую стену: К 60-летию А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2014.
4. Башкеев В.В. Выделение и краткая характеристика периодов правления западноханьского императора Вэнь-ди (180–157 гг. до н.э.): на основе данных 4-й главы Ханьшу // Вестник Бурятского государственного университета. Востоковедение. 2012. Вып. 8. С. 146–150.
5. Башкеев В.В. Выделение макропериодов в истории государства Западная Хань: 206 г. до н.э. – 8 г. н.э. // Материалы XV международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2008». Востоковедение и африканистика. М.: Гуманитарий, 2008. С. 19–22.
6. Корольков М.В. Наделение уделами сыновей императора Цзинь-ди (156–141 гг. до н.э.) и раннеханьская удельная система в период кризиса после «восстания семи ванов» 154 г. до н.э. // Материалы XV международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2008». Востоковедение и африканистика. М.: Гуманитарий, 2008. С. 56–59.
7. Корольков М.В. Удельная система начального периода эпохи Ранняя Хань (202–140 гг. до н.э.): фактор внутридинастических отношений // Общество и государство в Китае. 2008. Т. 38. № 1. С. 43–50.
8. 布明虎。山东诸侯王国与两汉地方政治 // 山东省農業管理幹部學院學報. 2009. № 6. 第 110–111 頁 [Бу Минху. Удельные княжества Шаньдуна в правление двух империй Хань // Шаньдун шэн нун е гуань ли гань бу сюэ юань сюэ бао. 2009. № 6. С. 110–111.]
9. 侯旭东。丞相、皇帝与郡国计吏：两汉上计制度变迁探微. 北京, 2014. 第 99–120 頁 [Хоу Сюйдун. Чэнсяны, император и чиновники областей и княжеств: исследование изменений отчетов в столицу в ранней и поздней Хань. Пекин, 2014. С. 04, 99–120.]
10. 顾敏。中国封建帝王是如何削弱相权的. 石家庄, 2012. 第 364–365 頁 [Гу Минь. Как феодальные императоры Китая ослабляли власть министров-сянов. Шицзячжуан, 2012. С. 364–365.]
11. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. Р.В. Вяткин. Т. 3. М.: Восточная литература, 1984.
12. Shiji. Chinese Text Project. Доступ по ссылке: <https://ctext.org/shiji>

13. Hanshu. Chinese Text Project. Доступ по ссылке: <https://ctext.org/han-shu>

14. Деопик Д.В., Таркина А.И., Ульянов М.Ю. Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII–III вв. до н.э.) // Ломоно-

совские чтения. Востоковедение: тезисы докладов. М., 2004. С. 37–43.

15. Кычанов Е.И. Традиционное право // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Восточная литература, 2009. С. 389, 392.

REFERENCES

1. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgosok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).

2. Bashkeev VV, Ulyanov MYu. Periodization as a Tool and a Result of the Study of the Political Process: on the Example of the History of China in Late Antiquity, 221 BC – AD 25). *Society and State in China*. 2014;44(2):312–364. (In Russ).

3. Tseluyko MS. K probleme periodizatsii istorii tsarstva Qin v 384–211 do n.e. (To the Problem of Periodization of the History of the Qin Kingdom in 384–211 BC). In: *On the way Behind the Chinese Wall. To 60th Anniversary of A.I. Kobzev*. Moscow, 2014. (In Russ).

4. Bashkeev VV. Vydelenie i kratkaya kharakteristika periodov pravleniya zapadnokhanskogo imperatora Wen-di. *Bulletin of Buryat State University. Orientalist Studies*. 2012;(8):146–150. (In Russ).

5. Bashkeev VV. Vydelenie makroperiodov v istorii gosudarstva Zapadnaya Khan: 206 BC – AD 8). Proceedings of XV International Conference for Undergraduated and Graduated Students and Young Scientists «Lomonosov–2008». Oriental and African Studies. Moscow: Humanity; 2008. P:19–22. (In Russ).

6. Korolkov MV. Nadelenie udelami synovey imperatora Jing-di (156–141) i rannekhanskaya udelnaya sistema v period krizisa posle vosstaniya semi vanov. Proceedings of XV International Conference for Undergraduated and Graduated Students and Young Scientists «Lomonosov–2008». Oriental and African Studies. Moscow: Humanity; 2008. P:56–59. (In Russ).

7. Korolkov MV. The System of the Principalities in the Initial Period of the Early Han Era, 202–140 BC: The Factor of Intradynastic Relations). *Society and State in China*. 2008;38(1):43–50. (In Russ).

8. Bu Minghu. Shandong zhuhou wangguo yu lianghan difang zhengzhi [The Principalities on Shandong Peninsula during Western and Eastern Han]. *Shandong sheng nongye guanli ganbu xueyuan xuebao*; 2009;(6):110–111. (In Chinese)

9. Hou Xudong. *Chengxiang, huangdi yu junguo jili: lianghan shang ji zhidu bianqian tanwei* [Chengxiang, Emperors and Provincial Officials: the Research on the Changes of Reports to the Central Government in Western and Eastern Han]. Beijing; 2014. P:99–120. (In Chinese)

10. Gu Min. *Zhongguo fengjian diwang shi ruhe xueruo xiangquan de* [The Ways Chinese Emperors Weakened the Authority of Officials]. *Shijiazhuang*; 2012. P:364–365. (In Chinese)

11. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski (Shi ji)*. Vyatkin RV, trans., comment. Moscow: Vostochnaya literatura; 1984;3. (In Russ).

12. Shiji. Chinese Text Project. Available from <https://ctext.org/shiji>. (In Chinese).

13. Hanshu. Chinese Text Project. Available from: <https://ctext.org/han-shu>. (In Chinese).

14. Deopik DV, Tarkina AI, Ulyanov MYu. The Method of Identifying and Briefly Describing Periods in the History of One State Formation in East Asia: On the Example of Jin: the Period of Eastern Zhou, VIII–III Cent. BC. *Lomonosov Readings. Asian Studies*. Moscow; 2004;1:37–43. (In Russ).

15. Kychanov EI. Traditsionnoe parvo. In: *Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Historical thought. Political and legal culture*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2009;4:389, 392.

ОБ АВТОРЕ

Глазунова Виктория Викторовна;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32;

e-mail: green_submarine@mail.ru

AUTHOR INFO

Victoria V. Glazunova;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia;

e-mail: green_submarine@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

Смена девизов и периодизация первой половины правления танского императора Гао-цзуна (649–683 гг. н.э.)

А.В. Андреева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема соответствия субъективной китайской периодизации правления танского императора Гао-цзуна (649–683 гг. н.э.), проводимой при помощи девизов правления, периодизации на основе изменений политического процесса. Демонстрируется динамика политических изменений на материале 4-й, посвященной первой половине правления Гао-цзуна, главы средневекового китайского памятника Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая история Тан), являющегося стандартной династийной историей *чжэн ши* 正史. Проведенное исследование показывает, что в основе периодизации девизов правления императора Гао-цзуна лежат реальные изменения политической действительности, даже в тех случаях, когда источник в качестве причины смены девиза представляет исключительно события и реалии мантического или сакрального характера, предзнаменования и явления мистических животных.

Ключевые слова: Тан; Гао-цзун; политическая история; Цзю Тан шу (Старая история Тан); У Цзэтянь; девизы правлений; средневековая история; средневековый Китай; периодизация.

Как цитировать

Андреева А.В. Смена девизов и периодизация первой половины правления танского императора Гао-цзуна (649–683 гг. н.э.) // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

The Era Names Change and Periodization of the First Half of Tang Emperor Gao-zong (649–683 CE) Reign

Alla V. Andreeva

National Research University «Higher School of Economics» (HSE University), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper compares the subjective Chinese periodization through era (reign) names of the Tang emperor Gao-zong (649–683 CE) reign to scientific model of periodization through means of analyzing change in political process. To accomplish this we explore the historical events laid out in the 4th chapter of the *Jiu Tang shu* 舊唐書 (Old book of Tang) chronicle, which is one of Chinese medieval standard Histories *zhengshi* 正史. Our research shows that the reign names periodization is founded upon the real changes of political and historical dynamic even in cases when our primary source lists the reasons of an era name change among the purely ritual, sacral, mantic and mystical happenings, like the omens, portents and emergence of fairy creatures.

Keywords: Tang; Gao-zong; political history; *Jiu Tang shu* (Old book of Tang); Wu Zetian; era names; reign names; medieval China; medieval history; periodization.

To cite this article

Andreeva AV. The Era Names Change and Periodization of the First Half of Tang Emperor Gao-zong (649–683 CE) Reign. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):93–101. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

Received: 18.11.2020

Accepted: 14.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

唐高祖（公元649-683年）统治前期理念的变化及阶段分布

Alla V. Andreeva

National Research University «Higher School of Economics» (HSE University), Moscow, Russian Federation

抽象的

本文研究了唐高祖统治时期（公元 649–683 年）对中国的主观分期，通过政权的理念根据政治进程的变化进行分期。政治变迁的动态体现在第 4 份材料高宗统治的前期中，中世纪中国的文献是《旧唐书》舊唐書，这是正史正史的标准朝代历史。研究表明，高宗理念分期是政治现实的真正变化，即使其来源仅仅是因为完全代表具有神圣或神圣性质的事件和现实、预兆和神秘动物的出现时。

关键词：唐；高宗；政治史；旧唐书；武则天；政权理念；中世纪历史；中世纪的中国；分期。

如何引用文章

Andreeva AV. 唐高祖（公元649–683年）统治前期理念的变化及阶段分布. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):93–101.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81804>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

Одной из существенных особенностей китайского летоисчисления и традиционного дробления политического процесса является использование так называемых девизов правлений, *няньхао* 年号. С помощью изменения формулы девиза правления (чаще всего состоящего из двух, редко из трех иероглифов) правительство объявляло о том, что в стране произошли существенные перемены [1]. С другой стороны, при составлении династийной истории, *чжэн ши* 正史, девизы правлений использовались для разбиения периода правления на временные отрезки, то есть как часть летоисчисления [1]. Тем самым смена девизов правления стала институциональной основой собственной китайской периодизации своей истории, наравне со сменой династий и их названий.

В данной работе мы ставим вопрос о периодизации первой половины (649–666 гг. н.э.) правления танского императора Гао-цзуна (649–683 гг. н.э.), при котором было зафиксировано 14 разных девизов правления. Мы будем рассматривать время первых четырех девизов Гао-цзуна:

Юн-хуэй 永徽: 650–655 гг. н.э.;

Сянь-цин 显庆: 656–661 (второй лунный месяц) гг. н.э.;

Лун-шо 龍朔: 661 (третий лунный месяц) – 663 гг. н.э.;

Линь-дэ 麟德: 664–665 гг. н.э.

Таким образом, в данном исследовании мы соотнесем субъективную периодизацию китайской монархии по девизам правления с научной периодизацией, полученной с помощью методики современной отечественной синологии.

Тема периодизации отдельного правления затрагивается в статье В.В. Башкеева, М.Ю. Ульянова и М.С. Целуйко (2012), где излагаются ключевые этапы одного правления: борьба за достижение власти, борьба за удержание власти, борьба за возможность реализации власти и борьба за передачу власти [2]. Однако в правление Гао-цзуна было 14 смен девизов правления, следовательно, субъективная периодизация по девизам не может отражать четырехчастную периодизацию правления по этапам борьбы за власть. Возникает вопрос: какую реальность вообще отражает девиз правления? И соответственно: какие изменения вообще может отражать смена девиза?

В своей статье по девизам правления китайских императоров А.С. Мартынов, с одной стороны, связывает институт девизов правления с устройством «теократической монархии», называет их «материалом для изучения китайской доктрины власти», считает, что они «отнюдь не являлись криптограммами, созданными исключительно по капризу их составителей» и приводит смену девиза *Цисян* 祺祥 на девиз *Тунчжи* 同治 (1856–1875 гг. н.э.) вследствие казни «временщиков» (Сушуня 肃顺 и Дуаньхуа 端華) в 1861 г. как пример связи между назначением девизов и политической борьбой [3]. С другой стороны,

в конце своей статьи он приходит к выводу о преимущественно сакральной функции девизов правлений, утверждая, что они «прежде всего относятся к мироустроительным функциям китайского монарха» и являются «обещанием монарха гарантировать нормальную смену времен года» [3]. Таким образом, функции девизов правления затрагивают сакральный аспект верховной власти и, безусловно, важны политически¹.

Из западных ученых политические вопросы смены девиза правления затрагивала Мэри Райт в своей дискуссии с Эдвардом Шафером относительно возможности перевода девизов правления на английский язык. В частности, она, полагая ключевой функцией девизов правления исчисление времени, упоминала о связи между политическими событиями (такими как заговоры, казни и т.д.) и выбором иероглифов для девиза правления [4]. Она считала, что «девиз правления, коль скоро он понят, это явственный символ фундаментальных идей, которые лежали за всеми основными курсами и мерами... правительства», связывая таким образом девиз правления с группировкой, находящейся у власти, а смену девиза правления с возможной сменой правящей «клики» [4].

Задача данного исследования — ответить на вопрос, меняются ли девизы правления Гао-цзуна по сакральным и мантическим причинам, или же их смена отмечает новый этап политического процесса, а в хронологических окрестностях их смены происходят значимые политические события или изменения динамики политического процесса.

Для решения этой проблемы был использован 4-й цзюань Цзю тан шу 舊唐書 (Старой истории Тан)².

Политический процесс девиза *юн-хуэй* 永徽: 650–655 гг. н.э.

Девиз Юн-хуэй был принят в 650 г. н.э. и сменен на следующий в самом начале 656 г. Этот этап начинается с назначения императрицы из рода Ван и заканчивается назначением нового наследника. При этом источник упоминает военные события тюркской и корейской военных кампаний. Самым первым событием этого этапа правления Гао-цзуна является собственно смена девиза на *юн-хуэй* 永徽:

永徽元年春正月辛丑朔，上不受朝，詔改元。

«Юн-хуэй, начальный год, начальный месяц, новолуние, день *синь-чоу*, император не дает прием, приказано изменить девиз правления».

В том же месяце начинается формальное оформление наследования:

丙午立妃王氏為皇后。

«В день *бин*-у императорская наложница из рода Ван становится императрицей».

¹ Подробнее о дуальном характере верховной власти, светском и сакральном [2].

² В данной работе переводы и исследования 4-го цзюаня Цзю Тан шу (описание первой половины правления Гао-цзуна, 4-й цзюань основных записей: 本紀第四，高宗上) даются по изданию 1975 г. [5].

Ближе к концу действия этого девиза правления, в первой половине 655 г. интенсифицируются военные процессы:

三月，營州都督程名振破高麗於貴端水。

«3-й месяц, инчжоуский дуду³ Чэн Минчжэнь разбил Корё на реке Гуйдуань».

На этом фоне и в том же месяце впервые в источнике упоминается У Чжао (У Цзэтянь):

壬戌，昭儀武氏著《內訓》一篇。

«День жэнь-сюй Чжао написала сочинение «Правила женского поведения» [размером] в один пянь».

В то же время проходила кампания против тюрков:

夏五月癸未，命左屯衛大將軍，盧國公程知節等五將軍帥師出蔥山道以討賀魯。

«Лето, 5-й месяц, день гуй-вэй, приказали левому туньвэю главнокомандующему лускому гогуну Чэн Чжицзе и еще пятерым военачальникам, ведя войска, пройти по горному проходу Цуншань⁴, чтобы покарать Хэлу⁵».

На этом фоне начиная со второй половины 655 г. и в следующем 656 г. частота действий, субъектом которых является император Гао-цзун, снижается (рис. 2) и происходит переворот в гареме, который означает резкую перемену в борьбе за передачу власти в дальнейшем:

冬十月己酉，廢皇后王氏為庶人，立儀武昭氏為皇后，大赦天下。

«В 10-м месяце 6-го года девиза юн-хуэй (655 г.), в день цзи-ю разжаловали императрицу из рода Ван в простолюдинки, императрицей стала У Чжао, проведена большая амнистия в Поднебесной».

Последним сообщением девиза юн-хуэй 永徽 является сообщение об изменении престолонаследия, датированное 7-м месяцем 6-го года девиза:

辛未：廢皇太子忠為梁王，立代王弘為皇太子。

«День синь-вэй, старший сын императора Чжун разжалован из наследников престола и назначен ваном Лян, назначили вана Дай, по имени Хун, наследником».

На следующий день жэнь-шэнь 壬申 девиз царствования изменен на сянь-цин 顯慶 и объявлена общая амнистия.

Итак, этап правления императора Гао-цзуна, отмеченный девизом юн-хуэй 永徽, начался с глубоких изменений в политическом процессе и закончился ими же.

Политический процесс девиза сянь-цин 顯慶: 656–661 (второй лунный месяц) гг. н.э.

В начале девиза после обычных ритуальных пожалований и повышений происходят назначения:

甲子，尚書左僕射兼太子少師，燕國公於志寧兼太子太傅，侍中韓瑗，中書令來濟，禮部尚書許敬宗，並為太子賓客。

День цзя-цзы, левый пуге в шаншу⁶, по совместительству младший наставник наследника, гогун⁷ Янь [по имени] Юй Чжинин⁸, а также тайцзы тайфу⁹, шичжун¹⁰ Хань Юань¹¹, чжуншулин¹² Лай Цзи¹³, шаншу¹⁴ ведомства церемоний¹⁵ Сюй Цзинцзун¹⁶ вместе назначены чиновниками в свиту наследника¹⁷.

Таким образом, продолжают оформляться учреждения власти, связанные с престолонаследием и борьбой за передачу власти.

Начиная с 657 г., 2-го года девиза сянь-цин 顯慶, субъектами действий часто становятся полководцы, например, Су Динфан 蘇定方 (591–667). В 660 г. он командует армией в финальном наступлении танских войск на Пэкче:

八月庚辰，蘇定方等討平百濟，面縛其王扶餘義慈。

«Восьмой месяц, день гэн-чэнь, Су Динфан и другие усмирили Пэкче [заставили] сдаться правителя Фуэй Ицы¹⁸».

Последнее сообщение девиза также повествует о военных событиях:

六年春正月乙卯於河南，河北，淮南六十七州募得四萬四千六百四十六人，往平壤帶方道行營。

³ Военный губернатор.

⁴ Цуншань – это, скорее всего, Памир.

⁵ Ашина Хэлу – правитель Западно-тюркского каганата (653–657 гг. н.э.).

⁶ Одна из высших должностей, точный характер и функции которой представляют самостоятельную научную проблему. В.М. Рыбаков переводит шаншу пуге как «глава правительствующего шэна», тогда здесь будет «левый глава правительствующего шэна» [6] (см. с. 153). Однако с ним не согласен Ю.Л. Крель, также занимавшийся исследованиями танской бюрократии [7].

⁷ В.М. Рыбаков переводит этот титул знатности, дававшийся родственникам императора, как «княжеский гун» [6] (см. с. 108).

⁸ Юй Чжинин (588–665) – государственный деятель эпохи Тан.

⁹ Старший наставник наследника, главный наставник двора.

¹⁰ БКРС дает перевод: «помощник канцлера по дворцовому ведомству» [БКРС. Т. 3: 44]. В.М. Рыбаков переводит как «срединный служитель» [Рыбаков: 2009: 239].

¹¹ Хань Юань (606–659) – государственный деятель эпохи Тан.

¹² «Главный секретарь государственной канцелярии» [8]. В.М. Рыбаков переводит как «начальник шэна срединных документов» [6] (см. с. 239).

¹³ Лай Цзи (610–662) – государственный деятель эпохи Тан.

¹⁴ Глава ведомства [6] (см. с. 151).

¹⁵ В.М. Рыбаков переводит либу 禮部 как «церемониальная часть», имея в виду, что это ведомство входило в шаншушэн 尚書省 («правительствующий шэн») как одна из его 6 частей [6] (см. с. 215). Поскольку из текста источника этот контекст слова «часть» был бы непонятен, мы переводим как «ведомство».

¹⁶ Сюй Цзинцзун (592–672) – государственный деятель эпохи Тан.

¹⁷ В.М. Рыбаков переводит тайцзы бинькэ 太子賓客 как «сопроводители наследника престола» [6] (см. с. 398).

¹⁸ Пуге Ыйджа (641–660)

«На шестой год [деви́за], весной, в 1-м месяце, в день *и-мао* в 67 областях (чжоу) Хэнани, Хэбэя и Хуайнани завербовали 44 646 человек, повели войска на Пхеньян на округ Дайфан».

Таким образом, девиз *сянь-цин* начался с важных политических событий, но закончился не ими, а военным внешнеполитическим сообщением. Как будет показано ниже, смена девиза была формально обоснована сообщениями сакрального и мантического характера.

Политический процесс девиза *лун-шо* 龍朔: 661 (третий лунный месяц) — 663 г. н.э.

Следующий девиз правления Гао-цзуна называется *лун-шо* 龍朔, первый иероглиф означает «дракон». Таким образом, название девиза связано с претензиями на высшую власть, так как «дракон» — это символ императора. Однако напрямую об этом не заявлено, зато есть сообщения «с мест» о соответствующих знаменьях:

二月乙未，以益，綿等州皆言龍見，改元。

«2-й месяц, день *и-вэй*, по сообщениям из Ичжоу, Мянчжоу и прочих областей (чжоу) о том, что видели дракона, изменили девиз».

Примечательно, что в источнике присутствуют два сообщения о введении данного девиза правления. Второе следует ниже:

龍朔元年三月丙申朔，改元。

«*Лун-шо*, начальный год, третий месяц, день *бин-шэнь*, изменили девиз».

Два сообщения об изменении девиза в летописях означали бы наличие двух версий: одной хроникальной и другой, основанной на некотором предании, созданном с политическими целями. Таким образом, можно наблюдать следы организации пропагандистской кампании перед сменой девиза.

Перед началом изложения истории о смене девиза *лун-шо* на следующий девиз источник так же, как и в случае со сменой девиза *сянь-цин* на *лун-шо* приводит сообщение с внешнеполитической тематикой:

命司元太常伯竇德玄，司刑太常伯劉詳道等九人為持節大使，分行天下。《Приказали *сыюань тайчанбо* Доу Дэсюаню¹⁹, *сын тайчанбо* Лю Сяндао, в общей сложности 9 чиновникам, стать посланцами, держащими [верительную] бирку и [они] разъехались по Поднебесной».

Последние сообщения девиза *лун-шо* датированы 10-м месяцем 3-го года девиза (663 г.):

冬十月丙申，絳州麟見於介山。

«Зима, 10-й месяц, день *бин-шэнь*, единорог (*цилин*) из Цзянчжоу замечен в Цзешань».

丙午，含元殿前麟趾見。

«День *бин-у*, перед палатами Ханьюань заметили следы единорога (*цилин*)».

十二月庚子，詔改來年正月一日為麟德元年。

«В 11-м месяце, в день гэн-цзы эдиктом [приказано] изменить 1-й день 1-го месяца будущего года на начальный год девиза *лин-дэ*».

Таким образом, и начало и конец данного этапа правления отмечены сообщениями о событиях, относящихся к сакральным и мантическим, а не политическим, сферам. Однако в самом источнике присутствуют косвенные свидетельства наличия разных версий введения девизов, а следовательно — и скрытой политической борьбы.

Политический процесс девиза *лин-дэ* 麟德: 664–665 г. н.э.

Девиз *лин-дэ* длится с 1-го лунного месяца 664 г. по 1-й лунный месяц 666 г., ровно 2 года. В этом периоде в 8 случаях субъектом действий является император. Этот этап его правления начинается преобразованиями в военно-административной сфере, имеющими, однако, политический подтекст:

麟德元年春正月甲子，改雲中都護府為單于大都護府，官品同大都督府。

«Начальный год *лин-дэ*, 1-й месяц, день *бин-цзы*, изменили Юньчжун *духуфу* (военное наместничество) на Шаньюй *да духуфу* (великое наместничество), ранг соответствует великому губернаторству.

二月丁亥，加授殷王旭輪單于大都護。

«2-й месяц, день *дин-хай*, добавочно назначили Инь-вана Сюйлуны²⁰ *дадуху* (великим наместником) Шаньюя».

Таким образом, из второго сообщения следует, что военно-административные преобразования первого сообщения были связаны со статусом будущего императора Жуй-цзуна, сына императора Гао-цзуна и У Цзэтянь, не являвшегося в то время официальным наследником. Поэтому мы можем предположить, что пересечение военных и политических событий в ключевые моменты этого правления (моменты смены девизов) не случайно, а определено теми способами, которыми велась политическая борьба.

Непосредственно перед завершением правления девиза *лин-дэ* происходят следующие события сакрального характера:

麟德三年春正月戊辰朔，車駕至泰山頓。是日親祀昊上帝於封祀壇，以高祖，太宗配饗。禪於社首，祭皇地祇，以太穆太皇太后，文德皇太后配饗；皇后為亞獻，越國太妃燕氏為終獻。御降禪壇。御朝覲壇受朝賀。

«3-й год [деви́за] *лин-дэ*, 1-й месяц, день *у-чэнь*, новолуние, императорский выезд остановился на горе Тайшань. В этот же день было совершено родственное жертвоприношение (*цинсы*) августейшему небесному Шан-ди на алтаре *фэнсы*²¹, сопроводительное подношение [совершено] в честь Гао-цзу и Тай-цзуна. Принесли

¹⁹ Доу Дэсюань (598–666) – государственный деятель эпохи Тан.

²⁰ Ли Сюйлуны 李旭轮 (662–716) – будущий император Жуй-цзун 睿宗 (правил в 684–690 и 710–712 гг. н.э.).

²¹ То же самое что и алтарь фэншань 封禪, алтарь жертвоприношений небу и земле.

подношения на [алтаре] *шэшоу*²², принесли жертву августейшему духу земли, сопроводительные подношения [сделаны] в честь императрицы-бабки и императрицы Вэньдэ²³. Императрица сделала второе жертвенное подношение²⁴, мать правителя Юэ из рода Янь сделала третье (заключительное) жертвенное подношение. Император посетил алтарь *шань*. Император принял поздравления в аудиенции у алтаря».

Начавшись с важных политических событий, имеющих отношение к наследованию престола и борьбе за высшую власть, девиз *лин-дэ* закончился сообщением о типично сакральном событии. Однако, если рассмотреть значение этого ритуального события как политическое послание, то из него явственно следуют притязания императрицы У Цзэтянь на императорскую власть и даже оформление некоего рода ее сакральной легитимности. Если раньше императрица вытесняла императора в сферу сакральной власти из сферы реальной власти, то теперь можно сказать, что она покушается и на его сакральные prerogatives.

Количественные закономерности динамики активности политических субъектов

В общей сложности у нас получилось пять точек смены девиза правления, с каждой можно сопоставить важные ключевые события, имеющие отношение либо к престолонаследию и борьбе за передачу власти, либо к сакральной сфере.

1. 650 г. — назначение императрицы Ван.
2. рубеж 655 и 656 гг. — назначение императрицы У Цзэтянь и нового наследника.

3. 661 г. — появление дракона.
4. рубеж 663 и 664 гг. — появление *цилина* и новое назначение будущего императора Жуй-цзуна.
5. рубеж 665 и 666 гг. — посещение императором горы Тайшань и получение императрицей У Цзэтянь оснований сакральной легитимности.

Всего две из этих точек в тексте источника сопровождаются сакральными, но не политическими событиями — 3-я и 4-я (появление дракона и *цилина* соответственно). При этом сразу после 4-й следует важное политическое событие, имеющее прямое отношение к борьбе за высшую власть, так что в чистом виде в тексте источника только одна смена девиза объясняется исключительно сакральными факторами. Возникает вопрос: действительно ли в 661 г. (3-я смена девиза, появление дракона) отсутствовали изменения в динамике политического процесса, или же сообщение о появлении дракона только маскировало их?

Для того чтобы получить представление о динамике политического процесса, мы подсчитали все события, упомянутые в 4-м цзюане Цзю тан шу, и классифицировали их по субъектам действия, упомянутым в сообщениях памятника²⁵. Этими субъектами стали император Гао-цзун, императрица У Цзэтянь, «неопределенный субъект» (где субъект прямо не обозначен и на русский язык такие предложения переводятся в неопределенно-личной форме). Результаты этой классификации, в хронологической последовательности сопоставленные с годами рассмотренных выше четырех девизов правления императора Гао-цзуна, представлены в графиках (рис. 1, 2).

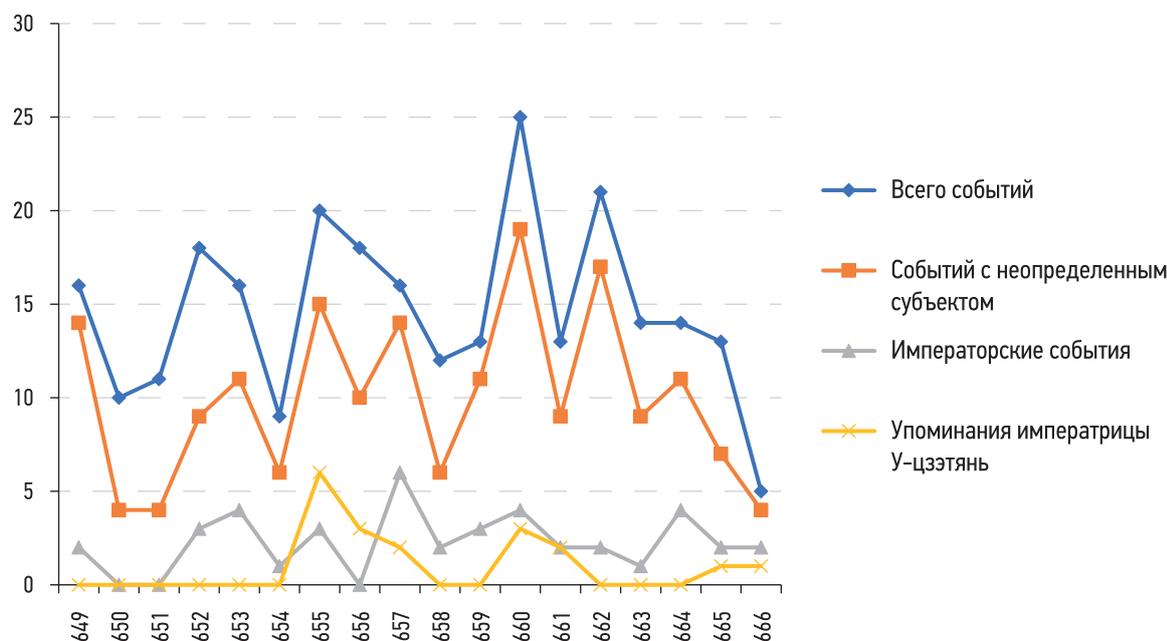

Рис. 1. Субъекты событий в числовых абсолютных значениях

²² Алтарь подношений земле.

²³ Императрица Вэньдэ (601–636) (также именовалась императрицей Чжансунь 長孫) – жена императора Тай-цзуна и мать императора Гао-цзуна.

²⁴ Первое подношение делал, естественно, император.

²⁵ Подробнее о данной методике исследований см.: [9]

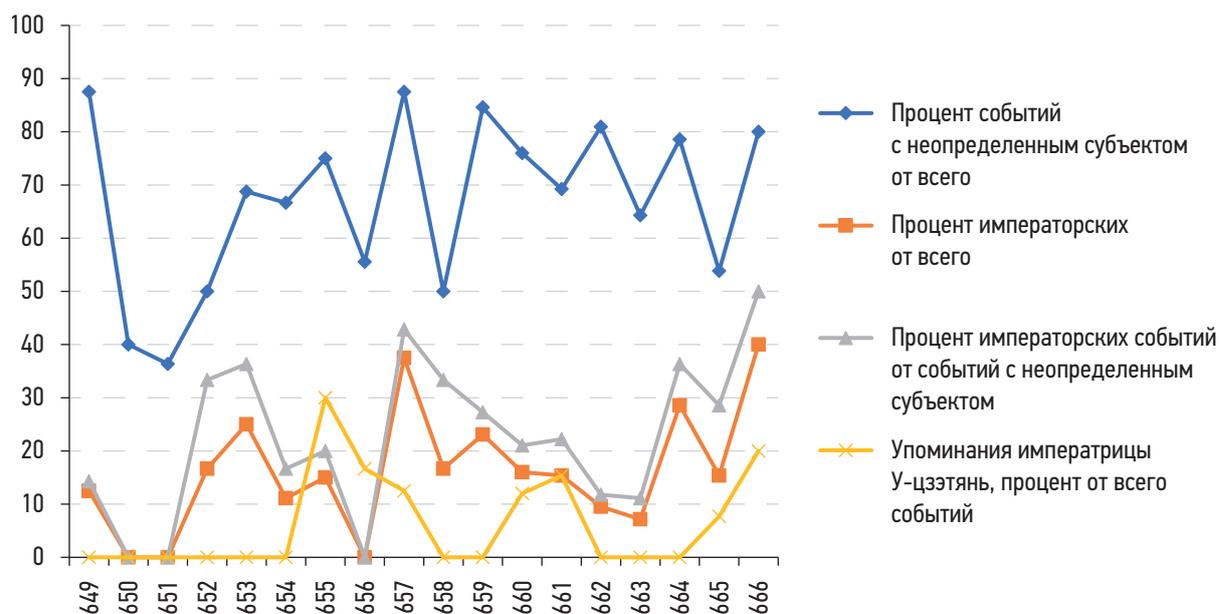

Рис. 2. Субъекты событий (процент упоминания)

Мы полагаем, что увеличение интенсивности появления императрицы У Цзэтянь в тексте источника в качестве субъекта действий, особенно перед сменой девиза, говорит о том, что ее политическое значение растет, и что смена девиза происходит вследствие изменения политического курса. Для подтверждения данной гипотезы и были составлены графики изменения интенсивности действий политических субъектов.

В 655 г., перед сменой девиза 永徽 на 顯慶, на У Цзэтянь приходится 30% всех упомянутых событий. В 656 г. (первый год нового девиза) — 16,6% упоминаний, в 657 г. — 12,5%. За 658 и 659 г. в тексте нет упоминаний У Цзэтянь, однако в следующем 660 г. (год перед сменой девиза) доля ее упоминаний в тексте источника составляет 12%.

В 661 г. (первый год нового девиза lun-шо) на императрицу приходится 15,3% от всех событий, описанных в источнике.

В 666 г. (год смены девиза lun-шо на linь-дэ, процент упоминания императрицы У Цзэтянь составляет 7,7.

По подсчетам и нижеприведенным графикам можно увидеть, что смена девизов правления императора Гао-цзуна приходится на период усиления активности У Цзэтянь, начиная с 655 г.

Пик активности императрицы приходится на год до изменения девиза и непосредственно на год изменения девиза правления Гао-цзуна в трех случаях из четырех. И во всех случаях в период смены девиза резко изменяется политическая динамика. В 661 г., то есть в год «явления дракона» (единственный год, когда смена девиза произошла на фоне отсутствия политических событий, имеющих отношения к борьбе за высшую власть), мы наблюдаем резкий пик активности У Цзэтянь и незначительное изменение общей политической динамики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя данные по субъектам политического процесса, сопоставляя их с информацией сообщений источника, мы определили динамику интенсивности действий императора и императрицы У Цзэтянь и пришли к следующим выводам.

1. Смена девизов правления императора Гао-цзуна связана с реальными изменениями в политике, а именно с активностью основных политических субъектов, а не с сакральными, мантическими, космологическими причинами или же лунными циклами или предзнаменованиями.

2. Имела место борьба за высшую власть, поэтому та периодизация, которую вводят девизы, — реальная, она основана на политической действительности.

Такой результат ставит нас перед методологической проблемой объяснения несоответствия между субъективной периодизацией этапов правления Гао-цзуна современниками — носителями высшей власти империи Тан, и теорией периодизации, существующей в российской синологии сегодня. Мы выяснили, что эта субъективная периодизация основывается на изменениях политической действительности, но при этом не совпадает по границам с теоретической периодизацией — по этапам прихода к высшей власти, реализации, удержания и передачи высшей власти. Более того, содержание источника показывает, что вопрос о передаче высшей власти вообще решался прежде всего, в первый же девиз императора Гао-цзуна, юн-хуэй (650–655 гг. н.э.). Тот факт, что **начальный** этап правления Гао-цзуна по сути соответствует **последнему** этапу теоретической модели стандартной периодизации монархического правления в традиционном Китае, ставит вопрос об интерпретации остальных этапов периодизации этого правления. Мы надеемся посвятить свои дальнейшие исследования решению этих вопросов, имеющих историческое и теоретическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравцова М.Е. Нянь-хао // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 2: Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 540–541.
2. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: Отголосок прошедшего в будущем. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
3. Мартынов А.С. Девизы правлений китайских императоров (нянь-хао) // Материалы 12-й научной конференции Института востоковедения «Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока». М., 1977. С. 78–84.
4. Wright M.C. What's in a Reign Name: The Uses of History and Philology // *The Journal of Asian Studies*. 1958. Vol. 18. No. 1. P. 103–106. doi: 10.2307/2941289
5. 舊唐書. 全十六冊, 第1冊. 北京, 1975. 第 110–111 頁.[Цзю Тан шу (Старая история Тан): в 16 т. Т 1. Пекин, 1975. С. 153–176.]
6. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 512 с.
7. Кроль Ю.Л. Некоторые вопросы исследования феномена бюрократии в старом Китае и перевода соответствующих административных терминов // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 146–168.
8. Большой китайско-русский словарь / под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 922.
9. Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». В кн.: Ковальченко И.Д. Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 143–187.

REFERENCES

1. Kravtsova M.E. Nian Hao. *Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Mythology. Religion*. Moscow: Vostochnaya literatura 2007, 2: 540–541. (In Russ.)
2. Bashkeev V.V., Ulyanov M.Yu., Tseluyko M.S. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgosok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P.47–71. (In Russ.)
3. Martynov A.S. Devizy pravlenii kitaiskikh imperatorov nian hao (Era (Reign) Names of Chinese Emperors (Nian Hao). Proceedings of the 12th science conference «Written Monuments and Problems of the History of Culture of the East». Moscow; 1977. P:78–84. (In Russ.)
4. Wright M.C. What's in a Reign Name: The Uses of History and Philology. *The Journal of Asian Studies*. 1958;18(1):103–106. doi:10.2307/2941289
5. *Jiu Tang Shu*. Quan shi liu ce, di yi ce [The Old History of Tang]. 16 vols. Beijing; 1975;1:153–176. (In Chinese)
6. Rybakov V.M. *The Tang Bureaucracy. Pt 1. Genesis and Structure*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2009. 512 p. (In Russ.)
7. Kroll Yu.L. On Some Problems Relating to the Study of the Phenomenon of Bureaucracy in the Traditional China). *Written Monuments of the Orient*. 2010;(2):146–168. (In Russ.)
8. Bolshoi kitaisko-russkii slovar. Oshanin I.M., editor. Moscow: Nauka; 1984;2:922. (In Russ.)
9. Deopik D.V. Opyt kolichestvennogo analiza drevnei vostochnoi letopisi "Chun Qiu". In: Kovalchenko I.D. *Mathematic Methods in Historical, Economic and Cultural Studies*. Moscow; 1977. P:143–187. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Андреева Алла Васильевна;

адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая 20;
e-mail: alla.andreeva.95@mail.ru

AUTHOR INFO

Alla V. Andreeva;

address: 20 Myasnitskaya ul., 101000 Moscow, Russia;
e-mail: alla.andreeva.95@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

Периодизация правления сунского императора Хуэй-цзуна (1100–1126)

А.Ю. Кожухов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правлению фактически последнего императора Северной Сун Хуэй-цзуна. В частности, рассматриваются вопросы о том, насколько периодизация этой политической эпохи посредством девизов, составленная во время правления императора, совпадает с теоретической периодизацией, основанной на модели политической борьбы, и можно ли считать девизы правления политическими институтами, содержащими официальное объявление о смене политического курса. Показана динамика внутривнутриполитических процессов на основе анализа соответствующих глав исторической хроники *Сун ши*. В результате проведенного исследования были выявлены некоторые расхождения между периодизацией, основанной на динамике внутривнутриполитических процессов, и периодизацией при помощи девизов: в частности, девизов правления было больше, чем выделенных нами этапов правления, — шесть и пять соответственно, также дана краткая характеристика каждого этапа.

Ключевые слова: Средневековый Китай; Восточная Азия; империя Северная Сун; политический процесс; периодизация правления.

Как цитировать

Кожухов А.Ю. Периодизация правления сунского императора Хуэй-цзуна (1100–1126) // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

Periodization of the Northern Song Emperor Huizong's Reign (1100–1126)

Alexander Yu. Kozhukhov

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article is devoted to the reign of the de facto last Emperor of the Northern Song, Huizong. In particular, it deals with the question of how the periodization of the reign, based on mottos that were declared during the reign of the Emperor coincides with the theoretical periodization, based on the model of political struggle, as well as the question of whether the mottos of the reign can be considered as political institutions that include an official announcement of a change of political course. The dynamics of internal political processes, based on the analysis of the corresponding chapters of the historical chronicle of Song Shi, is demonstrated. As a result of the research, some discrepancies were revealed between the periodization based on the dynamics of internal political processes and the periodization using mottos, in particular, there were more mottos than the stages outlined during the research — 6 and 5, respectively, a brief description of each stage is given.

Keywords: Medieval China; East Asia; Northern Song Empire; political process; periodization of reign.

To cite this article

Kozhukhov AYu. Periodization of the Northern Song Emperor Huizong's Reign (1100–1126). *China: Society and Culture*. 2022;1(1):103–114.

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

宋徽宗时期 (1100-1126)

Alexander Yu. Kozhukhov

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

抽象的

本文专门研究实际上是北宋最后一位皇帝宋徽宗的统治时期。特别值得一提的是，这一政治时代的周期性是否与基于政治斗争模式的理论周期性相一致，以及统治机构是否可以考虑正式宣布政策转变。借鉴宋史对历史编年史相关章节的分析展示了国内政治进程的动态。研究表明，基于内部政治进程动态的阶段和理念的周期性之间存在一些差异：特别是，政权的理念比我们确定的政权阶段多——相应的五六个，并简要介绍了每个阶段。

关键词： 中世纪的中国； 东亚； 北宋帝国； 政治进程； 政权阶段。

如何引用文章

Kozhukhov AYu. 宋徽宗时期 (1100–1126) . *China: Society and Culture*. 2022;1(1):103–114. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81806>

收到: 18.11.2020

接受: 14.06.2021

发布日期: 04.10.2021

ВВЕДЕНИЕ

Формально империя Северная Сун 北宋 (960–1127) прекратила свое существование при императоре Цинь-цзуне 欽宗, но его правление было очень кратким и длилось немногим более года (1126–1127), поэтому предпосылки падения империи следует искать в период правления его отца, императора Хуэй-цзуна 徽宗 (1100–1126).

В отечественной и западной синологии предпринимались попытки написания истории этого правления. В частности, А. Ливайн и П. Эбри придерживаются традиционной для китайской историографии точки зрения, согласно которой Хуэй-цзун не был особо вовлечен в политический процесс, играл пассивную роль в управлении государством и находился под влиянием чиновников, которые в конечном итоге повинны в гибели империи [1–2,]. В отечественной синологии политических вопросов касалась М.Е. Кравцова, которая также, как и западные синологи, ссылаясь на традиционную китайскую историографию, считает Хуэй-цзуна фактически последним правителем Северной Сун, непоследовательным и недалеким политиком, марионеткой в руках ближайшего окружения [3]. Д.А. Комаров также делает вывод, что падение государства в 1127 г. связано в какой-то мере с тем, что во времена правления Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна в государственном аппарате империи преобладали чиновники-южане, которым было невыгодно оборонять северные территории [4–5]. Однако в вышеперечисленных работах не проводится хронологически последовательное изучение политических процессов. Под этим способом исследования истории мы понимаем в первую очередь выделение ключевых этапов политической борьбы и времени основных поворотных моментов, повлиявших на динамику этого процесса. В отечественной синологии существует представление о том, что типичное правление императора может быть разделено на этапы — прихода к высшей власти, ее удержания, реализации и передачи, как последнего этапа [6].

Однако собственная периодизация этой политической эпохи правительством Хуэй-цзуна, проявленная в сменах девизов правления, отличается от этой модели в первую очередь количеством этапов — их 6:

1. Цзяньчжунцинго 建中靖国 (1101)
2. Чуннин 崇寧 (1102–1106)
3. Дагуань 大觀 (1107–1110)
4. Чжэнхэ 政和 (1111–1118)
5. Чунхэ 重和 (1118–1119)
6. Сюаньхэ 宣和 (1119–1125).

Возникает вопрос: насколько теоретическая периодизация, основанная на модели политической борьбы, применима к данному правлению? И, естественно, встречный

вопрос: насколько субъективная периодизация девизов отражает действительные изменения динамики политического процесса? В какой степени можно рассматривать девизы правления как политические институты, включающие в себя официальное объявление о смене политического курса? Эти вопросы ставят перед нами задачу анализа динамики внутривластных процессов и ее сопоставления с периодизацией на основе девизов правления.

Для решения этой задачи мы будем использовать в качестве источника *Сун ши 宋史* («Историю Сун»)², его цзюани (19–22) раздела *бэньцзи* — династийных историй, которые повествуют о правлении императора Хуэй-цзуна. Для выявления динамики политического процесса использовался метод количественного анализа исторического источника, основы которого были заложены Д.В. Деопиком [9]. Все события, упомянутые в источнике, классифицированы по видам их субъектов, а затем их активность визуализирована графически (рис. 1–3). Резкие изменения в активности субъектов событий и составляют динамику политического процесса.

Субъекты политического процесса

В большинстве сообщений мы не можем определить, кто является субъектом действия. Количество сообщений с неопределенным субъектом — 1119 (81,4% всех событий). В таких случаях субъект обозначается как «не определен». Однако в тексте хроники есть сообщения, где четко указан субъект события. Были определены следующие типы субъектов: варвары, вассалы, император, кидани, народ, разбойники, императрица Сян-хуанхоу 向皇后, родня императора, тангуты, чжурчжэни, чиновники. Для данного исследования интерес представляют наиболее активные субъекты, а именно: император, родственники императора, чиновники, чжурчжэни, кидани, тангуты, императрица Сян. У каждой из этих групп есть свои особые характеристики.

Император. Под данным субъектом подразумевается сам Хуэй-цзун, который не упоминается в хронике под своим именем. Стоит отметить, что в некоторых сообщениях император не называется, как субъект, однако это можно понять исходя из контекста сообщения. Обычно эти сообщения о ритуалах и о том, как император удостоил своим посещением какое-то место. Всего сообщений об императоре — 118, сообщений, где четко прописано, что субъект император — 25.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
76	己巳，幸龙德宫。	В день <i>ци-сы</i> удостоил посещением Лундэгун.

¹ Подробнее о политических институтах и институциональном подходе к исследованию китайского политического процесса традиционного периода [7].

² *Сун ши 宋史* («История Сун») — один из основных исторических источников, описывающих эпохи Северной и Южной Сун. Источник был написан в 1345 г., во времена монгольской династии Юань 元朝 (1271–1368), коллективом авторов под руководством *чэнсяна* Токто 脱脱 (1314–1356). Подробнее см.: [8].

В сообщении №76 субъект явно не указывается, однако из контекста мы понимаем, что подразумевается император Хуэй-цзун, так как иероглиф 幸 («удостоить посещением») обычно использовался при описании посещений, совершенных императором.

Родственники императора. Здесь прежде всего имеется в виду императрица Сян, которая настояла на возведении императора Хуэй-цзуна на престол и была регентом в первый год его правления. В хронике она обозначена как 皇太后 «вдовствующая императрица». Иногда упоминаются и другие родственники: принцы крови, наложницы (однако всего 1–2 раза); интерес представляют только упоминания императрицы Сян, поскольку она играла важную роль в первый год правления Хуэй-цзуна. Количество сообщений о вдовствующей императрице Сян, независимо от того, субъект она или объект, — 4.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
57	秋七月丙寅朔, 奉皇太后诏, 罢同听政。	В день <i>бин-инь</i> седьмого месяца, осень, когда было новолуние, принял приказ от вдовствующей императрицы о прекращении совместного управления страной.

Чиновники. Чиновники часто становились субъектами тех или иных событий. Иногда это чиновничество в целом, но чаще упоминаются отдельные чиновники. Количество сообщений о событиях, где субъектами являются чиновники — 88.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1405	癸亥, 蔡京落致仕, 领三省事。	В день <i>гуэй-хай</i> Цай Цзин отложил отставку, возглавил три <i>шэна</i> .

В то же время чиновники очень часто упоминаются в качестве объектов событий. Особенно это касается событий, связанных с продвижением по службе, то есть с назначением, понижением или увольнением с той или иной должности или с отправкой чиновников с дипломатической миссией к соседям.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1192	庚戌, 以王黼为少保、太宰兼门下侍郎。	В день <i>гэн-сюй</i> Ван Фу был назначен <i>шаобао</i> , <i>тайцзаем</i> с совмещением обязанностей <i>мэньсяшлана</i> .

Чжурчжэни. В рассматриваемый период к северу от империи Сун появляется сильное государство чжурчжэней, которое сначала вместе с империей Сун

сокрушило государство киданей Ляо, а вскоре после этого напало на территории вчерашнего союзника и в конечном итоге сокрушила династию Северная Сун. В хронике они обозначаются как *цзиньжэнь* 金人 «цзиньцы». Количество сообщений — 25.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1451	己酉, 中山奏金人斡离不、粘罕分两道入攻。	В день <i>цзи-ю</i> Чжуншань сообщили о том, что цзиньцы Волибу и Няньхань разделились по двум направлениям и напали.

Кидани. Государство киданей носило название «Ляо». Северная Сун выплачивала дань киданям, однако, когда их государство ослабло из-за войны с чжурчжэнями, Северная Сун объединилась с последними, и как говорилось выше, сокрушило Ляо. В хронике они обозначены как *ляожэнь* 辽人 «люди Ляо». Количество сообщений — 20.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
101	戊午, 辽人来贺正旦。	В день <i>у-у</i> прибыл человек из царства Ляо поздравить с первым днем нового года.

Таким образом, нами было выделено 5 типов субъектов, анализируя активность которых, мы получили представление о политических процессах в период правления Хуэй-цзуна. Был произведен общий подсчет сообщений с упоминанием главных типов субъектов.

Основываясь на данных таблицы, мы построили четыре графика: по горизонтальной оси обозначены годы (по григорианскому календарю), по вертикальной — количество событий, произошедших в тот или иной год.

На рис. 1 изображена динамика активности субъектов событий. Из-за того, что в абсолютном большинстве событий субъект не определен, динамика событий с неопределенным субъектом для лучшего восприятия изображена на отдельном рисунке (рис. 2). Также стоит учесть, что на рис. 1 изображена динамика событий, где субъектом точно является император.

Обратим внимание на рис. 1. Мы отчетливо видим, что график активности императора в промежутке с 1100 по 1106 г. всегда обратно пропорционален графику активности чиновников, то есть активность императора падает, когда растет активность чиновников и наоборот. Однако в 1106 г. график императора начинает прямо пропорционально коррелировать с графиком чиновников, то есть его активность растет, когда растет их активность, — и наоборот. Это продолжается до 1110 г., после которого снова начинается обратно пропорциональная корреляция этих двух субъектов. Следующий перелом происходит в 1118 г., после которого резко

Таблица 1. Количество сообщений о каждом субъекте (по годам)

Год	Император	Император (точно определен)	Ляо	Не определен	Императрица Сян	Цзинь	Чиновники
1100	16	2	3	81	4	0	1
1101	15	0	3	39	0	0	4
1102	7	1	0	67	0	0	1
1103	2	0	0	47	0	0	3
1104	6	1	0	53	0	0	2
1105	2	0	1	60	0	0	2
1106	2	1	0	44	0	0	0
1107	4	1	0	56	0	0	6
1108	1	0	0	34	0	0	2
1109	2	1	0	33	0	0	6
1110	4	2	0	48	0	0	1
1111	0	0	0	32	0	0	1
1112	0	0	0	29	0	0	2
1113	4	0	0	51	0	0	0
1114	3	1	0	24	0	0	0
1115	2	1	0	30	0	0	0
1116	6	1	0	42	0	0	1
1117	7	2	0	37	0	0	4
1118	7	3	0	58	0	0	2
1119	7	3	0	38	0	1	6
1120	1	0	0	35	0	1	6
1121	2	0	0	39	0	1	6
1122	6	2	11	34	0	6	11
1123	2	1	2	32	0	9	9
1124	3	0	0	31	0	3	7
1125	7	2	0	45	0	4	5

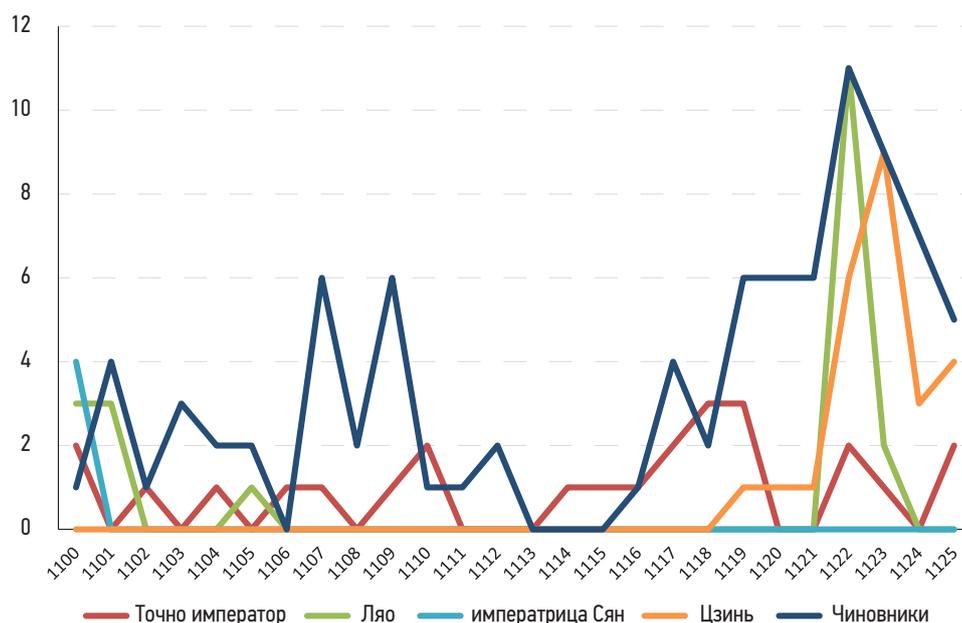

Рис. 1. Динамика активности субъектов

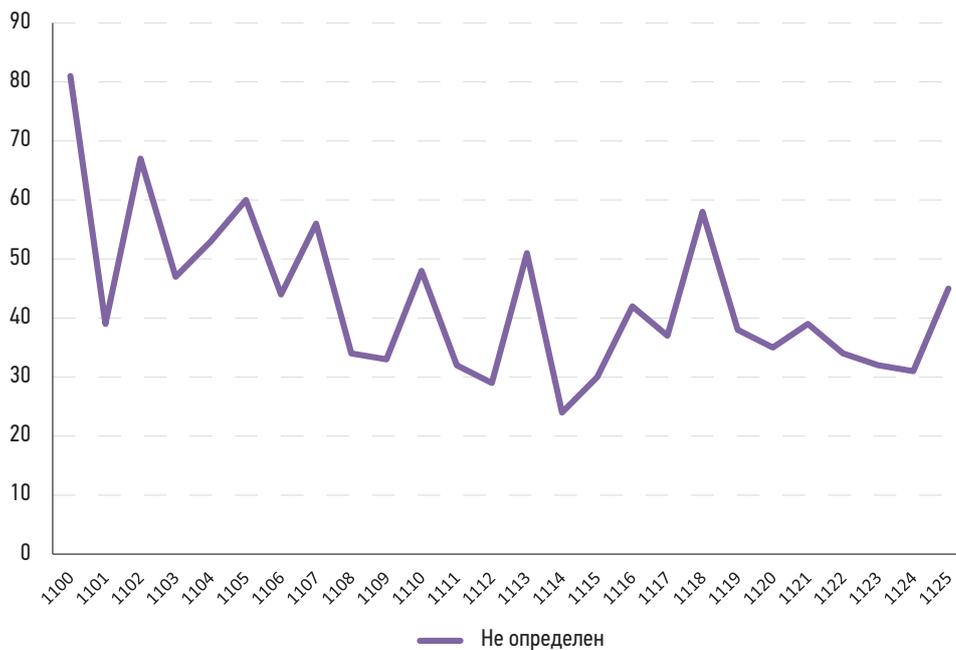

Рис. 2. Динамика событий с неопределенным субъектом

увеличивается активность чиновников, а активность императора идет на спад.

Теперь обратимся к рис. 2, который отражает динамику событий с неопределенным субъектом, особое внимание обратим на выделенные точки: 1106, 1110 и 1118 г. Из графика четко видно, что на эти годы приходятся пики событий с неопределенным субъектом, кроме 1106 г., в этом году спад количества событий с неопределенным субъектом останавливается и переходит в рост.

Из этого мы делаем вывод, что в выделенные годы происходили ключевые изменения политического процесса. Кроме того, в эти годы также менялись девизы правления императора: 1106 г. — последний год девиза Чуннин 崇寧 (1102–1106), с 1107 г. провозглашается новый девиз правления — Дагуань 大觀 (1107–1110), который завершается в 1110 г. и с 1111 г. сменяется девизом Чжэнхэ 政和 (1111–1118).

Содержание политического процесса

После определения времени основных изменений динамики политической борьбы необходимо выяснить, в чем именно заключались эти изменения, или каково в целом было содержание политического процесса в эти годы. Для этого нами проведена классификация уже не субъектов, а самих событий, разделенных на 14 типов.

1) Административное. В рассматриваемый период в империи сформировался разветвленный бюрократический аппарат. Поэтому в хронике большое количество сообщений о реформировании административного аппарата, упразднении старых и введении новых должностей и чинов, открытии новых учреждений, изменении административного статуса территориальных единиц, различных перестановках в бюрократическом аппарате и т.п. Количество обнаруженных сообщений — 335.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1176	甲午，罢礼制局并修书五十八所。	В день <i>цзя-у</i> было упразднено управление по церемониалу, а также 58 отделов по составлению сборников.

2) Армия. Во времена правления Хуэй-цзуна Северная Сун вела войны со своими соседями: тангутами, чжурчжэнями и киданями. Поэтому часть сообщений касается преобразований в этой сфере. Количество сообщений — 11.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
110	己亥，汰秦凤路士兵。	В день <i>цзи-хай</i> был проведен отсев плохих воинов в округе Циньфэнлу (были сокращены местные формирования в округе Циньфэнлу).

3) Война. По той же причине, что и в предыдущем случае, часть сообщений посвящена описанию боевых действий, таких как осада, сражения, нападения противников, отвоевание территорий и т.п. Количество обнаруженных сообщений — 39.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1119	庚寅，童贯以鄜延、环庆兵大破夏人，平其三城。	В день <i>гэн-инь</i> Тун Гуань, возглавив войска Фуяня и Хуаньцина, нанес крупное поражение армии Ся, подавил три их города.

4) Бедствие. Составители хроник с особой тщательностью фиксировали разного рода стихийные бедствия: нашествие саранчи, голод, засуху, наводнения, пожары. Такие события считались дурными предзнаменованиями. Сообщение о самом бедствии часто сопровождалось коротким описанием его последствий. Количество сообщений — 34.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
155	河东地震, 京畿蝗, 江、淮、两浙、湖南、福建旱。	В провинции Хэдун было землетрясение, в столичной области — саранча, в Цзян, Хуай, двух Чжэ, Хунане, Фуцзяне — засуха.

5) Внутренняя политика. К данному типу мы отнесли сообщения, имеющие отношение к власти и непосредственно борьбе за нее. Это могут быть сообщения о назначении наследника, смещении первых министров, обвинения чиновников в заговорах и т.п. Количество обнаруженных сообщений — 260.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
218	甲戌, 以御史钱遹、石豫、左肤及辅臣蔡京、许将、温益、赵挺之、张商英等言, 罢元佑皇后之号, 复居瑶华宫。	В день <i>цзя-сюй</i> из-за слов <i>юйши</i> Цянь Юй, Ши Ю, Цзо Фу, а также министров Цай Цзина, Сюй Цзяна, Вэнь И, Чжао Тинчжи, Чжан Шаньина лишил титула императрицу Юанью, она вновь была отправлена на проживание во дворец Яохуагун.

6) Генеалогия. К этому типу событий относятся сообщения о смерти отдельных личностей, упомянутых в хронике *Сун Ши*, это могли быть как члены императорского дома, так и чиновники. Количество обнаруженных сообщений — 23.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
346	丁未, 贤妃张氏薨。	В день <i>дин-вэй</i> умерла <i>сяньфэй</i> госпожа Чжан.

7) Астрономические явления. Разного рода астрономические явления фиксировались также тщательно, как и бедствия. Однако в отличие от бедствий, могли считаться как дурным знаменем, так и благоприятным. Количество обнаруженных сообщений — 35.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
38	夏四月丁酉朔, 日有食之。	В день <i>дин-ю</i> четвертого месяца летом, когда было новолуние, было солнечное затмение.

8) Природа. Сообщения, относящиеся к данному типу, описывают различного рода природные явления. Также, как и астрономические явления, они рассматривались либо как благоприятное, либо как дурное знамение. Количество сообщений — 37.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
636	戊辰, 大雨雹。	В день <i>у-чэнь</i> шел сильный град.

9) Назначения, увольнения, понижения. Как уже было сказано выше, к моменту начала правления Хуэй-цзуна, в империи уже сложился разветвленный бюрократический аппарат. Поэтому в хронике фиксировались назначения чиновников на различные должности, в основном на высшие посты, увольнения и понижения — любые перемещения по карьерной лестнице. В хронике встречаются сообщения как об одиночных, так и о групповых переназначениях. Количество обнаруженных сообщений: назначения — 173, увольнения — 39, понижения — 19.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
113	丁巳, 贬章敦为雷州司户参军。	В день <i>дин-сы</i> Чжан Дунь был понижен до должности <i>сыху-цаньцзюнь</i> области Лэйчжоу.

10) Ритуал. К данному типу относятся сообщения о событиях ритуального характера: жертвоприношения, подношения, посещения храмов, посмертные возведения в титул, присвоение посмертных имен и т.п. Количество сообщений — 152.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
119	甲午, 上大行皇太后谥曰钦圣宪肃。	В день <i>цзя-у</i> покойной вдовствующей императрицы было присвоено посмертное почетное имя Циньшэн-сяньсу.

11) Суд. К этому типу были отнесены все события, связанные с судопроизводством, изменением законов, переписью узников и амнистиями заключенных. Количество обнаруженных сообщений — 108.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
188	辛酉，虑囚。	В день <i>синь-ю</i> проведена перепись узников.

12) Титулование. Сообщения данного типа описывают события, касающиеся изменений в титуле или ранге чиновников, здравствующих членов императорской семьи, а также некоторых вассалов Сун. Обычно такого рода события не были связаны с перемещениями по должности, таким образом, этот тип событий можно четко отделить от «назначений». Количество обнаруженных сообщений — 67.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
576	戊寅，徙封向宗回为汉东郡王，向宗良为开府仪同三司。	В день <i>у-инь</i> Сян Цзунхуэю был пожалован титул Ханьдун-цзюньвана, Сян Цзунляну — титул Кайфу-итунсаньсы.

13) Дипломатия. К этому типу мы отнесли сообщения, которые описывают взаимоотношения Северной Сун с ее соседями: как независимыми государствами, так и вассалами. Количество сообщений — 78.

Пример:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
115	乙丑，辽使萧恭来告其主洪基殂，遣谢瓘、上官均等往吊祭，黄寔贺其孙延禧立。	В день <i>и-чоу</i> из Ляо прибыл посол с сообщением о кончине правителя Хун Цзи, Се Гуань и Шан Гуаньцзюнь были отправлены [в Ляо] почтить память покойного, Хуан Ши был направлен поздравить его внука с восшествием на престол.

14) Экономика. К этому типу мы отнесли сообщения, в которых речь шла о распределении экономических ресурсов, о помощи пострадавшим от стихийных бедствий, о чеканке новых монет и введении налогов. Количество сообщений — 49.

Примеры:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
248	丙子，置诸路茶场。	В день <i>бин-цзы</i> во всех округах были организованы чайные плантации.
297	戊子，铸当十大钱。	В день <i>у-цзы</i> была отчеканена большая монета номиналом в десять <i>цянь</i> .

15) Прочее. Это события, которые не относятся ни к одному из вышеперечисленных типов. Количество сообщений — 13.

Примеры:

№	Событие (оригинал)	Событие (перевод)
1094	黄岩民妻一产四男子。	В Хуаньянь жена простолюдина родила сразу четырех сыновей.
664	二月庚午朔，禁然顶、炼臂、刺血、断指。	В день <i>гэн-у</i> второго месяца, когда было новолуние, были запрещены <i>жаньдин</i> , <i>ляньби</i> , кровопускание, <i>дуаньчжи</i> (медицинские практики).

Таким образом, мы выделили типы событий, которые помогут нам понять содержание политических процессов в рассматриваемый период.

Теперь обратимся к графикам (рис. 3.1 и 3.2), которые отражают динамику событий по типам, рассмотрим изменения динамики событий по типам в выделенные переломные годы.

Мы видим, что эти годы характеризуются ростом событий разных типов. На 1106, 1110 и 1118 г. приходится рост административных и внутривластных событий. Кроме того, в 1110 и 1118 г. также растет количество экономических событий, происходит рост назначений и увольнений — всё это является признаками реальной власти, в противовес сакральной, которая обычно характеризуется ростом ритуальных событий и титулований [6]. Однако в 1110 и 1118 г. также растет количество событий ритуального характера. В этом смысле примечателен 1106 г., так как именно тогда количество событий ритуального характера, находится в обратной корреляции с графиком императора. Впервые это происходит в 1102 г., что позволяет выделить этот год в качестве еще одной точки перелома. Таким образом, мы можем предположить, что в эти два года император еще не был полностью вытеснен в сакральную сферу и в некоторой степени обладал реальной властью. В 1110 и 1118 гг., которые мы выделили в качестве переломных, действия императора коррелируют с событиями ритуального характера, и это продолжается до его отречения от трона. Поэтому мы делаем вывод, что изменения в эти годы связаны не с обретением реальной власти, а с чем-то другим. Как уже отмечалось выше, в эти годы растет количество увольнений и назначений, это может свидетельствовать о том, что происходит борьба между чиновниками, в результате чего одна группировка приходит на смену другой, император мог быть лишь марионеткой в руках своего окружения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы выделили четыре переломные точки в правлении Хуэй-цзуна и теперь можем составить периодизацию его правления.

Первый период правления Хуэй-цзуна — 1100–1102 гг. Он приходит к власти, и начинается борьба за удержание этой власти. Хуэй-цзуну удается одержать победу, однако на этом борьба не прекращается.

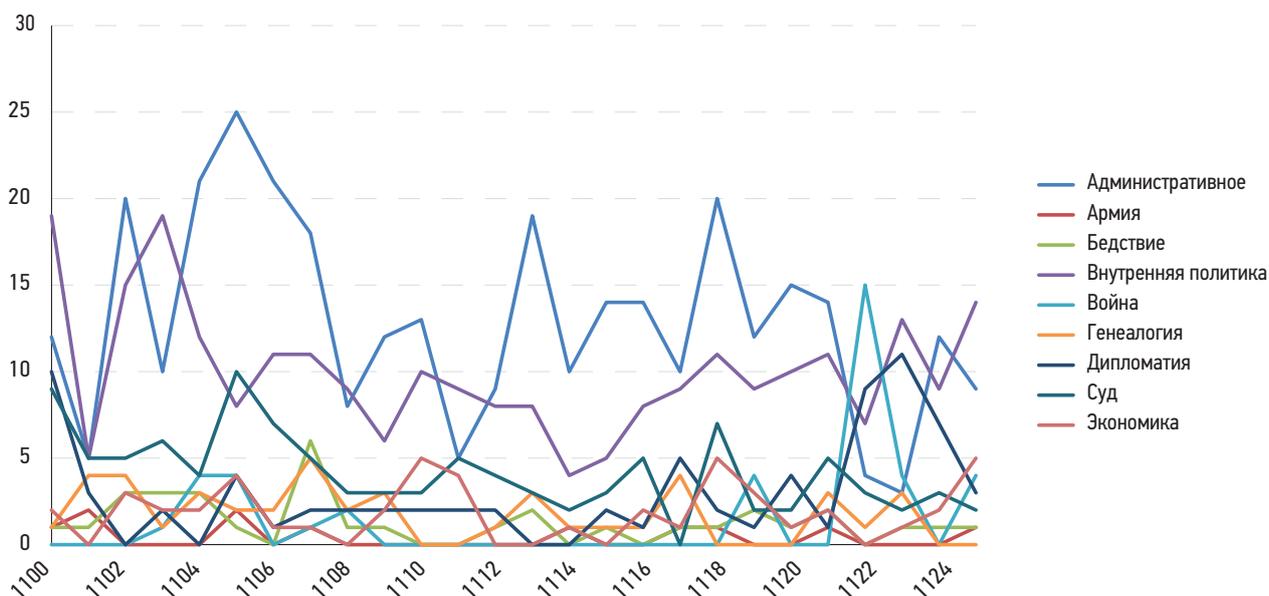

Рис. 3.1. Динамика событий по 9 типам

Второй период — 1102–1106 гг.: идет борьба за возможность реализации власти, однако императору не удается удержать в своих руках реальную власть, и он вытесняется в сакральную сферу, о чем говорит последующая корреляция графика активности императора с графиком ритуальных событий.

Третий период — 1106–1110 гг., а также четвертый — 1110–1118 гг. и пятый — 1118–1125 гг.: в это время император вытеснен в сакральную сферу, а борьба, скорее всего, идет между группировками чиновников, которые в 1125 г. вынудили императора передать власть своему сыну.

Выделенные нами в правлении Хуэй-цзуна годы переломных моментов исторического процесса также являются годами смены его девизов. Для наглядности представим сопоставление периодизации на основе девизов

с периодизацией на основе внутриполитической борьбы в виде табл. 2.

Из таблицы видно, что составленная нами периодизация практически полностью совпадает с периодизацией на основе девизов. Это позволяет сделать вывод, что смена девизов правления связана с реальными изменениями во внутренней политике, а именно с борьбой за реальную власть сначала императора с чиновниками, а потом чиновников между собой. Также видно, что девизов правлений больше, чем теоретических этапов в стандартном правлении монарха, в первую очередь из-за политической борьбы: если не удавалось реализовать основную цель этапа (например, реализацию власти), то этот этап мог повторяться под другим девизом.

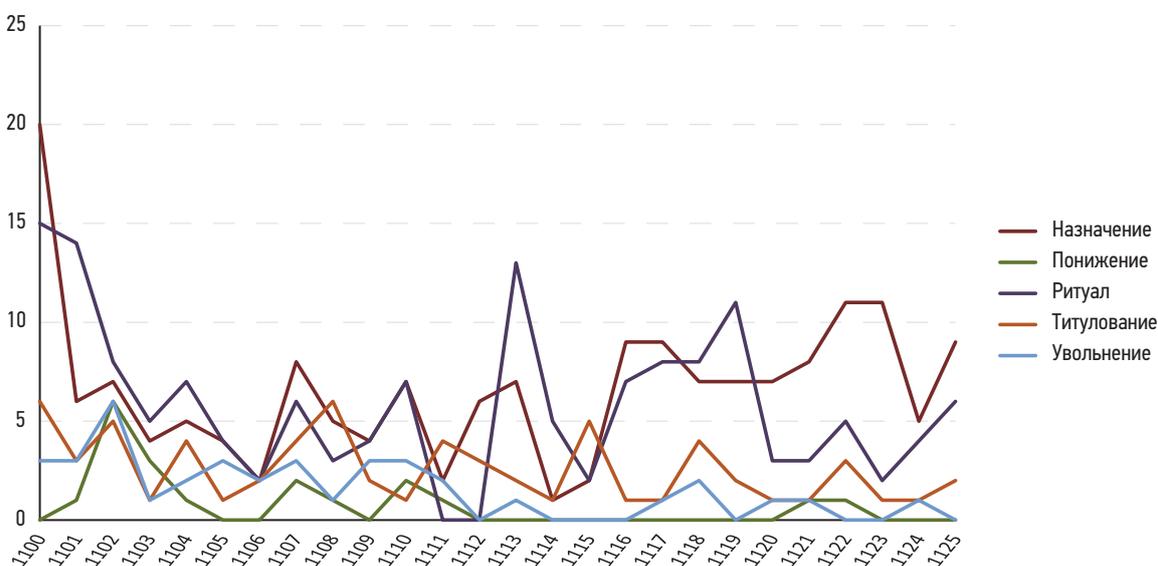

Рис. 3.2. Динамика событий по 5 типам

Таблица 2. Сопоставление периодизации девизов с периодизацией процессов

Этап	Хронологические рамки этапа	Описание этапа	Девиз правления
1	1100–1102	Восшествие на императорский престол, борьба за удержание власти	Цзяньчжунцзинго 建中靖国 1101
2	1102–1106	Борьба за реализацию власти, вытеснение императора в сакральную сферу	Чуннин 崇寧 1102–1106
3	1106–1110	Император находится в сакральной сфере, борьба за власть между чиновниками или группировками чиновников	Дагуань 大觀 1107–1110
4	1110–1118	Император находится в сакральной сфере, борьба за власть между чиновниками или группировками чиновников	Чжэнхэ 政和 1111–1118
5	1118–1125	Император находится в сакральной сфере, передача власти сыну Цинь-цзуну	Чунхэ 重和 1118–1119
6			Сюаньхэ 宣和 1119–1125

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Levine A.D. The Reigns of Hui-tsung (1100–1126) and Ch'in-tsung (1126–1127) and the Fall of the Northern Sung. In: *The Cambridge History of China. Vol. 5. Part 1: The Sung Dynasty and Its Precursors 907–1279*. Twitchett D., Smith P.J., ed. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 556–561.
2. Ebrey P.B. *Emperor Huizong*. New York: Harvard University Press, 2014. P. 471–474.
3. Кравцова М.Е. Империя Северная Сун (960–1127) // *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 4: Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279)*. М.: Наука, 2016. С. 137–273.
4. Комаров Д.А. Динамика смены региональных элит при дворе императоров Северной Сун // *Общество и государство в Китае*. 2012. Т. 42. № 3. С. 75–77.
5. Комаров Д.А. Чиновничество в период Северная Сун: формирование элиты нового типа и смена парадигм развития // *Общество и государство в Китае*. 2013. Т. 43. № 1. С. 205–221.
6. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: *Отголосок прошедшего в будущем*. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
7. Целуйко М. С. Политические институты древней Восточной Азии эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.): между внутренней и внешней политикой // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2019. № 3. С. 204–222.
8. Song shi. Chinese Text Project. Доступ по ссылке: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=975976>.
9. Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». В кн.: Ковальченко И.Д. Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 143–187.

REFERENCES

1. Levine AD. The Reigns of Hui-tsung (1100–1126) and Ch'in-tsung (1126–1127) and the Fall of the Northern Sung. In: *The Cambridge History of China. Vol. 1: The Sung Dynasty and Its Precursors 907–1279*. Twitchett D, Smith PJ, editors. New York: Cambridge University Press; 2009;1:556–644.
2. Ebrey PB. *Emperor Huizong*. New York: Harvard University Press; 2014. P:471–474.
3. Kravtsova ME. Imperiya Severnaya Sun. In: *History of China: from Ancient Period to the Beginning of the XXI Cent. Vol. 4: The Period of the Five Dynasties, the Song Empire, the States of Liao, Jin, Xi Xia (907–1279)*. Moscow: Nauka; 2016;4:137–273. (In Russ).
4. Komarov DA. Dynamics of Change of Regional Elites at the Court of the Northern Song Emperors. *Society and State in China*. 2012;42(3):75–77. (In Russ).
5. Komarov DA. Bureaucracy in the Northern Song: Forming a New Type of Elite and Changing Development Paradigms. *Society and State in China*. 2013;43(1):205–221. (In Russ).
6. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgosok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).
7. Tseluyko MS. Political Institutions of the Ancient East Asia in the Chunqiu Period (VII–V B.C.): Between the Internal and External

Politics). *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2019;(3):204–222. (In Russ).

8. Song shi. Chinese Text Project. Available from: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=975976>. (In Chinese)

9. Deopik DV. Opyt kolichestvennogo analiza drevnei vostochnoi letopisi "Chun Qiu". In: Kovalchenko ID. *Mathematic Methods in Historical, Economic and Cultural Studies*. Moscow; 1977. P:143–187. (In Russ).

ОБ АВТОРЕ

Кожухов Александр Юрьевич;

адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая 20;

e-mail: norenoren@yandex.ru

AUTHOR INFO

Alexander Yu. Kozhukhov;

address: 20 Myasnitskaya ul., 101000 Moscow, Russia;

e-mail: norenoren@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

Рецензия на книгу Тэн Миньюй «Культура Цинь с археологической перспективы: от удельного государства до империи»

М.С. Целуйко

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Рецензия посвящена книге китайской исследовательницы Тэн Миньюй по археологической культуре древнекитайского царства Цинь (滕铭予. 秦文化: 从封建国到帝国的考古学观察. 北京, 2003. 216 页). Автор вводит понятие археологической культуры Цинь и исследует ее, в первую очередь, на основе изучения погребений. В книге классификация погребений проведена по основным устойчивым признакам, таким, как пространственная ориентация, труположение, погребальный инвентарь и т.д. Прослеживаются изменения культуры, представленной в хронологическом порядке (периодизация) и в пространственном распределении (районирование). По изменению в погребальной традиции автором делаются выводы относительно изменения основной социальной единицы и способа формирования правящего класса царства Цинь. Рецензия, в свою очередь, рассматривает данное исследование с точки зрения логичности и последовательности основных понятий и методов, полноты проанализированного материала и восприятия этого исследования в мировой синологии.

Ключевые слова: археология; Цинь; древний Китай; погребения; погребальная традиция; археологическая культура.

Как цитировать

Целуйко М.С. Рецензия на книгу Тэн Миньюй «Культура Цинь с археологической перспективы: от удельного государства до империи» // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

A Review of Teng Mingyu's Book «The Qin Culture from an Archaeological Perspective: From Unitarian State to Empire»

Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This review discusses a book by a Chinese scientist Teng Mingyu devoted to the archaeological culture of the ancient Chinese Qin state (滕铭予. 秦文化: 从封建国到帝国的考古学观察. 北京, 2003. 216 頁). The book introduces the notion of Qin archaeological culture and studies is based on the research of burial tradition and correspondent excavation reports. The classification of the graves is built on the set of stable characteristics, such as spatial orientation, corpse positioning, types of grave goods, etc. The changes of the archaeological culture in question are traced chronologically (periodization of the culture) and spatially (zoning of the culture). The resulting changes of the culture are interpreted as a transformation of the basic social unit of Qin society and are also deemed consequential to the changes of the ruling class formation process in Qin. The review, in its turn, studies the logic and consistency of the foundational notions and main methods of the book, the entirety of the archaeological material presented by the book, and the reception of this important research in global sinology.

Keywords: archaeology; Qin; ancient China; burials; mortuary practice; archaeological culture.

To cite this article

Tseluyko MS. A Review of Teng Mingyu's Book «The Qin Culture from an Archaeological Perspective: From Unitarian State to Empire». *China: Society and Culture*. 2022;1(1):115–122. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

Received: 11.03.2021

Accepted: 15.06.2021

Published: 04.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

书评腾铭予 “From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture ” (从诸侯国到帝国。秦文化的考古学考察)

Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

抽象的

该书评是对中国研究学家腾铭予关于中国古代秦国考古文化的著作（腾铭予. 秦文化：从封建国到帝国的考古学观察. 北京：2003. 216 頁). 作者首先在对墓葬研究的基础上，介绍了秦考古文化的概念并对其进行了研究。书中根据墓葬的主要固定特征，如空间方位、尸位、墓葬器具等进行了分类。追踪文化的变更，按时间顺序（阶段）和空间分布（区域化）呈现。根据墓葬传统的变化，作者得出秦国主要社会单位的变化和统治阶级形成方式的结论。评论反过来又从逻辑和方法的一致性、分析材料的完整和对研究的感知的角度来看待这项研究。

关键词： 考古学；秦；古代中国；葬礼；丧葬传统； 考古文化。

如何引用文章

Tseluyko MS. 书评腾铭予 “From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture ” (从诸侯国到帝国。秦文化的考古学考察). *China: Society and Culture*. 2022;1(1):115–122. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch81807>

收到: 11.03.2021

接受: 15.06.2021

发布日期: 04.10.2021

Книга китайской ученой Тэн Миньюй «Культура Цинь»¹ вышла в 2003 г. [1], но актуальна до сих пор. Причина этого, прежде всего, в собранной и упорядоченной в ее приложениях археологической информации о циньских могилах. Она претендует на генеральную совокупность всей погребальной традиции царства Цинь. Таким образом, в этой книге под одной обложкой представлен некий вариант подведения итогов археологического изучения этого государства в XX веке.

Научный контекст книги, основные предпосылки и выводы

Данная книга не уникальна, но написана по определенному стандарту и с опорой на длительную предварительную работу китайской археологии по постановке научных проблем. В 2001 г. вышла книга с похожим названием — «Культура Цинь» (秦文化), авторы — Ван Сюэли 王学理 и Лян Юнь 梁云 [2].

Разница между этими двумя книгами существенна. Труд Тэн Миньюй — это исследование археологической культуры Цинь. Структура книги выстроена семью разделами (чжан 章), два первых посвящены вводно-методологическим темам, следующие четыре раздела — это последовательное изложение изменений археологической культуры Цинь от ее начала к империи Западная Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.). И последний раздел — это заключение и выводы. В то же время Ван Сюэли и Лян Юнь написали в большей степени обзор китайских археологических исследований Цинь. После вводного раздела следуют обзоры китайской археологии по Цинь: за 30-е, 50–60-е, 70–80-е, 80–90-е и 90-е годы прошлого века.

Однако ключевые моменты, по которым выстраивается изложение материала, сходны, что выдает одну модель проблемного поля, лежащую в основе данных исследований. Это понятие «[археологической] культуры Цинь», периодизация этой культуры, проблема ее происхождения, погребальная традиция Цинь, столицы Цинь, основные выдающиеся находки, такие как мавзолей Цинь Шихуанди и бамбуковые планки с надписями. Рассмотрим несколько из этих тем, самых важных.

Прежде всего, понятие (археологической) культуры Цинь лежит в основе обоих трудов и входит в их названия. Но и здесь есть различия в подходе и понимании. Более ранняя книга Ван Сюэли и Лян Юнь рассматривает культуру Цинь в первую очередь археологически и этнографически. Для них археологическая культура Цинь — это «существующие в определенное время, распространенные на определенном пространстве, в основном изготовленные и использованные этническими циньцами и соответствующими коллективами людей и имеющие своеобразие остатки археологической культуры» [2]. Как видно, определение ссылается само на себя: культура — это остатки культуры. Тэн Миньюй дает похожее определение: «распространенные в определенном

районе, существующие в определенное время, имеющие общие особенности остатки человеческой деятельности» (с. 3). Однако контексты этих определений даются учеными по-разному, что указывает на их различные приоритеты в исследованиях. Циньский этнос, полагаемый в первом труде составной частью понятия культуры Цинь, у Тэн Миньюй исчезает. Предпосланное ею краткое изложение истории государственности Цинь (с. 2–3) показывает, что для нее исследование культуры Цинь является средством для исследования государственности Цинь в частности и Восточной Азии в древности вообще, как, впрочем, и заявлено в названии ее книги. Такое ретроспективное понимание циньской культуры следует из знания о том, какую роль сыграло государство Цинь в понимании империи, но напрямую из археологического материала, по словам самой Тэн Миньюй, вытекает нечто обратное: принятая в традиционной китайской историографии периодизация государственности не всегда совпадает с периодизацией археологической культуры Цинь. Так она сама говорит об отсутствии изменений в циньской погребальной традиции в момент воцарения империи Хань: «Несмотря на то, что датировка этих погребений уже входит в начальный период Западной Хань, однако в каждой отдельной могиле нет очевидных изменений, вызванных политической, династической сменой» (с. 121). Таким образом, можно четко понять цель работы Тэн Миньюй, которая состоит в том, чтобы показать, как она, собственно, и говорит, развитие Цинь от «малого удела» до централизованной «империи» (с. 1). Таким образом, автор преднаходит и периодизацию истории государственности, и понятийный контекст своего исследования уже выведенными, терминологически устоявшимися в рамках определенного традиционного видения истории. И ее исследование посвящено именно поиску «отражения наблюдаемых изменений государственной системы в археологическом материале» (с. 121). При этом сами эти изменения мыслятся как уже известные, совершившиеся в процессе перехода от «удельного государства к империи» (с. 3).

Естественно, что при таком подходе давний и сложный научный вопрос о происхождении циньцев решается автором однозначно: ранний этап культуры Цинь имеет «большую схожесть с находившейся к востоку от него культурой Западного Чжоу, чья экономика опиралась в основном на сельское хозяйство, вплоть до того, что культуру Цинь можно считать местной версией чжоуской культуры, а также нельзя обнаружить никаких доказательств ее «жунского» происхождения или кочевого образа жизни», соответственно, циньцы «не могли происходить с запада» (с. 56). Эти выводы делаются на основании керамики, полученной в основном из анализируемых могил с кладбища циньского раннего поселения Маоцзяпин 毛家坪 (с. 49–55). Не хотелось бы создавать у читателей впечатление, что мы подвергаем этот вывод

¹ Полное название в переводе звучит так: «Культура Цинь в археологической перспективе: от феодального государства (вариант: удельного государства) к империи».

сомнению или имеем на этот счет собственную позицию, отличную от вышеприведенной, однако следует указать, что исследуемая Тэн Миньюй в своей книге погребальная культура — это культура в основном элитарная, относящаяся к тем людям, которые могли себе позволить дорогостоящий обряд, иногда — бронзовые предметы в погребении, глубокую могилу, гроб, саркофаг, захоронение на родовом кладбище. Таким образом, выводы, делаемые автором, ограничены характером выборки археологического материала для анализа. Можно ли распространять результаты, полученные на основании анализа элитных погребений, на всю данную группу, называемую учеными «циньцами», если включить сюда простонародье, жившее в те времена в землянках, полуземлянках и пользовавшееся всё еще каменными орудиями труда?

Однако в китайской науке принято, что есть две версии происхождения циньцев — «западная» и «восточная». Первая состоит в том, что «циньцы» — это дикие варвары-жуны с земель к западу от гор Люпаньшань 六盘山, а вторая — в пересказе *Ши цзи* Сыма Цяня о том, что предки циньцев служили еще легендарной «династии Ся», потом государствам Шан и Чжоу и последними были направлены «на запад» откуда-то с востока [3]². Автор выбирает между этими двумя, не выдвигая своей. Это характеризует подход автора к исторической интерпретации археологического материала. Он состоит в том, что все возможные способы интерпретации материала уже даны и преднайжены автором в китайской науке — ведь, напомним, вся культура Цинь движется «от малого удела к централизованной империи» и данный процесс уже известен и рассмотрен, поэтому остается только задача интерпретации материала в рамках уже известного. Или перефразируя: как нечто уже известное из традиционной историографии отражается на археологическом материале? В рамках этого подхода автором и делаются крупные выводы своего исследования. В начале последнего раздела книги говорится: «Как и указано в первой главе данной книги, Цинь Шихуанди объединил шесть государств, взяв за образец свою собственную политическую систему, создал первую в истории Китая централизованную империю, осуществил переход от древнекитайской государственности, от удельной (феодальной) государственности к империи, перешел от удельного кровно-родственного древнекитайского политического устройства, основывавшегося на родовой системе к территориальному политическому устройству, основанному на не кровно-родственных связях» (с. 156). И далее там же сказано в отношении принципа формирования правящей элиты: «перешли от наследственной системы к меритократии». Эти выводы относительно сущности циньской системы после реформ Шан Яна сделал еще Ян Куань в своей книге по истории эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.), изданной в 1955 г. [4].

Почему же автор не рассматривает свое исследование археологического материала как возможность сказать нечто новое о самом историческом процессе? Для ответа на этот вопрос рассмотрим подробнее метод автора.

Метод рассмотрения археологического материала

Как уже сказано выше, основной тип материала, по которому автор восстанавливает процессы, шедшие в недрах археологической культуры Цинь, — это погребальная традиция, единичным представителем которой является отдельная могила. Для того, чтобы обосновать свои утверждения, автор собирает в приложения к своей книге таблицу из данных по 636 могилам, принадлежащим к циньскому типу (с. 162–212). И распределяет их по 10 периодам и 6 районам (с. 28). В таблице также указаны стандартные признаки могилы — ориентация, труположение, возраст покойного, особенности обряда (наличие гроба, саркофага, особенности погребального инвентаря). Шесть районов, по которым классифицированы могилы, располагаются с запада на восток по течению реки Вэйхэ 渭河.

1. Тяньшуй 天水 — район к югу от впадения реки Хулухэ 葫芦河 в реку Вэйхэ, на правом берегу Вэйхэ к западу от гор Люпаньшань, в этом районе — 28 могил.
2. Чанлун 长龙 — район к северу и северо-востоку от реки Цяньшуй 泜水, в этом районе — 200 могил.
3. Баоцзи 宝鸡 — район долины реки Цяньшуй 泜水 (так же называется Цяньхэ 泜河), непосредственно к востоку от гор Люпаньшань, в этом районе — 134 могилы.
4. Сиань 西安 — район вокруг одноименного города, столицы провинции Шэньси 陕西, в этом районе — 232 могилы.
5. Тунчуань 铜川 — район к северу от Сиани, теперь там течет река Шичуаньхэ 石川河, в этом районе — 25 могил.
6. Дали 大荔 — в нижнем течении реки (северной) Лохэ 洛河, с севера впадающей в р. Вэйхэ (не путать с другой, одноименной Лохэ 洛河, которая находится к востоку, в провинции Хэнань 河南, на которой стоит Лоян 洛阳, и которая впадает в Хуанхэ с юга), в этом районе — 40 могил.

Что касается периодизации, то ничто так хорошо не показывает ее преднайденность автором (также и с основными понятиями исследования), как тот факт, что для культуры Цинь не создается ее собственная периодизация³, а используется стандартная китайская археологическая периодизация:

1. Раннее Западное Чжоу,
2. Среднее Западное Чжоу,
3. Позднее Западное Чжоу,
4. Раннее Чуньцю,

² У автора рецензируемой книги тоже есть краткое изложение этих двух версий (с. 56).

³ За исключением объединения в один период периода «Позднее Чжаньго» и периода «Империя Цинь».

5. Среднее Чуньцю,
6. Переход от позднего Чуньцю к раннему Чжаньго,
7. Раннее Чжаньго,
8. Среднее Чжаньго,
9. Позднее Чжаньго,
10. Начало империи Западная Хань (с. 28).

Каждый период насчитывает от 80 до 100 лет. Естественно, что эта периодизация совершенно не привязана к истории собственно царства Цинь и по ней невозможно соотнести политический процесс (событийную историю) и археологически выделяемые процессы⁴. Эта периодизация также абсолютно не завязана и на морфологию циньской керамики, она предельно условна и не отражает никакой, собственно, циньской динамики⁵. Соответственно, огромный труд автора книги по выделению изменений циньской культуры каждого из 6 районов от одного периода к другому остается в какой-то степени вещью в себе, которую невозможно интерпретировать в рамках динамики истории, известной нам по традиционным источникам (прежде всего по *Ши цзи* Сыма Цяня). Сами эти изменения циньской культуры разделяются автором на две группы:

1) касающиеся «базовой социальной организации» Цинь,

2) относящиеся к формированию правящего класса.

Первая группа изменений выводится с помощью рассмотрения того, как именно на территории Цинь соседствуют с циньской погребальной традицией погребения выходцев из других царств. В Западное Чжоу с циньцами живут только циньцы. В позднее Чуньцю в одних с циньцами поселениях начинают жить и выходцы из других царств. В Позднее Чжаньго они уже не только живут в одних и тех же поселениях с циньцами, но и хоронят своих мертвых на одних с циньцами кладбищах (с. 157). В основном разделение могил по разным погребальным традициям происходит на основании всего двух признаков: ориентации могилы по сторонам света и труположению.

Вторая группа изменений выводится на основании исследований погребального инвентаря: керамики и бронзовых предметов. По соотношению наличия в могилах оружия, с одной стороны, и упорядоченной ранговой чжоуской системы сосудов *дин* 鼎 и *зуй* 簋, с другой, автор обнаруживает людей, в могилах которых бронзовое оружие было (и следовательно, они относились к элите, выдвинувшейся с помощью воинских деяний), но строгая система чжоуской ранговой системы сосудов не соблюдалась. Следовательно, они не были наследственными аристократами. И это наблюдается уже в эпоху Чуньцю. С конца же эпохи Чуньцю наблюдается распад системы чжоуского рангового погребального ритуала (с. 158). Таковы чисто археологические результаты распределения

единиц археологической информации по районам и периодам, блестяще выполненного автором рецензируемого труда.

Метод исторической интерпретации археологических результатов

Естественно, эти результаты надо как-то интерпретировать, несмотря на вышеописанные трудности соотнесения этой археологической информации с политической. Для этого автор использует те концепты традиционной и современной историографии Китая, которые уже заданы в ней. И вывод делается такой: Цинь сначала запоздало с формированием «удельного» государства, а поэтому в нем не сформировалась такая «закрытая» элита, как в других царствах. Что облегчило переезд в Цинь (и интеграцию в элиту Цинь) представителей иных царств и создание «территориальной модели» (жизнь на одной территории) социальной организации, вместо «родовой» (происхождение от одного рода). Так как иммигранты циньцами не были, то и не были связаны с ними по крови. Поэтому и возникла «территориальная модель» базовой социальной организации в Цинь раньше, чем в других царствах, поэтому Цинь и покорило их все (с. 156–157). А так как «кровно-родовая» модель отбора людей в правящий класс в условиях взаимодействия с неродственной элитой действовать не могла, то это облегчило переход к меритократии (с. 158–159). Если рассмотреть это все последовательно, то получается, что Цинь одновременно было и более отсталым, и более прогрессивным, однако это противоречие данной объяснительной модели нигде не эксплицируется и никак не объясняется. Тем не менее необходимо помнить, что базовые понятия «открытости», «меритократии» и т.д. были заложены задолго до наших дней еще древними интерпретаторами концепции «легизма» и «объединения шести государств». Еще ханьская традиция интерпретации истории предшествующей эпохи Чжаньго сформулировала эти концепты, и она же полагала Цинь более «отсталым», «подобным [варварам] *жунам* и *ди*». Неудивительно, что, наследуя аппарат интерпретации этой традиции, исследователи неосознанно и неявно наследуют и ее идеологему «отсталого» и «варварского» Цинь. Но также необходимо понимать, что существующая в нынешнем Китае концепция исторического прогресса родственна историческому материализму, царствовавшему когда-то безраздельно и в отечественной науке. А в рамках истматовского подхода, **отсталое** царство не может победить. Победить и объединить должно **прогрессивное**. Именно таким образом и формируется указанное выше противоречие. Это, естественно, является следствием гибрида традиционной имперской историографии, где древний термин *фэн* 封 («наделить уделом») стал составной частью термина *фэнцзянь* 封建

⁴ Тэн Минъюй эти процессы понимает не столько как этнические, сколько как социальные, называя их процессами изменений «базовой социальной организации» Цинь (с. 157).

⁵ Для того, чтобы связать эту археологическую периодизацию и реальную историю царства Цинь, я провел отдельное исследование, соотнеся периоды по могилам с моментами смены столиц, для каждой из которых есть точная дата, см.: [5].

«феодализм», заимствованного китайской наукой вместе с марксизмом⁶.

Проблема метода как проблема выборки

Использование результатов и метода труда значительного китайского ученого Тэн Минъюй для других исследований осложнено еще одним фактом, а именно странностью в отборе материала. Несмотря на то, что книга имплицитно претендует на то, чтобы изложить в своих приложениях весь археологический материал погребальной традиции Цинь, однако на самом деле это не так. К 2010 г. найденных захоронений было уже не меньше 900 [7]. Но еще на период написания рецензируемого труда циньских могил было уже известно больше, чем 636, которые входят в приложения автора. Недостаток времени и места мешает нам рассмотреть все публикации по всем выделенным в книге районам к 2002 г., в самом конце которого вышло первое издание рассматриваемого труда. Поэтому мы ограничимся только примером, для которого возьмем самое раннее из известных циньских поселений — уже упоминавшийся выше памятник Маоцзяпин. Основным источником данных для нас будет публикация отчета о раскопках этого памятника от 1987 г. [8]. Автор рассматриваемой книги так же ссылается на этот отчет (с. 57), поэтому мы точно знаем, что он не был случайно упущен из поля зрения, а вполне использовался в книге. В ней в табличной форме описаны 16 могил из Маоцзяпина (с. 162–163). В то время как в самом отчете четко описаны 32 таких могилы, из них на кладбище Маоцзяпина найдены 22, а на территории поселения — 10 [8]. Понять, почему в гораздо более поздний труд Тэн Минъюй попала только половина всех могил этого памятника — невозможно. С одной стороны, 16 — это больше, чем могил на территории поселения, с другой — это меньше, чем могил на территории кладбища. Это проблема для всех, кто использует данные, обобщенные и агрегированные в рецензируемом труде. Из данного примера видно, что перед нами не генеральная совокупность известных ученым циньских могил на 2002 или 2001 г., а некая выборка. И она не просто не полна, а вообще не ясен принцип, по которому она производилась. Это само по себе является достаточным основанием для пересмотра всей работы и всех результатов и внимательного сличения таблиц данной книги с археологическими отчетами по раскопкам, которые в ней исследуются с целью установить и восполнить подобные лакуны исследования.

Рецепция исследования

Исследование Тэн Минъюй было тепло принято в западной синологии, на него ссылаются во многих посвященных Цинь статьях и сборниках. Для примера возьмем сборник статей «Рождение империи: еще раз о государстве Цинь»⁷ под общим авторством Ю. Пинеса (Yuri Pines) и редактурой других известных западных ученых, таких как Лотар фон Фалькенхаузен (Lothar von Falkenhausen), Робин Йейтс (Robin D.S. Yates), Гидеон Шелак (Gideon Shelach), вышедший через 10 лет после издания книги Тэн Минъюй в Китае, то есть в 2013 г. [9]. На страницах этого сборника его редакторская коллегия в кратком обзоре археологических находок современности по царству Цинь упоминает как раз ценность большого массива данных по археологическим исследованиям погребальной практики Цинь и ставит ссылку на рассматриваемый нами труд Тэн Минъюй. В общей сложности, в этом сборнике на эту книгу ссылаются 6 раз, включая саму Тэн Минъюй, написавшую одну из статей, вошедшую в сборник, которая называется также, как рецензируемая нами ее книга, и является по сути ее кратким пересказом [10].

Из этого видно, что современные западные исследователи Цинь непосредственно заимствуют агрегированную в табличном виде археологическую информацию по этому царству из рассматриваемой нами книги, вместе с ее выборкой и выводами, не производя ни необходимых восполнений выявленных нами лакун, ни анализа методов интерпретации полученной информации.

Научная полезность исследования

Даже учитывая все вышесказанное, рассматриваемая книга является первой по масштабу изученного материала по царству Цинь. Выборка из 636 могил, распределенных по районам и периодам, все же является очень большой (даже если в наши дни мы имеем уже как минимум в два раза большее количество в качестве генеральной совокупности) и выявляет вполне значимые тенденции в масштабах рассматриваемого восьмисотлетнего отрезка истории.

Однако самым главным и прорывным моментом книги является именно территориальный, то есть представление о том, что территория царства Цинь в доимперский период формировалась последовательно, а не возникла целиком, как представляется иногда

⁶ Идеологемы традиционной историографии в китайской науке иногда не осознаются как таковые, а попадают в одну группу с объективной хроникальной исторической информацией, так как не всегда происходит отделение истории мысли (то есть осмысления процессов) от истории государства (то есть самих процессов). Любопытным следствием этого выступает то, что, например, пятый раздел Ши цзи Сыма Цяня, посвященный царству Цинь, не был подвергнут такому источниковедческому исследованию и критике текста, каким, к примеру, являлось исследование А.А. Шахматовым русских летописей в начале XX в. Такое исследование не осуществлено до сих пор ни в китайской, ни в западной, ни в отечественной науке. Поэтому Тэн Минъюй на основе сообщений, источником которых является Ши цзи Сыма Цяня, ссылается напрямую на оригинал текста, а не на какие-то его исследования, в которых поздние идеологемы авторов были бы отделены от хроникальной информации ранних первоисточников. Исследование такого типа М.Ю. Ульянов провел для первых пяти глав Чуньцю Цзочжуань при издании своего перевода данной части этого памятника [6].

⁷ Полное оригинальное название: *Birth of an Empire: the State of Qin Revisited*.

по работам некоторых исследователей⁸. Именно работа Тэн Минъюй закладывает основания для четкого, последовательного, постадиального понимания процесса формирования царства в территориальном измерении, привнося в исследования Цинь то, в чем археология незаменима — репрезентацию пространственной

составляющей исторического процесса на массовом материале, а также отражение взаимоотношений завоевателей из Цинь с завоевываемым и покоряемым населением его формирующейся территории⁹. За это грядущие поколения ученых-синологов всегда будут благодарны автору рассматриваемого труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 滕铭予. 秦文化：从封建国到帝国的考古学观察. 北京, 2003. 216 頁 [Тэн Минъюй. Культура Цинь: от феодального государства к империи, археологическое исследование. Пекин, 2003. 216 с.]
2. 王学理, 梁云. 秦文化. 北京, 2001. 283 頁 [Ван Сюэли, Лян Юнь. Культура Цинь. Пекин, 2001. 283 с.]
3. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер., коммент. Р.В. Вяткин, В.С. Таскин. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 567 с. С. 15.
4. 杨宽. 战国史. 上海, 1956. 280 頁. 第 99 頁 [Ян Куань. История Чжаньго. Шанхай, 1956. 280 с. С. 99.]
5. Целуйко М.С. К вопросу формирования элит в Китае (на основе анализа погребений) // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 31–39.
6. Чунь цю Цзо чжуань: Комментарий Цзо к «Чуньцю» / исследование, пер. с кит. М.Ю. Ульянова. М.: Восточная литература, 2011. 335 с.
7. Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск, 2010. 216 с. С. 37.
8. 赵化成, 宋涛. 甘肃甘谷毛家坪遗址发掘报告 // 考古学报. 1987. № 3. 第 359–396 頁 [Чжао Хуачэн, Сун Тао. Отчет о раскопках на памятнике Маоцзяпин, уезд Ганьгу, пров. Ганьсу // Каогу сюэбао. 1987. № 3. С. 359–396.]
9. Pines Yu. *Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society)*. Berkeley, 2013.
10. Teng Mingyu. *From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture*. In: Pines Yu. *Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society)*. Berkeley, 2013. P. 71–113.
11. Целуйко М.С. Формирование территории метрополии царства Цинь с VIII по IV в. до н.э. // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. С. 124–176.

REFERENCES

1. Teng Mingyu. *Qin Culture in Archaeological Perspective: from a Feudal State to Great Empire*. Beijing, 2013. 216 p. (In Chinese)
2. Wang Xueli, Liang Yun. *The Qin Culture*. Beijing, 2001. 283 p. (In Chinese)
3. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski (Shi ji)*. Vyatkin RV, Taskin VS, trans., comment. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003;2:15. (In Russ).
4. Yang Kuan. *Zhanguo shi* [History of Zhanguo]. Shanghai; 1956. P.99. (In Chinese)
5. Tseluyko MS. On elite formation in China, based on the study of burials. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Istoriya, Filologiya* 2012;11(4):31–39. (In Russ).
6. Ulyanov MYu, transl., comment. *Chun Qiu Zuo Zhuan: The Commentary of Zuo on the Spring and Autumn Annals*. Moscow Vostochnaya literatura; 2011. 335 p. (In Russ).
7. Komissarov SA, Khachaturyan OA. *The Mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi*. Novosibirsk; 2010. P.37. (In Russ).
8. Zhao Huacheng, Song Tao. Gansu Gangu Maojiaping yizhi fajue baogao [The Report on Archaeological Excavations in Maojiaping in Gangu of the Gansu Province]. *Kaogu xuebao*. 1987;(3):359–396. (In Chinese)
9. Pines Yu. *Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society)*. Berkeley; 2013.
10. Teng Mingyu. *From Vassal State to Empire: An Archaeological Examination of Qin Culture*. In: Pines Yu. *Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society)*. Berkeley; 2013:71–113.
11. Tseluyko MS. Formation of the Qin State Territory in VIII–IV cc. BC). *Society and State in China*. 2019;49(1):124–176. (In Russ).

ОБ АВТОРЕ

Целуйко Максим Сергеевич;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32;
ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986;
e-mail: atharvan@mail.ru

AUTHOR INFO

Maxim S. Tseluyko;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-5396-3386; eLibrary SPIN: 6417-9986;
e-mail: atharvan@mail.ru

⁸ См., например: [9].

⁹ Подробнее об этом процессе см.: [11].

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

Рецензия на книгу Марка Льюиса (M.E. Lewis) «The Early Chinese Empires Qin and Han»

В.В. Башкеев

Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

АННОТАЦИЯ

В рецензии на книгу одного из ведущих американских ученых специалистов по китайской древности (Lewis M.E. *The Early Chinese Empires Qin and Han*. Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press, 2007) рассматривается научная ценность работы для мирового ханеведения и те научные и методологические традиции, которые лежат в ее основе. Проанализировав содержание книги и отдав должное ее сильным сторонам, рецензент на примере данной книги выступает с критикой некоторых аспектов методологии западной синологической исторической науки в изучении Древнего Китая (М.Э. Льюис является ярким ее представителем, выступая одним из фронтменов американской «классической» синологии) и ставит вопрос о продуктивности ее использования для получения знаний о китайской древности.

Ключевые слова: Древний Китай; государство Цинь; Западная Хань; Восточная Хань; историческая география; политическая история; культура; источниковедение; Хань шу; Ши цзи.

Как цитировать

Башкеев В.В. Рецензия на книгу Марка Льюиса (M.E. Lewis) «The Early Chinese Empires Qin and Han» // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 1. С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

A Review of the Book «The Early Chinese Empires Qin and Han» by Mark E. Lewis

Victor V. Bashkeev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The review of the book (Lewis M.E. *The Early Chinese Empires Qin and Han*. Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press, 2007) sums up the contents of the book and reviews its value for the world Han studies as well as those methods and research traditions of Western sinology in Ancient China studies which lay in the very base of the book creation. After paying respect to the advantages of the book, the author of this review discusses the effectiveness of methods used in the book for studying Chinese Ancient history.

Keywords: Ancient China; Qin; Western Han; Eastern Han; historical geography; political history; culture; source studies; Han shu; Shi Ji.

To cite this article

Bashkeev VV. A Review of the Book «The Early Chinese Empires Qin and Han» by Mark E. Lewis. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):123–130.
DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

Received: 04.03.2021

Accepted: 15.06.2021

Published: 27.05.2022

DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

Mark Lewis的书评 (M.E.Lewis) “The Early Chinese Empires Qin and Han ”

Victor V. Bashkeev

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

抽象的

美国著名的中国古代学者 (Lewis M.E. *The Early Chinese Empires Qin and Han*. Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press, 2007) 研究工作对世界范围内的科学价值及其背后的科学和方法传统。在分析了本书的内容并赞扬了其优点后, 评论家对西方汉学史学研究中国古代方法论的某些方面进行了批评 (M. E. Lewis是其中的突出代表, 作为美国“古典”汉学的先驱之一) 并提出了一个问题, 其有效性是用来获取中国古代知识的。

关键词: 古代中国; 秦国; 西汉; 东汉; 历史地理; 政治史; 文化; 来源研究; 汉书; 史记。

如何引用文章

Bashkeev V. Mark Lewis的书评 (M. E. Lewis) “The Early Chinese Empires Qin and Han “. *China: Society and Culture*. 2022;1(1):123–130. DOI: <https://doi.org/10.17816/Ch108290>

收到: 04.03.2021

接受: 15.06.2021

发布日期: 27.05.2022

Структура содержания и его краткий критический обзор

Книга М.Э. Льюиса [1] состоит из вступления (с. 1–5), десяти глав (с. 5–253), заключения (с. 253–267), приложений (с. 267–271), библиографии (с. 292–309) и указателей (с. 309–334)¹. Главы имеют следующие названия и содержание.

1. *The Geography of Empire* (с. 5) — «География империи». В ней дается общий обзор вмещающего ландшафта и политико-географического районирования древнего Китая от эпохи Восточная Чжоу (XI–III вв. до н.э.) вплоть до конца древности в III в. н.э. с акцентом на геологические и природные особенности региона. Затем в той же главе дается очень краткий обзор политической истории всего рассматриваемого периода с точки зрения китайского регионализма. Выглядит это странно, т.к. это вообще единственное место в книге, где хоть как-то представлена хронология правлений Ханьских императоров. Сделано это, правда, удивительно — сроки правления указаны только для трех из шести (!) императоров периода 202–87 гг. до н.э. (отмеченного как «подавление местных властей») — Вэнь-ди, Цзин-ди и У-ди, которые, очевидно, действительно подавляли «местные власти». Более того, далее ряд носителей высшей власти (Чжао-ди, Сюань-ди, Юань-ди, правившие с 87 по 33 г. до н.э.) не упомянуты вообще². При описании Восточной Хань, бывшей, по мнению М. Льюиса с 25 по 168 г. н.э. «в изоляции», упоминания удостоились только императоры Гуан-у-ди и Хэ-ди, остальные никак отмечены не были. После чего автор описывает период «милитаризма и раскола», 169–220 гг., где роль субъектов для императоров вообще не предусмотрена, а центральное место в повествовании предсказуемо занимают восстание Желтых повязок и действия их лидеров.

2. *A State Organized for War* (с. 30) — «Государство, созданное для войны». Де-факто в этой главе рассматривается причина успеха Цинь как завоевателя Китая, и кроется он, по мнению автора, как несложно догадаться, прежде всего, в строгой военной организации государства, построенного на фундаменте реформ Шан Яна и поставившего своей дальнейшей целью (уже при первом императоре Цинь — Шихуане) силовой диктат над остальными царствами посредством всеобщей унификации и стандартизации. Мысль, скажем прямо, далеко не новая, а глубина анализа процесса, на наш взгляд, в данной главе довольно поверхностна.

3. *The Paradoxes of Empire* (с. 51) — «Парадоксы империи». Де-факто в этой главе описывается обустройство Цинь как первой империи, ее дальнейшая гибель и победа Хань, причем без какого-либо подробного описания войн Чу и Хань в 209–202 гг., все сводится к цитатам

диалогов Лю Бана (будущего основателя Ханьской империи Гао-цзу), взятых в виде цитат из Ши цзи.

4. *Imperial Cities* (с. 75) — «Города империи». Описываются ханьские столицы Чанъань и Лоян, приводятся карты.

5. *Rural Society* (с. 102) — «Аграрное общество». По сути, глава посвящена экономике империи, хозяйственному укладу населения и даже такой сугубо инфраструктурной вещи, как строительство стен.

6. *The Outer World* (с. 128) — «Внешний мир». Как не трудно догадаться, глава описывает внешние сношения Китая в период первых империй по направлениям севера (сюнну), запада (цяны и ухуани) и юга (Корея и Вьетнам).

7. *Kinship* (с. 155) — «Родственные связи». Глава посвящена внутрисемейным отношениям и главным образом основана на материале Ли Цзи — базового письменного источника, посвященного внутрисемейным ритуалам.

8. *Religion* (с. 178) — «Религия». Глава поднимает одну из важнейших тем в раннеимперском Китае — тему жертвоприношений и культов, однако вновь, увы, делает это достаточно поверхностно. Кроме того, в главе присутствует описание религиозных движений, что, конечно же, опять связано с политической нестабильностью конца Восточной Хань 169–220 гг. н.э.

9. *Literature* (с. 206) — «Литература». По сути, этот раздел перечисляет базовые письменные источники раннеимперского периода, никак специально не анализируя их и не привязывая этот гипотетический анализ к логике изложения исторической информации в данной книге. Отдельно мы об этом скажем ниже, при разборе методологии исследования.

10. *Law* (с. 227) — «Закон» (или же «Правосудие»). Раздел явно написан на базе классических работ Энтони Хульсева [4, 5] и рассматривает различные аспекты права и правоприменения.

Как видно из перечня глав и их краткого содержания, книга не имеет связного сюжета и построена по тематическому принципу энциклопедии — каждая глава освещает отдельную тему и никак не связана с предыдущей. В этом смысле структура книги явно схожа с «Кембриджской историей Китая» [6], которая также имела широкий охват тем, однако там книгу все же «скреплял» единый хронологический скелет обзора политической истории периода, который хоть и в кратком виде, но был. Здесь же эту роль призваны выполнить введение и первая глава, формально посвященная географии, но в силу их малого объема они воспринимаются «отдельно» от остальных глав, поэтому главы эти читаются как десять больших энциклопедических статей или, если угодно, статей в научном сборнике, объединенных единой тематикой периода. Из-за этого, несмотря на безупречное внешне оформление,

¹ В 2016 г. вышел перевод книги на русский язык [2].

² Справедливости ради заметим, что подобного рода удивительные провалы в рассказе о данном периоде встречаются и в отечественной историографии, см. например: [3], где в разделе «Империя Хань после У-ди» сказано следующее: «Слабые и безвольные преемники У-ди оказались не в состоянии контролировать власть на местах». Это все, что сообщает вузовский учебник о периоде 87–1 гг. до н.э.

с четким научным аппаратом, производящее с первого взгляда абсолютно «академическое» впечатление, целостного, монографического вида книга не принимает, а видится именно как справочник по той или иной сфере жизни первых империй, и из-за этого очень похожа по ощущениям от чтения на научно-популярное издание. Мы не беремся давать этому факту какую-либо оценку, но ощущение диссонанса от несоответствия абсолютно академичного, более присущего целостным монографиям оформления и «популярно-энциклопедического» содержания не пропадает. Необходимо, однако, подчеркнуть, что два этих обстоятельства — четкое оформление³ и энциклопедический охват тем — как раз и являются главными достоинствами книги, позволяющими использовать ее как справочник по различным сферам жизни ранних империй, на который легко ссылаться строго академически. Собственно, автор данной рецензии использует книгу именно так. Однако, к сожалению, ряд важных претензий все же остается, о чем мы скажем ниже.

Библиография и научные традиции

Данная книга — идейный наследник трудов классиков западного китаеведения, американских синологов Дерка Бодде (1909–2003), Ганса Френкеля (1916–2003), Уильяма Скиннера (1925–2008), голландца Энтони Хульсева (1910–1993), работавшего в США шведского ученого Ганса Билленштейна (1920–2015), британца Майкла Лева (род. 1922) и (в меньшей степени) австралийца Ричарда де Креспини (род. 1936), что явно следует из ее библиографии (с. 292–308), в значительной степени состоящей из ссылок на разделы тома «Кембриджской истории Китая» [6], в написании которой большинство упомянутых ученых принимали непосредственное участие, а М. Лева, написавший большинство разделов, выступил также ответственным редактором. При этом обращает на себя внимание полное отсутствие в библиографии книги трудов Гомера Дабса (1892–1969) и Бертон Уотсона (1925–2017) [7–11], осуществивших первые переводы на английский язык *Ши цзи* [12] и *Хань шу* [13] — базовых источников по синхронным тематике книги периодам. Вероятно, это вызвано тем, что М. Льюис в достаточной степени владеет китайским языком — в книге он, в основном, ссылается, собственно, на китайские оригиналы. Однако все же, учитывая то, что переводы Г. Дабса и Б. Уотсона выступали основной опорой при написании собственно «Кембриджской истории Китая» по периоду Цинь и Хань, не увидеть их в библиографии книги «Ранние китайские империи Цинь и Хань» несколько странно. Также удивительно почти полное отсутствие в данной библиографии трудов еще одного ведущего американского ученого немецкого происхождения Мартина Керна (род. 1962) — представлена только одна работа [14], тогда

как по рассматриваемому периоду на момент выхода книги у активно пишущего М. Керна вышел еще ряд работ [15, 16], непосредственно пересекающихся по тематике с рассматриваемой работой М. Льюиса. И это при том, что сам М. Керн писал на работу М. Льюиса рецензию [16], а одна из работ М. Керна (1999) практически совпадает по тематике с работой М. Льюиса, которая в библиографии рассматриваемой книги есть [17]. При этом о принципиальном игнорировании при написании данной книги работ ученых одного с ним поколения говорить не приходится — труды американских ученых Стефана Дюранта (род. 1944) [18, 19], Мишель Нилан (род. 1950) [20–23] и Эдварда Шоннеси (род. 1952) [24] в библиографии работы присутствуют.

Особняком стоят труды работавших в США китайских ученых. И если исследование Чжан Гуанчжи (1931–2001) [25], фигура которого повлияла на изучение китайской древности в т.ч. и в западной науке, фактически привнес в нее саму идею районирования Китая, должно быть отнесено к наследию как китайской, так и американской науки, то прочие китайские авторы из библиографического списка рецензируемой книги, жившие и работавшие в США, не сумели подобно Чжану перейти от дискрипции к аналитике, оставшись в рамках описательной модели изложения источников. Кстати, отдельно заметим, что на китайском языке автор использует почти исключительно только источники, научных работ, написанных в КНР, в библиографическом списке нам удалось обнаружить буквально две, и обе они представляют собой пояснения к эпиграфическим текстам, а не работы на самостоятельные темы [26, 27]⁴.

Методологические проблемы и критические замечания

Подводя итог и заостряя внимание на достоинствах и недостатках, отметим, что данная книга представляет собой очень интересный, крайне репрезентативный пример продукта «классического» западного ханеведения.

Во-первых, о достоинствах.

1. Данная книга⁵, внешне выглядит фундаментально, все формальные показатели полностью соответствуют академическому статусу, в полном порядке научный аппарат. Визуально ничто не позволяет усомниться в качестве книги.

2. Упомянутый выше «энциклопедический характер» действительно бывает полезен для ознакомления с ситуацией в той или иной сфере общественной жизни.

Теперь перейдем к слабым сторонам работы, их, увы, больше.

1. Автор в принципе не ставит перед собой собственно исследовательских, подлинно аналитических задач, все

³ Туда же нужно отнести и относительно актуальную западную библиографию, подробнее об этом ниже.

⁴ Это очень красноречиво свидетельствует об отношении М.Э. Льюиса к работам, написанным в КНР, и будем честны, довольно рельефно высвечивает проблемы всей китайской исторической науки, но это уже тема для отдельного исследования.

⁵ Или подобные ей, как все та же Кембриджская история Китая [6].

время де-факто оставаясь в рамках дескриптивистской модели работы, с опорой на уже сделанные предшественниками описания. Описание фактуры как таковое, безусловно, необходимо, но тут оно становится самоцелью. Из-за этого книга де-факто не может предложить специалисту по Древнему Китаю что-то действительно новое, по-настоящему ценное, не привнося ничего, чего нельзя было бы извлечь из источников по истории периода, владея языком оригинала. Из-за этого в глазах специалиста прекрасно формально выверенная книга энциклопедического формата начинает смотреться как достаточно скучный «научпоп». Из этой же проблемы — нежелания или неумения автора поставить исследовательскую задачу вытекают проблемы с методологией исследования.

2. Это отсутствие внятной методики анализа и изложения исторического процесса, в основе которой обычно заложен четкий хронологический «скелет», поскольку базовое требование к любому специалисту при изложении истории — как можно полнее добиться непрерывности рассказа о ней. Те «провалы» и «перескоки» в изложении истории, которые позволяет себе допускать М. Льюис, говорят, прежде всего, о практически полном отсутствии базовой культуры понимания изложения исторического процесса, проще говоря, слабой подготовке М. Льюиса как ученого-историка. Из слабости этой подготовки вытекает и следующая причина.

3. Это катастрофически слабая источниковедческая часть. Глава «Литература», собравшая все письменные памятники Хань в одном месте книги, не имеет прямого

отношения к источниковедческому исследованию, призванному, например, досконально и скрупулезно понять взаимоотношения двух базовых источников по истории периода — Ши цзи и Хань шу и не утверждать сгоряча, что первый всегда однозначно более древний источник, чем второй⁶.

4. Отсутствие в арсенале у исследователя понятных и простых точных (например, количественного) методов анализа исторической информации⁷ и как следствие — неумение «писать историю» и движение вслед за китайской парадигмой, приводящее к объединению периодов Цинь и Хань на манер китайской историографии, в результате чего, например, полностью скрывается со сцены период острого противостояния между Чу и Хань в 209–202 гг. до н.э. за объединение империи, а также происходит потеря целых десятилетий (!) во второй половине Западной Хань и на всем протяжении Хань Восточной. Последнюю на фоне Западной Хань автор книг просто забывает — ее часто вообще нет в изложении, как будто и не было в реальности двухсот лет истории.

Подводя итог, с некоторым удивлением отметим, что на данный момент в западном ханеведении де-факто отсутствуют относительно новые монографические работы, которые можно назвать действительно полезными для использования на мировом уровне. Приходится признать, что данная отрасль науки стагнирует, что придает достижениям отечественной науки в этой области совершенно особый вес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lewis M.E. The Early Chinese Empires Qin and Han. Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
- Льюис М.Э. Империи Древнего Китая. От Цинь к Хань: великая смена династий / пер. с англ. С.А. Белоусова. М., 2016.
- История Китая: Учебник / ред. А.В. Меликсетов. М.: Высшая школа, 2002.
- Hulsewé A.F.P. Remnants of Han Law, Vol. 1. Leiden: Brill, 1955.
- Hulsewé A.F.P. Remnants of Ch'in Law: An Annotated Translation of the Ch'in Legal and Administrative Rules of the 3rd Century B.C. Leiden: Brill, 1985.
- Cambridge History of China. Vol. 1: The Ch'in and Han Empires. 221 BC. — A.D. 220. M. Loewe, editor. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Dubs H., trans., comment. The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. Vol. 1. The Imperial Annals (Chapters I–V). Baltimore: Waverly Press, 1938.
- Dubs H., trans., comment. The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. Vol. 2. The Imperial Annals (Chapters VI–X). Baltimore: Waverly Press, 1944.
- Dubs H., trans., comment. The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. Vol. 3. The Imperial Annals (Chapters XI–XII and the Memoirs of Wang Mang). Baltimore: Waverly Press, 1955.
- Watson B. Records of The Grand Historian of China. New York: Columbia University Press, 1961.
- Watson B. Records of the Grand Historian: Han Dynasty I & II; Qin dynasty. New York: Columbia University Press, 1993.
- 司馬談. 史記. 北京: 中華書局, 1959. [Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки). Пекин: Чжунхуа, 1959.]
- 班固. 漢書. 北京: 中華書局, 1962. [Бань Гу. Ханьшу (История Хань). Пекин: Чжунхуа, 1962.]
- Kern M. The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation. New Haven (CT): American Oriental Society, 2000.
- Kern M. Religious Anxiety and Political Interest in Western Han Omen Interpretation: The Case of the Han Wudi Period (141–87 B.C.) // Studies in Chinese History. 2000. No. 10. P. 1–31.
- Kern M. "Feature: Writing and Authority in Early China" by Mark Edward Lewis // China Review International. 2000. Vol. 7. No. 2. P. 336–376.
- Lewis M.E. The Feng and Shan Sacrifices of Emperor Wu of the Han. In: McDermott J., ed. State and Court Ritual in China. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Durrant S.W. Ssu'ma Ch'ien's Portrayal of the First Ch'in Emperor. In: Imperial Rulership and Cultural Change in Traditional China.

⁶ Как можно подходить к анализу источников см.: [28–31].

⁷ Как работают подобные методы см.: [32, 33].

Brandauer F.P., Chun-Chieh Huang, eds. Seattle: University of Washington Press, 1994.

19. Durrant S.W. *The Cloudy Mirror: Tension and Conflict in the Writings of Sima Qian*. Albany: SUNY Press, 1995.

20. Nylan M. The Chin-wen/Ku-wen Controversy in Han Times // *T'oung Pao*. 1994. Vol. 80. No 1. P. 82–144.

21. Nylan M. Confucian Piety and Individualism in Han China // *Journal of the American Oriental Society*. 1996. Vol. 116. No. 1. P. 1–27.

22. Nylan M. Han Classicists Writing in Dialogue about their Own Tradition // *Philosophy East and West*. 1997. Vol. 47. No. 2. P. 133–188.

23. Nylan M. A Problematic Model: The Han 'Orthodox Synthesis' Then and Now. In: *Imagining Boundaries: Changing Confucian Doctrines, Texts, and Hermeneutics*. Chow Kai-wing, Ng On-cho, Henderson J.B., eds. Albany: SUNY Press, 1999.

24. Shaughnessy E.L. Military Histories of Early China: A Review Article // *Early China*. 1996. Vol. 21. P. 159–182.

25. Chang Kwang-chih. *The Archaeology of Ancient China*. New Haven (CT): Yale University Press, 1986. 450 p.

26. 高文. 汉碑集释. 开封: 河南大学出版社, 1985. 528 页 [Гао Вэнь. Комментарии к ханьским эпиграфическим текстам. Кайфэн: Хэнань дасюэ собаньше, 1985. 528 с.]

27. 馬繼興. 馬王堆古醫書考釋. 長沙, 1992. [Ма Цзисин. Древние медицинские тексты из Мавандуя. Чанша, 1992.]

28. Башкеев В.В. Первые результаты текстологического анализа Гао-ди цзи шан из Хань шу в сопоставлении с соответствующи-

ми главами из Ши цзи // *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48. № 2. С. 432–449.

29. Башкеев В.В. О структуре изложения событий в разделе дицзи Хань шу. На материале главы Гао-ди цзи ся // *Общество и государство в Китае*. 2019. Т. 49. № 1. С. 87–107.

30. Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // *Общество и государство в Китае*. 2011. Т. 41. № 1. С. 43–59.

31. Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» Чуньцю Цзочжуань (комментарий Цзо к Чуньцю): соотношение «исторического» и «канонического». В кн.: Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб, 2014. С. 248–270.

32. Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии. В кн.: *Отголосок прошедшего в будущем*. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.

33. Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». В кн.: *Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени»)* / пер. и примеч. Н.И. Монастырева; отв. ред. А.М. Карапетянц. М.: Восточная литература, 1999. С. 195–234.

REFERENCES

1. Lewis ME. *The Early Chinese Empires Qin and Han*. Cambridge (MA): The Belknap Press of Harvard University Press; 2007.

2. Lewis ME. *Imperii Drevnego Kitaya [The Early Chinese Empires Qin and Han]*. Belousov S, trans. Moscow, 2016. (In Russ).

3. *Istoria Kitaya: Uchebnik [History of China: Textbook]*. Meliksetov AV, editor. Moscow: Vysshaya shkola, 2002. (In Russ).

4. Hulswé AFP. *Remnants of Han Law*. Leiden: Brill; 1955;1.

5. Hulswé AFP. *Remnants of Ch'in Law: An Annotated Translation of the Ch'in Legal and Administrative Rules of the 3rd Century B.C.* Leiden: Brill, 1985.

6. *Cambridge History of China. The Ch'in and Han Empires. 221 BC. — A.D. 220*. Loewe M, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 1986;1.

7. Dubs H, trans., comment. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. The Imperial Annals (Chapters I–V)*. Baltimore: Waverly Press; 1938;1.

8. Dubs H, trans., comment. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. The Imperial Annals (Chapters VI–X)*. Baltimore: Waverly Press; 1944;2.

9. Dubs H, trans., comment. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. The Imperial Annals (Chapters XI–XII and the Memoirs of Wang Mang)*. Baltimore: Waverly Press; 1955(3).

10. Watson B. *Records of The Grand Historian of China*. New York: Columbia University Press; 1961.

11. Watson B. *Records of the Grand Historian: Han Dynasty I & II; Qin dynasty*. New York: Columbia University Press; 1993.

12. Sima Qian. *Shiji [Records of the Grand Historian]* Beijing; 1959. (In Chinese)

13. Ban Gu. *Han shu [History of Han]*. Beijing; 1962. (In Chinese)

14. Kern M. *The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation*. New Haven (CT): American Oriental Society; 2000.

15. Kern M. Religious Anxiety and Political Interest in Western Han Omen Interpretation: The Case of the Han Wudi Period (141–87 B.C.). *Studies in Chinese History*. 2000;(10):1–31.

16. Kern M. "Feature: Writing and Authority in Early China" by Mark Edward Lewis. *China Review International*. 2000;7(2):336–376.

17. Lewis ME. The Feng and Shan Sacrifices of Emperor Wu of the Han. In: McDermott J, editor. *State and Court Ritual in China*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.

18. Durrant SW. Ssu'ma Ch'ien's Portrayal of the First Ch'in Emperor. In: *Imperial Rulership and Cultural Change in Traditional China*. Brandauer FP, Chun-Chieh Huang, eds. Seattle: University of Washington Press; 1994.

19. Durrant SW. *The Cloudy Mirror: Tension and Conflict in the Writings of Sima Qian*. Albany: SUNY Press; 1995.

20. Nylan M. The Chin-wen/Ku-wen Controversy in Han Times. *T'oung Pao*. 1994;80(1):82–144.

21. Nylan M. Confucian Piety and Individualism in Han China. *Journal of the American Oriental Society*. 1996;116(1):1–27.

22. Nylan M. Han Classicists Writing in Dialogue about their Own Tradition. *Philosophy East and West*. 1997;47(2):133–188.

23. Nylan M. A Problematic Model: The Han 'Orthodox Synthesis' Then and Now. In: *Imagining Boundaries: Changing Confucian Doctrines, Texts, and Hermeneutics*. Chow Kai-wing, Ng On-cho, J.B. Henderson, eds. Albany: SUNY Press; 1999.

24. Shaughnessy EL. Military Histories of Early China: A Review Article. *Early China*. 1996;21:159–182.

25. Chang Kwang-chih. *The Archaeology of Ancient China*. New Haven (CT): Yale University Press; 1986. 450 p.

26. Gao Wen. *Han bei ji shi [Collected Explanations of Han Inscriptions]*. Kaifeng: Henan University Press; 1985. 528 p. (In Chinese)

27. Ma Jixing. *Mawangdui gu yi shu kaoshi [Critical Elucidation of the Ancient Medical Texts from Mawangdui]*. Changsha; 1992. (In Chinese)

28. Bashkeev VV. The first results of textological analysis of Gao-di-ji Shan from Han-shu in Comparison with Corresponding Chapters from Shi-ji. *Society and State in China*. 2018;48(2):432–449. (In Russ).
29. Bashkeev VV. About Structure of Presentation of Events in Section Dijj of Han Shu. On the basis of chapter Gao-di-ji Sia Data. *Society and State in China*. 2019;49(1):87–107. (In Russ).
30. Ulyanov MYu. Textual Aspects of the Study of Chunqiu Zuozhuan: To Problem of Distinguishing and Characterizing Structural-Genre Groups. *Society and State in China*. 2011;41(1):43–59. (In Russ).
31. Ulyanov MYu. Structure of the “Commenting Complex” of Chunqiu Zuozhuan (Commentary of Zuo to Chunqiu): Balance of “Historical” and “Canonical”. In: *Rosenberg collection: Oriental Studies and Materials*. Saint Petersburg; 2014. P:248–270. (In Russ).
32. Bashkeev VV, Ulyanov MYu, Tseluyko MS. Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisani drevnei i srednevekovoi istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoi Azii. In: *Otgolosok proshedshego v budushchem*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU; 2012. P:47–71. (In Russ).
33. Deopik DV. Opyt kolichestvennogo analiza drevnei vostochnoi letopisi “Chun Qiu” [Experience of Quantitative Analysis of the Ancient Eastern Chronicle “Chun Qiu”]. In: *Konfutsyeva letopis Chun Qiu (Chun Qiu /Springs and Autumns/ by Confucius)*. Monastyrev N, trans., Karapetyants AM, editor. Moscow: Vostochnaya literatura; 1999. P:195–234. (In Russ).

ОБ АВТОРЕ

Башкеев Виктор Викторович;

адрес: Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32;
ORCID: 0000-0002-2785-1281; eLibrary SPIN: 8749-6692;
e-mail: martartofaw@gmail.com

AUTHOR INFO

Victor V. Bashkeev;

address: 32, Nakhimovsky Av., 117997 Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-2785-1281; eLibrary SPIN: 8749-6692;
e-mail: martartofaw@gmail.com